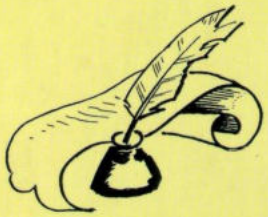
Лысенков Виктор Иванович родился 4 апреля 1954 года в деревне Губино Воскресенского района Московской области.

Окончил Московский автомеханический институт (МГТУ МАМИ) и Московский государственный открытый университет.

Более тридцати лет работает в органах государственного и муниципального управления. Лауреат Премии Московской областной Думы в области социальной защиты населения.

Член Союза писателей и Союза журналистов России. Председатель редакционного совета литературного альманаха «Воскресенск — моя родина светлая...». Лауреат Московского областного конкурса «Мы горды Отечеством своим», обладатель Почётного диплома «Золотое перо Московии», награждён Золотой Есенинской медалью «За верность традициям русской культуры и литературы».

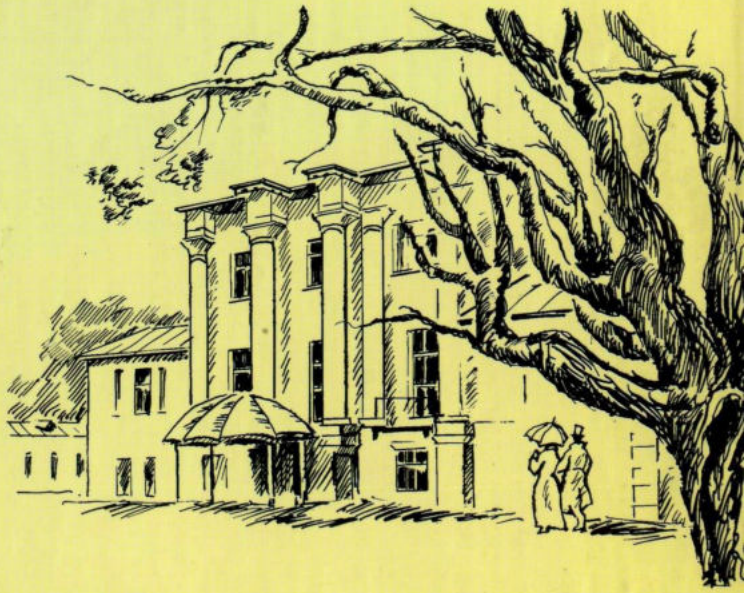


Виктор ЛЫСЕНКОВ

Воскресенские ПЕНАТЫ

Виктор ЛЫСЕНКОВ

Воскресенские ПЕНАТЫ



Виктор ЛЫСЕНКОВ

Воскресенские ПЕНАТЫ

Москва
«Интеллект-Центр»
2008

УДК 908(470.311-21Воскресенск)
ББК 83.3(2Рос=2Рус)6
Л 88

Лысенков В.И.
Воскресенские пенаты. — М.: Интеллект-Центр, 2008 — 200 стр., ил.

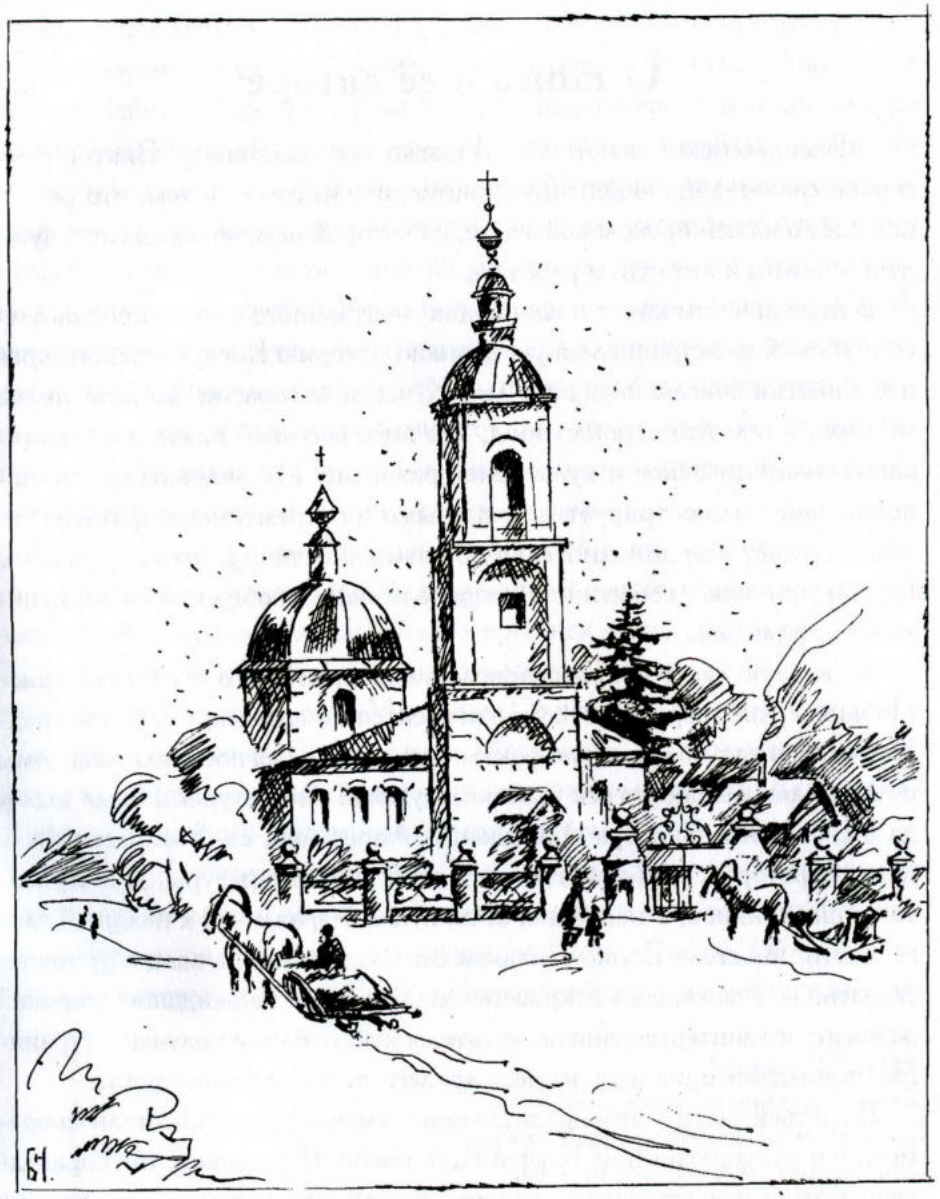
В книге рассказывается о подмосковном городе Воскресенске, о жизни и творчестве известных русских писателей Бориса Пильняка, Инны Гофф, Константина Ваншенкина и других замечательных людей, оставивших яркий след в его истории.

Автор выражает искреннюю признательность за помощь в издании книги главе Воскресенского муниципального района Московской области Юрию Фёдоровичу Слепцову.

Графика Н.И. Башмакова
Фото О.М. Груздева, В.Н. Дубровина, А.В. Захарова, С.А. Киселёва, А.В. Лысенкова, В.И. Лысенкова, А.С. Моднова, А.Ю. Молодкина, В.М. Ручьёва, В.В. Сазонова, А.И. Смирнова, Ю.В. Фокина.
В книге использованы фотографии из личных архивов К.Я. Ваншенкина, Н.Н. Лапиной, А.А. Суслова, а также из изданий, указанных в разделе «Библиография».

ISBN 978-5-89790-472-3

© Лысенков В.И., 2008
© Башмаков Н.И. (графика), 2008



Село Новлянское. Иоанно-Златоустовская церковь

О книге и её авторе

«Воскресенские пенаты». ...Назвав так свою книгу, Виктор Лысенков сознательно акцентирует внимание читателя на том, что речь в ней идёт о нашей прекрасной земле, на которой нам, волею свыше, суждено и жить, и любить, и работать.

В первой части книги в жанре документального очерка предлагается глубокий экскурс в славную давнюю историю Воскресенского края и в события совсем недавних лет. К чести автора, не забыты имена многих из тех, кто строил город, кто внёс весомый вклад в его социально-экономическое и культурное развитие. Исследовательское повествование иллюстрируется архивными и современными фотографиями, что даёт нам дополнительную возможность ощутить себя как бы внутри минувших событий, в непосредственном общении со знаменитыми земляками.

Во вторую часть вошла фундаментальная работа о писателе Борисе Пильняке, чьё творческое начало относится к нашему краю. В ней представлены, в частности, такие факты, которые до сих пор были неведомы почитателям выдающегося классика русской литературы. После выхода в свет книги Виктора Лысенкова «Адрес мой: ст. Воскресенск...» для литераторов, историков и преподавателей литературы, для студентов и школьников, а также для всех, кто небезразличен к изящной словесности, писатель Борис Пильняк стал открытием, а если ещё точнее сказать, — счастливым откровением. Такой вот неожиданно широкий резонанс и заинтересованную читательскую публику получают страницы, принадлежащие перу нашего коллеги по творческому цеху.

В третьей части книги представлены замечательные писатели-современники — супруги Инна Гофф и Константин Ваншенкин. Их справедливо можно назвать воскресенцами, потому что около сорока лет они жили и творили в нашем городе. Не прерывается связь семьи Ваншенкиных с Воскресенском и сегодня. В немалой степени благодаря и

Виктору Ивановичу, инициативой и трудами которого память об Инне Анатольевне Гофф увековечена в названии одной из улиц города.

Заслуживает большого уважения стремление Виктора Лысенкова светло воспеть отчий край. Зная незаурядные литературные способности Виктора Ивановича и его скрупулёзный подход к работе с архивными материалами и специальной литературой по вопросам истории и краеведения, мы можем с уверенностью сказать, что читатель получил книгу необыкновенной точности, написанную самым настоящим русским языком, книгу, очень необходимую всем, кому небезразличен отчий край, кто воистину чувствует себя настоящим гражданином города и его округи. Здесь напрочь отсутствуют умилительные сцены «под читателя», непочтительное обращение с теми, кто требует уважительного отношения, — автор исключил эту небрежность, дав нам широкий спектр искренности, уважения и любви к своим героям.

Творчество Виктора Лысенкова достаточно известно. При его непосредственном руководстве редакционным советом увидели свет три номера литературного альманаха «Воскресенск — моя родина светлая...». Член Союза писателей и Союза журналистов России, лауреат Московского областного конкурса «Мы горды Отечеством своим», обладатель Почётного диплома «Золотое перо Московии», он награждён за верность традициям русской культуры и литературы Золотой Есенинской медалью и многими другими знаками отличия.

В книге «Воскресенские пенаты» мы видим автора как беззаветного труженика по обретению прекрасных исторических имён, которые своим талантом принесли литературную славу нашему краю. Надеюсь, что в этом замечательном деле Виктор Иванович будет неиссякаем и впредь.

Леонид ДУДИН,
член Союза писателей России,
лауреат Всероссийской литературной
премии им. М. Ю. Лермонтова.

Светлой памяти
моей мамы Клавдии Ивановны,
братьев Бориса и Сергея

На берегах Москвы-реки, Семиславки и Нерской

Воскресенск. Дворец культуры «Химик» им. Н.И. Докторова

Ты красив зимой и летом,
В день осенний и весной.
Город первых пятилеток,
Город славы трудовой.

Вяч. Яненков

Воскресенский район Московской области расположен в 60-100 км к юго-востоку от Москвы и граничит на севере и западе с Раменским районом, на востоке — с Орехово-Зуевским и Егорьевским, на юге — с Коломенским, на юго-западе — со Ступинским районами.

Судьбы испокон веков живущих здесь людей неразделимы с судьбой Московии, и на их долю выпали невзгоды, печали, радости и победы, пережитые всем русским народом. Они сеяли хлеб, воевали с врагами, любили, растили детей. Они оставили нам в наследство свою стойкость, храбрость, терпение, доброту.

Московскому краю как относительно самостоятельному территориальному образованию — около 900 лет. Обжитый финно-угорскими, а затем славянскими племенами вятичей и кривичей, он к началу XII века насчитывал сотни поселений. Это был перекрёсток важных водных и сухопутных дорог, связывавший север и юг, запад и восток древнерусского мира. Центральное положение его в Русской земле спасало от внешних ударов, привлекало многочисленных переселенцев из порубежных княжеств.

В XIII веке Москва и окружающие её территории, находившиеся до того во владении ростово-суздальских князей и великого Владимирского княжества, выделяются в самостоятельный удел, который усилиями его князей, прежде всего Ивана I Калиты (внука Александра Невского, сына Даниила Московского), был превращён в Великое княжество. После присоединения к Москве сначала ближних русских земель, а затем Казани, Астрахани, Сибири и Малороссии территория государства многократно возросла. Однако долгое время Московский край не имел чётких административно-территориальных границ и системы управления, хотя выделялись уже станы, волости, уезды.

В XVII веке вся Россия была поделена на уезды. На московских землях, отличавшихся относительно высокой плотностью населения, в то время существовали 12 уездов: Московский, Дмитровский, Клинский, Волоколамский, Можайский, Рузский, Звенигородский, Верейский, Серпуховский, Каширский, Зарайский и Коломенский.

Многовековые родственные узы соединяют нынешние воскресенские земли с Коломной, первые упоминания о которой сохранили летописи 1177 года. История воскресенского края вплоть до начала XX века неразрывно связана с нею — пограничной рязанской крепостью, форпостом Московского княжества, церковной столицей Подмосковья.

Подколоменские селения испытали всё с лихвой: вражеские нашествия, междоусобицы, становление русской государственности и православия. Здесь собирали рати против иноземцев Великие Московские князья и государи всея Руси Дмитрий Донской, Иван III и Иван IV Грозный. Во многих воскресенских топонимах живёт память об этих исторических событиях: Семиславка, Пять Крестов, Ратчино, Ратмирово, Городище, Беркино, Аргуново, Марчуги, Сабурово...

Важной вехой в истории государства стал Указ Петра I, подписанный 18 декабря 1708 года, в соответствии с которым все земли Российской державы были поделены на восемь губерний: Московскую, Ингерманландскую (с 1710 года Санкт-Петербургскую), Архангельскую, Киевскую, Смоленскую, Казанскую, Азовскую и Сибирскую.

Роспись городов Московской губернии Петром I была утверждена 3 февраля 1709 года. Эта дата считается днём образования Московской губернии.

К Московской губернии отошли центральные земли с 39 городами — около 50 уездов. Наряду с собственно подмосковными землями губерния включала территории современных Владимирской, Ивановской, Рязанской, Тульской, почти всей Ярославской, частично Калужской и Костромской областей.

Управлять такой огромной территорией было весьма сложно, поэтому по следующей реформе 1719 года появилась промежуточная территориальная единица — провинция. В Московской губернии их образовалось 9. Ближние подмосковные земли вошли в Московскую провинцию. В отличие от других, где управляли воеводы, Московская находилась под непосредственным управлением губернатора.

5 октября 1781 года Екатерина II утвердила новые границы Московской губернии, территория которой была несколько меньше, чем современная Московская область. В неё входили 15 уездов (потом их стало 17), разделённые впоследствии на 193 волости.

Нынешние воскресенские земли были размежёваны по двум уездам: Коломенскому и Бронницкому (получившему тогда самостоятельность от Коломны). Соседний Егорьевский уезд вошёл в состав Рязанской губернии.

Просуществовала Московская губерния до 1 октября 1929 года, когда согласно постановлению Всесоюзного Центрального Исполнительного Комитета (ВЦИК) от 14 января 1929 года вместо неё была образована Московская область. До 1931 года в состав области входил и город Москва.

Формирование области происходило одновременно с упразднением уездно-волостного деления и созданием новых административно-территориальных единиц — районов. Всего было создано 144 района, объединённых в 10 округов: Московский, Коломенский, Орехово-Зуевский, Серпуховский, Тульский, Тверской, Рязанский, Бежецкий, Калужский и Кимрский.

Благодаря реформе 1929 года воскресенские земли и получили впервые свою административно-территориальную самостоятельность.

Районирование области происходило с учётом экономического значения и промышленно-аграрного потенциала территорий. По этому принципу были созданы Виноградовский и Воскресенский районы, слияние которых в единый Воскресенский район произошло 1 января 1958 года.

В Воскресенский район вошли Колыберевская волость, части Мячковской и Непецинской волостей Коломенского уезда, а также Спасская волость, части Чаплыженской и Усмерской волостей Бронницкого уезда.

Виноградовский район составили Ашитковская, Михалёвская волости и часть Усмерской волости Бронницкого уезда.

Такое образование самостоятельных районов было вполне закономерно. В хозяйственном плане эти места уже мало зависели от своих уездных «столиц» — Коломны и Бронниц, имея центрами тяготения ближайшие транспортные узлы — железнодорожные станции Воскресенск и Ашитково (незадолго до того переименованную в Виноградово — в память о бывшем начальнике станции, жертве революционных событий 1905 года Сергее Ивановиче Виноградове).

Близ станции Воскресенск, деревень Кривякино и Неверово к этому времени начиналось строительство крупного химического комбината, рядом с деревнями Колыберево, Суворово и Псарёво (Павлово) работали цементный завод и шиферное производство, в Федотове, Лопатине, Садках (Хорлово) и Барановском было развито текстильное производство.

Станция Ашитково (Виноградово) тоже являлась важным транспортным узлом для ткацких и других промышленных предприятий и артелей Ашиткова, Губина, Ванилова, Золотова, да и угодья москворецкой поймы благоприятствовали развитию сельскохозяйственного производства.

Во вновь образуемых районах Московской области в августе 1929 года прошли съезды, на которых провозглашались границы и создавались местные органы власти. В Воскресенске такой съезд, скорее всего, состоялся 18 августа.

Границы Воскресенского района (с учётом присоединения Виноградовского района) до сих пор остались почти неизменными. Пожалуй, единственным крупным «приобретением» стал переданный в 1962 году из Егорьевского района посёлок Фосфоритный. Правда, в начале 60-х годов прошлого столетия, во время эксперимента по разделению органов власти на сельские и промышленные, сельские населённые пункты недолго подчинялись Люберцам.

Жизненный уклад Воскресенского района заметно отличается от соседних Коломны и Егорьевска, где годами устанавливались традиции крестьянские, рабочие, купеческие, мещанские, духовные, а приезжие люди сравнительно легко подвергались процессу ассимиляции.

А вот на образ жизни воскресенцев огромное влияние оказали годы индустриализации 1920-1930-х годов, когда в Воскресенск на строительство

химического комбината приехало много рабочих и специалистов из Поволжья, Нечерноземья и других регионов и республик СССР. Тогда собственно и сложился город.

Кроме того, немало девчат со всей страны пополнили ряды работниц текстильных предприятий Хорлова, Барановского, Ванилова (посёлок имени Цюрупы), Золотова.

Новая волна миграции пришлась на 1960-1980-е годы в бытность Всесоюзных ударных комсомольских строек новых производств Воскресенского химкомбината и Подмосковного горно-химического завода, а также развития предприятий Фаустовской промплощадки.

Численность Воскресенска выросла в десятки раз. Люди сюда приехали самые разные: романтики первых пятилеток и молодые выпускники рабфаков; просто подавшиеся за заработками и те, кто не смог по какой-то причине реализовать себя в родной стороне; бежавшие от раскулачивания или от житейской безысходности.

Они принесли с собой свои представления о социальной справедливости и пролетарское неприятие «торгашества», они не были обременены личным подсобным хозяйством и имели вакуум свободного времени после тяжёлой рабочей смены, они писали жизнь наново, отринув своё, неизвестное окружающим, прошлое. И землячество здесь поначалу определялось не как воскресенское, а как тамбовское, брянское, татарское, украинское...

Такой сплав «пассионарных» личностей, представителей различных регионов, национальных культур и вероисповеданий, наконец характеров, не мог не отразиться на коренных жителях нашего края, на всём укладе жизни воскресенцев.

За три четверти века в этом «котле» варились новые традиции, рождалась своя, далёкая от патриархальности культура.

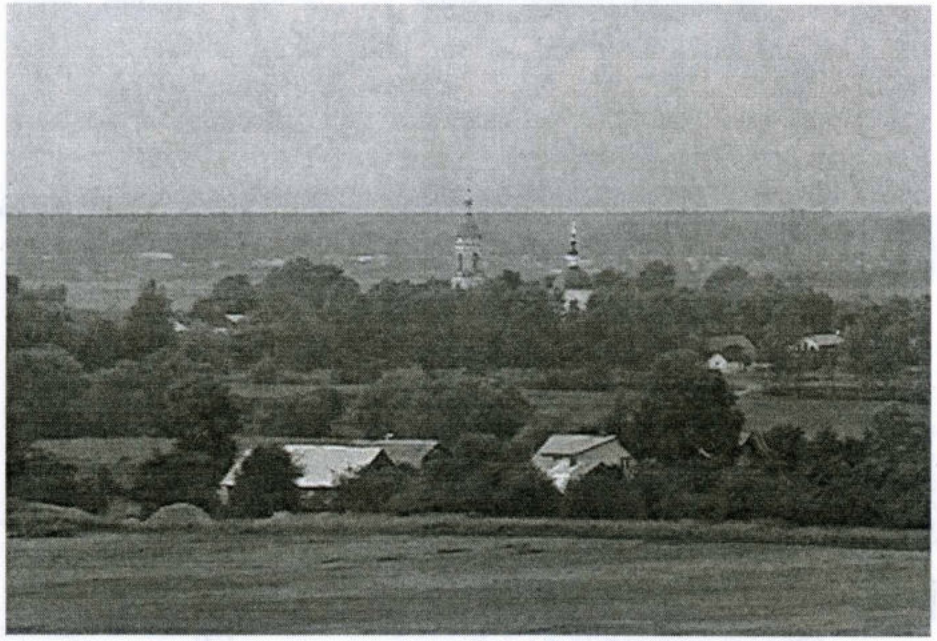
Обретя вторую малую родину, пустив здесь корни, переселенцы, их дети, внуки пусть не сразу, но постепенно начали приобщаться к истории края уже как своего родного, становясь полноправными преемниками всего наследия богатого, уходящего далеко в глубь веков прошлого поселений района. А у каждого села, каждой деревни, каждого посёлка оно своё, интересное и неповторимое.

Схема Воскресенского муниципального района Московской области

Пристанционный посёлок Воскресенск начала XX века: вокзальная площадь и пожарная часть

Д.М. Пожарский

Памятник гражданину Минину и князю Пожарскому на Красной площади в Москве



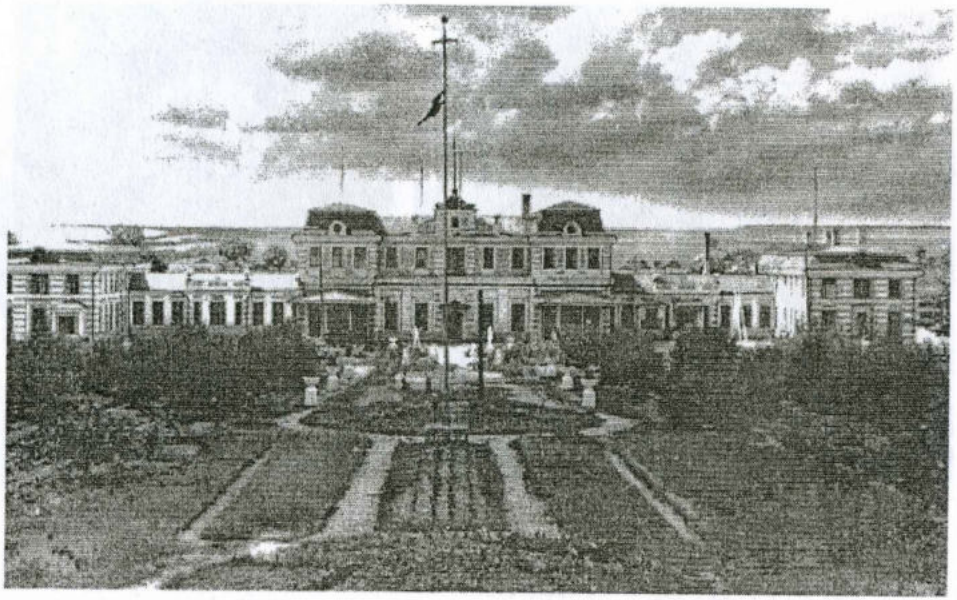
Село Марчуги

Троицкая (Успенская) церковь села Константиново

И.И. Мелиссино

А.О. Смирнова-Россет

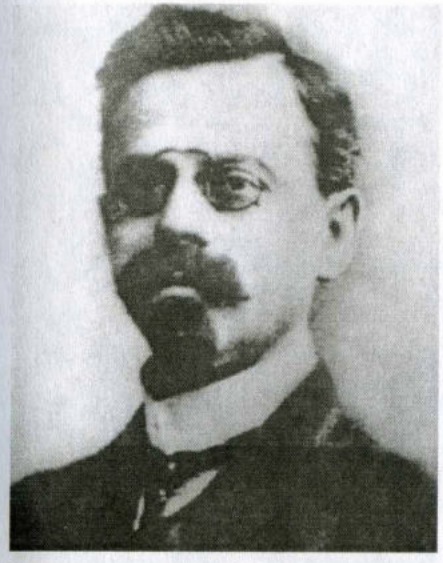
Н.В. Гоголь



Усадьба Спасское. 1950-е годы

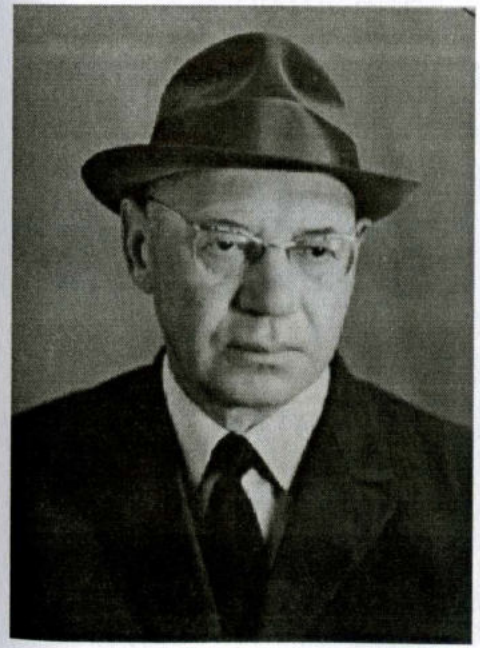
Ю.Э. Конюс

В.И. Качалов

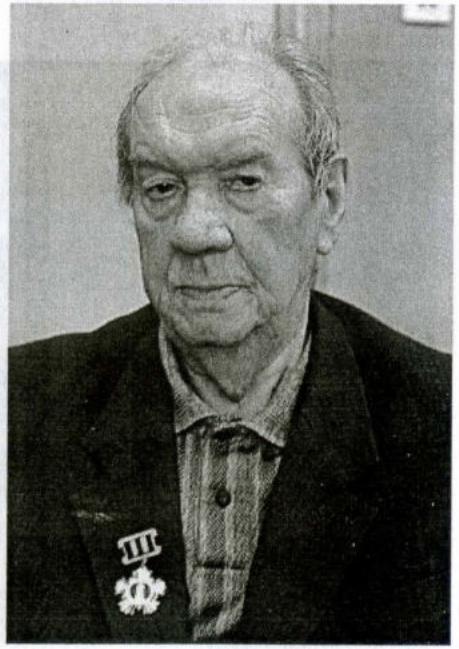


Б.Л. Каган

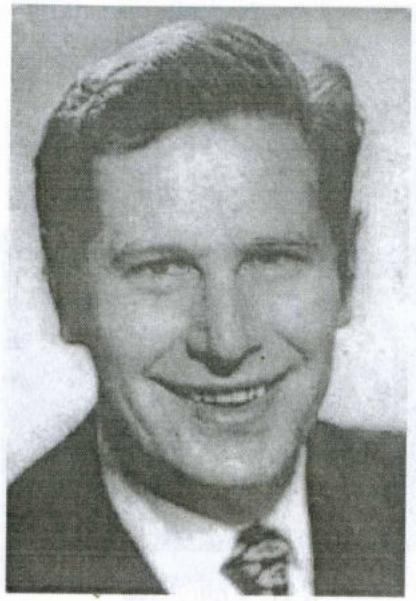
В.И. Стручков



Н.И. Докторов



В.В. Андрес



Г.Г. Юхтин

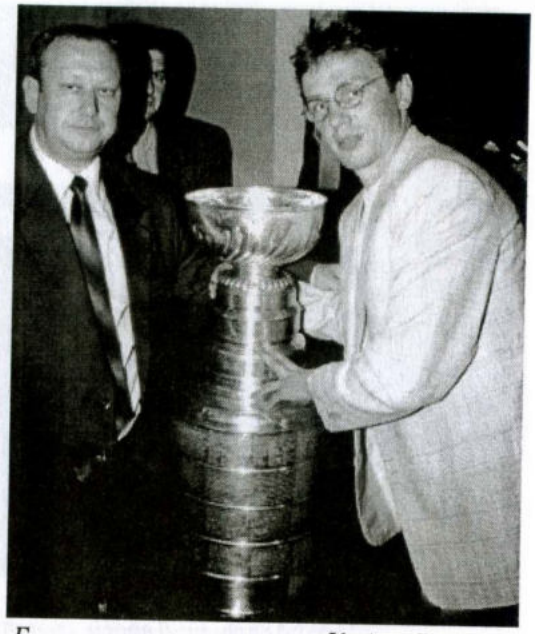
А.И. Лебедев

М.В. Плетнёв

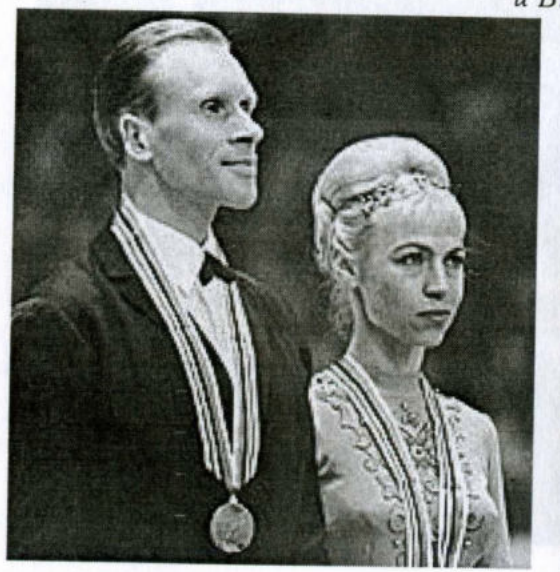
Ледовый Дворец спорта «Подмосковье»

Н.С. Эпштейн, Ю.И Морозов, В.Ф. Васильев

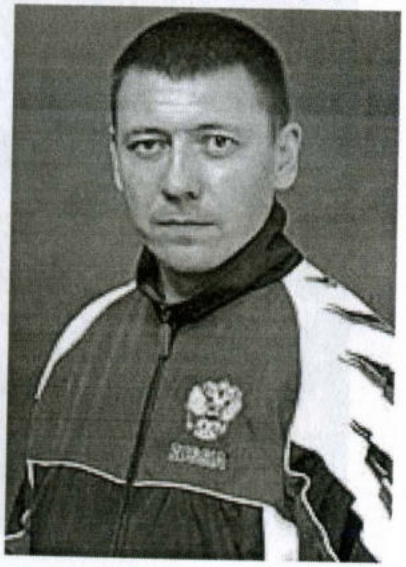
А. Парфёнов



Глоток шампанского из Кубка Стэнли, привезённого в Воскресенск И. Ларионовым (справа), В. Козловым и В. Фетисовым. 19.08.1997 г.



О. Протопопов и Л. Белоусова



А. Бекетов

Дворец водного спорта «Дельфин» и гостиница «Воскресенск»

В.И. Лысенков, Г.С. Титов и А.В. Сальников. 60-летие Воскресенска. 12.06.1998 г.

Названия здешних селений встречаются в духовном завещании великого Московского князя Ивана I Калиты уже в 1339 году. Многовековые корни прослеживаются у Городища, Вертячева, Субботина, Чаплыгина, Ачкасова, Губина, Карпова, Степанщина, Маришкина, Левычина, Богатищева, Леонова, Силина, Медведева, Расловлева, Кривякина, Колыберева, Ильина, Юрасова и других селений.

Село Воскресенское, давшее в 1862 году имя станции Московско-Рязанской железной дороги, а затем и городу, упоминается на страницах исторических документов уже с 1577 года.

Но многие архивные документы по истории нашего края ещё только ждут своих пытливых исследователей.

Из сохранившихся на территории района историко-архитектурных памятников самыми почтенными по возрасту являются Зосимо-Савватиевская и Троицкая церкви Краснохолмской Ново-Соловецкой Марчуговской пустыни в селе Фаустове (1670-1698 гг.), Троицкая церковь в селе Конобееве (1702 г.), Иоанно-Златоустовская церковь в Новлянском (1761 г.), Владимирская церковь в селе Осташове (1763 г.), Крестовоздвиженская церковь в селе Марчуги (1768 г.), Казанская церковь в селе Петровском (1774 г.), Покровская церковь в бывшем селе Губине (1778 г.), Троицкая (Успенская) церковь в селе Константинове (1797 г.), усадьбы Красное сельцо (1770-1780 гг.) и Спасское (вторая половина XVIII века).

Яркий след на земле воскресенской оставили многие выдающиеся люди Государства Российского.

В селе Марчуги, в вотчине своих родителей, по преданию, провёл детские годы русский национальный герой князь Дмитрий Михайлович Пожарский (1578-1642), возглавивший с нижегородцем Кузьмой Миничем Мининым земское ополчение, освободившее в 1612 году Москву от польских интервентов.

«Под спудом» Троицкой (Успенской) церкви села Константинова похоронен видный общественный и государственный деятель XVIII века Иван Иванович Мелиссино (1718-1795) — второй по времени (с 1757 по 1763 год) директор, а потом куратор основанного в 1755 году Московского университета. С 1763 по 1768 год он исполнял должность обер-прокурора Священного Синода, то есть фактически светского главы Русской Православной Церкви.

С усадьбой Красное сельцо (сельцо Кривякино), расположенной ныне в самом центре города, связано имя известного русского писателя-романиста, автора «Ледяного дома», «Последнего Новика» и «Басурмана» Ивана Ивановича Лажечникова (1790-1869). Здесь прошли его детство и юность. Первая литературная публикация писателя «Мои мысли» состоялась в журнале «Вестник Европы» в декабре 1807 года, с обозначением места написания: «с. Кривякино». Отсюда в 1812 году он ушёл на Отечественную войну с французской армией Наполеона Бонапарта, показав себя храбрым воином. Сюда, к брату Николаю, не раз и надолго приезжал он и в конце жизни.

В усадьбе Спасское в гостях у блистательной фрейлины императорского двора Александры Осиповны Смирновой-Россет (1809-1882), которой посвящали стихи Александр Сергеевич Пушкин и Михаил Юрьевич Лермонтов, летом 1851 года работал над некоторыми главами второго тома романа «Мёртвые души» Николай Васильевич Гоголь (1809-1852).

С деревней Кривякино связано появление в 1915 году первых значительных произведений знаменитого в 1920-1930-х годах писателя, одного из первых бытописателей революционных событий Бориса Андреевича Пильняка (1894-1938).

В деревне Губино родился Иван Сергеевич Хохлов (1895-1973) — заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР (с 1938 по 1939 год), в 1940-1943 годах — премьер российского правительства — Председатель Совета Народных Комиссаров РСФСР.

В Воскресенске в Больничном городке, а затем в 1-м Лесном переулке (с мая 2007 года — улица Инны Гофф) с 1952 по 1990 год жили и работали писатели, авторы стихов широко известных песен Инна Анатольевна Гофф (1928-1991) — «Русское поле», «Август», «И меня пожалей», «Когда разлюбишь ты», «Ветер северный» — и Константин Яковлевич Ваншенкин — «Я люблю тебя, жизнь», «Алёша», «Вальс расставанья», «За окошком свету мало», «Как провожают пароходы», «Вы служите, мы вас подождём», «Женька», «Я спешу, извините меня».

С 1995 по 2000 год интересы воскресенцев в качестве депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации представлял второй космонавт планеты Герман Степанович Титов (1935-2000).

Добрую память оставили о себе в Воскресенске актёр Василий Иванович Качалов, критик и историк театра Николай Ефимович Эфрос, живописец Константин Алексеевич Коровин, композитор и скрипач Юлий Эдуардович Конюс, дирижёр и пианист Михаил Васильевич Плетнёв, артисты кино Геннадий Гаврилович Юхтин и Александр Иванович Лебедев, земский врач Борис Львович Каган, хирург академик Виктор Иванович Стручков.

Немало героических страниц вписали воскресенцы в историю страны, её индустриализацию, развитие промышленного, научного, творческого, оборонного потенциала.

29 тысяч воскресенцев встали на защиту родной страны в Великую Отечественную войну. Около 10 тысяч из них не вернулись домой с полей сражений. Воскресенск в 1941-1942 годах был прифронтовым городом и подвергался бомбардировкам. Вдоль левого берега Москвы-реки возводились оборонительные сооружения. Предприятия района производили военную продукцию.

Ратный труд многих тысяч воскресенцев отмечен боевыми наградами.

Девять жителей района — Никита Степанович Дёмин, Александр Андреевич Дивочкин, Виктор Ефимович Карпов, Иван Александрович Киселёв, Константин Петрович Комардинкин, Александр Петрович Моисеев, Николай Алексеевич Мусатов, Георгий Семёнович Петровский, Павел Васильевич Стрельцов — за свои ратные подвиги в годы Великой Отечественной войны получили высокое звание Героев Советского Союза. Полным кавалером ордена Славы вернулся с фронта Семён Иванович Илютович.

В монументах и мемориальных знаках земляки увековечили память о воскресенцах, погибших в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.; об умерших от ран в госпиталях, располагавшихся в военные годы в Воскресенске; о погибших в локальных войнах и военных конфликтах; о невинных жертвах политических репрессий; о ликвидаторах аварий на Чернобыльской атомной электростанции и других ядерных объектах.

Воскресенск был и остаётся городом-тружеником, известным своим мощным промышленно-аграрным потенциалом.

Его земли находятся на стыке Мещёрской низменности (москворецкое левобережье) и Москворецко-Окской равнины (правобережье Москвы-реки).

Недра богаты запасами карбонатных пород для производства цемента и известняковой муки, фосфатных руд для производства удобрений и минеральных подкормок сельхозживотных, песков для строительных целей и изготовления стекла, глин для производства кирпича.

Основные отрасли промышленности: химическая, строительных материалов, машиностроение, текстильная, лёгкая, перерабатывающая. На научных полигонах в Воскресенском районе испытывались как маршевые, так и двигатели ориентации многих военных и мирных космических аппаратов.

Основу сельскохозяйственного производства и перерабатывающей промышленности составляют молочное животноводство, мясное птицеводство, растениеводство.

Воскресенский район имеет развитую социальную и инженерно-транспортную инфраструктуру, обслуживается тремя видами транспорта: железнодорожным, автомобильным и водным.

Через район проходят федеральные автодороги: магистральное шоссе М5 «Урал», соединяющее Москву с юго-восточными и южными регионами страны, и МБК — Московское большое кольцо А108.

Воскресенск — важный железнодорожный узел. Пассажирские электропоезда Московско-Рязанской железной дороги имеют на территории района 18 остановочных пунктов, в том числе шесть — в черте города Воскресенска («Пл. 88 км», «Воскресенск», «Шиферная», «Москворецкая», «Цемгигант», «Лопатино»).

В районе работают мощные специализированные строительно-монтажные организации, предприятия автомобильного и железнодорожного транспорта, научно-исследовательские институты.

Далеко за рубежами не только Московского региона, но и страны известны многие промышленные предприятия Воскресенского района.

Воскресенцы всегда отличались высоким качеством своего труда. Государственных наград в своё время были удостоены трудовые коллективы производственного объединения «Минудобрения» (орден Ленина и орден Октябрьской Революции), комбината асбестоцементных

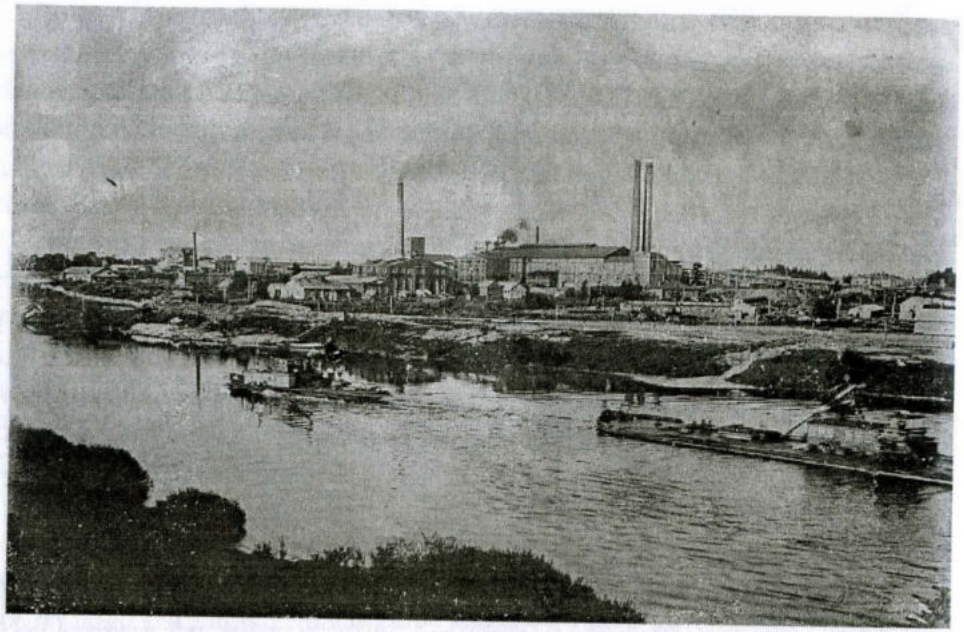
изделий «Красный строитель», цементного завода «Гигант», треста «Мособлстрой № 5» (орден Трудового Красного Знамени), фетровой фабрики (орден «Знак Почёта»). В 1968 году за большой вклад молодёжи Воскресенска в развитие промышленного строительства орденом Трудового Красного Знамени была награждена городская комсомольская организация.

Звания Героя Социалистического Труда удостоены Евгения Александровна Агафонова, Алексей Иванович Антропов, Степан Никифорович Владимиров, Николай Иванович Докторов, Иван Родионович Ионенко, Василий Фёдорович Люкшин, Владимир Семёнович Митин, Мария Яковлевна Новикова, Александр Егорович Петров, Виктор Иванович Стручков, Тимофей Алексеевич Фомин, Николай Фёдорович Хрипунов.

Воскресенцы высоко ценят вклад, который внесли в строительство, социально-экономическое и культурное развитие города его почётные граждане Владимир Вильгельмович Андрес, Иван Владимирович Баранов, Иван Никитич Галинач, Луиза Васильевна Гречкина, Николай Иванович Докторов, Валентин Павлович Звонов, Станислав Андреевич Исполинов, Николай Игнатьевич Куденков, Игорь Николаевич Ларионов, Николай Иванович Макаров, Тамара Петровна Матвиенко, Владимир Семёнович Митин, Василий Александрович Муравьёв, Николай Захарович Никифоров, Мария Яковлевна Новикова, Алексей Николаевич Перепёлкин, Александр Егорович Петров, Валентина Васильевна Стрёмина, Анна Алексеевна Суслина, Анатолий Иванович Тимонин, Леонид Александрович Титов, Виктор Семёнович Фузеев, Николай Фёдорович Хрипунов, Мария Васильевна Штыркова, Николай Семёнович Эпштейн.

Административный, деловой и культурный центр района — город Воскресенск. Статус города он получил 11 июля 1938 года.

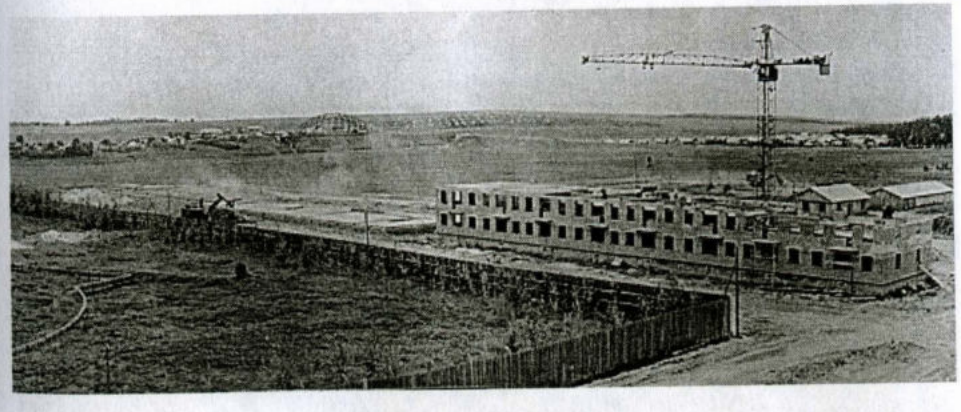
Воскресенск имеет сложную планировочную структуру, состоящую из семи обособленных жилых образований, разделённых промышленно-складскими зонами, транспортными трубопроводами и притоками Москвы-реки. Общая протяжённость города с севера на юг вдоль железнодорожной магистрали Москва-Рязань и Москвы-реки составляет 16 км, его население — 92 тысячи человек.



Цементный завод у деревни Колыберево. Около 1915 года

Барачная площадка химкомбината (вдали деревня Кривякино и село Новлянское). 1936 год

Воскресенск. Улица Советская. 1948 год



Воскресенск. Строительство домов в Физкультурном переулке (вдали село Новлянское и «посёлок за стадионом»). 1950-е годы

Воскресенск. Улица Октябрьская, дом № 1. 1950-60-е годы

Воскресенск. Улица Октябрьская. 1950-60-е годы

Воскресенск. Улица Победы. 1954 год

Воскресенск. Улица Московская. 1950-60-е годы

Памятник воскресенцам, погибшим на фронтах Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.

Памятник воинам, умершим от ран в воскресенских госпиталях в годы Великой Отечественной войны

Памятный знак жертвам политических репрессий

Памятный знак ликвидаторам аварий на ЧАЭС и других ядерных объектах

Памятник воинам-воскресенцам, погибшим в локальных войнах и военных конфликтах

Панорама центральной части Воскресенска

Воскресенск. Панорама Новлянского квартала. 1998 год

Воскресенск. Пешеходный мост через Москву-реку. Весна 1998 года

Воскресенск. Улица Пионерская

Воскресенск. Улица Докторова

Здание администрации Воскресенского муниципального района

В состав Воскресенского муниципального района входят город Воскресенск, посёлки городского типа Белоозёрский, Хорлово, имени Цюрупы, Фосфоритный, 79 сельских населённых пунктов, территориально образуемые 4 городских (Белоозёрский, Воскресенск, Хорлово, имени Цюрупы) и 2 сельских (Ашитковское, Фединское) муниципальных поселения.

Площадь Воскресенского района составляет 810 кв. км. Линейная протяжённость с севера на юг — 38 км, с запада на восток — 36 км. Общая численность населения города и района — 151 тысяча человек.

Мировую славу городу принесли спортивные достижения воскресенцев.

Хоккейная команда «Химик» (основана в 1953 году) — серебряный (1989 г.) и бронзовый (1965, 1970, 1984, 1990 гг.) призёр чемпионатов страны — воспитала немало чемпионов Олимпийский игр, мира и Европы, обладателей высшего приза НХЛ — Кубка Стэнли. Любителям хоккея с шайбой хорошо известны имена заслуженных тренеров СССР Николая Эпштейна и Владимира Васильева, заслуженных мастеров спорта Александра Рагулина, Юрия Морозова, Валерия Никитина, Юрия Ляпкина, Юрия Чичурина, Александра и Владимира Голиковых, Игоря Ларионова, Валерия Каменского, Валерия Зелепукина, Вячеслава Козлова, Александра Черных, Александра Ломакина, Германа Титова, Александра Смирнова, Дмитрия Квартальнова и многих других воспитанников воскресенской школы хоккея.

Воскресенский фехтовальщик Александр Бекетов стал первым российским чемпионом Олимпийских игр 1996 года в Атланте. А начал отсчёт золотым олимпийским наградам воскресенцев ещё на Играх 1956 года в Мельбурне заслуженный мастер спорта по классической борьбе, заслуженный тренер СССР Анатолий Парфёнов. В Воскресенске многие годы тренировались и жили двукратные (1964, 1968 гг.) олимпийские чемпионы по фигурному катанию Людмила Белоусова и Олег Протопопов.

В районе успешно работают детско-юношеские спортивные школы по хоккею, лёгкой атлетике, фехтованию, плаванию, боевым искусствам. Есть стадионы, спортивные залы и площадки, ледовый

Дворец спорта «Подмосковье», Дворец водного спорта «Дельфин», в которых проводятся всероссийские и международные соревнования.

Система образования включает различные виды образовательных учреждений — школы, гимназии и лицеи, учебные заведения высшего и среднего профессионального образования. Жители района пользуются услугами квалифицированной медицинской и социальной помощи.

Для занятий художественным творчеством воскресенцы располагают дворцами и домами культуры, пятью музыкальными школами, двумя школами искусств, литературным объединением «Радуга», кружками и студиями самодеятельного творчества, концертно-выставочным залом, музеями, библиотеками. Успехов добиваются талантливые посланцы Воскресенска на международных, всероссийских и региональных конкурсах и фестивалях, издаются книги воскресенских поэтов, прозаиков, краеведов.

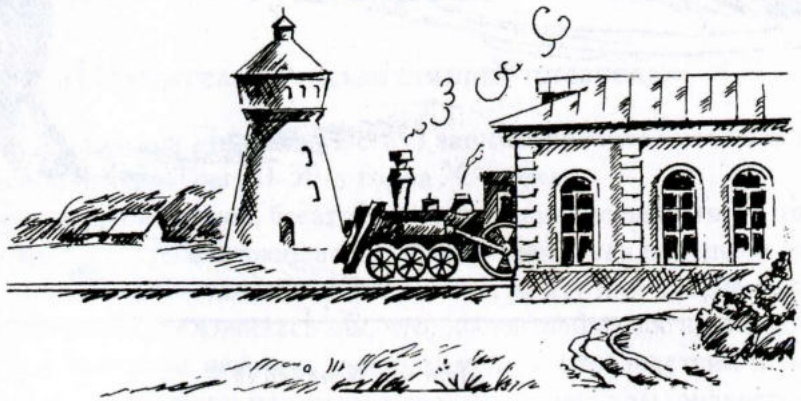
Живописные леса, озёра, река Москва и её притоки Нерская, Отра, Медведка, Семиславка привлекают жителей и гостей района для отдыха.

На территории Воскресенского района располагаются особо охраняемые заповедники: Москворецкий пойменный заказник, памятники природы «Сосновые леса на песчаных дюнах», «Хлопковская колония серых цапель», «Москворецкие дубравы», здесь можно встретить такие редкие виды растений, как ирис сибирский и кувшинка белая.

Ландшафтные рекреационные территории выражены также парками и скверами, детскими оздоровительными лагерями, базами отдыха и санаториями-профилакториями.

Воскресенск — ещё очень молодой город. Но у него есть своё лицо, свой характер, свои традиции, прочным стержнем связывающие устремления в будущее с «преданиями старины глубокой».

«Приезжайте к нам в Кривякино...»



Деревня Кривякино

В России мы изнашиваемся быстрее,
чем паровозы, хотя, казалось бы,
мы к России больше приспособлены, чем сталь.

Бор. Пильняк

Другу — Пильняку

Иль я не знаю, что, в потёмки тычась,
Вовек не вышла б к свету темнота,
И я — урод, и счастье сотен тысяч
Не ближе мне пустого счастья ста?

И разве я не мерюсь пятилеткой,
Не падаю, не подымаюсь с ней?
Но как мне быть с моей грудною клеткой
И с тем, что всякой косности косней?

Напрасно в дни великого совета,
Где высшей страсти отданы места,
Оставлена вакансия поэта:
Она опасна, если не пуста.

Борис Пастернак

1931

«Изумительно талантливый писатель»

Борис Андреевич Пильняк (Вогау) занимает особое место в истории русской литературы 20-30-х годов XX века.

Его жизнь была бурной, богатой впечатлениями, но недолгой. Столь же бурным и богатым читательским ажиотажем, скандальными разносами, успехами и неудачами было и его литературное творчество.

Судьба писателя сложилась так, что, достигший в своё время зенита славы и при этом нещадно критикуемый, а впоследствии и расстрелянный, он и до сих пор незаслуженно остаётся малоизвестным

для многих наших современников. Среди писательских имён, на десятилетия преданных забвению, он оказался забытым особенно прочно, и процесс его реабилитации растянулся на целых шестьдесят лет.

Сейчас Б. Пильняк возвращается на страницы нашей литературы. Восстановлены и переиздаются тексты произведений, появились исследования его творчества. Теперь он включён для изучения в программу русской литературы средней школы.

По определению известного прозаика Варлама Шаламова, Пильняк «был самым крупным писательским именем двадцатых годов». В то время как другие ещё не вполне определили своё отношение к происходившим событиям, «Пильняк уже выступил с «Голым годом», с фейерверком рассказов и повестей. ... Книги путевых очерков, романы выходили один за другим. Чуть ли не в каждом номере «Нового мира», например, ещё в 1928 году был новый рассказ Пильняка».

Исследователи выделяют в творчестве писателя такую категорию, как историческая правдивость, а основным способом выражения этой правды — метафоричность.

Ему присуще импрессионистическое восприятие и изображение жизни, то есть стремление запечатлеть реальный мир в его подвижности и изменчивости, передать свои мимолётные восприятия, переживания и мысли самым естественным и непосредственным образом, широкими мазками. Отсюда оригинальность стиля и кажущаяся фрагментарность, «разорванность» композиции его произведений.

Как отмечали в переписке августа-сентября 1922 года Максим Горький и Константин Федин, Пильняк пишет «мудрёно»: «Он весь из Белого и — немножко — из Ремизова». Пильняк и сам считал своими учителями писателей-экспериментаторов Андрея Белого (Бориса Бугаева) и Алексея Ремизова.

Современники не раз подчёркивали немаловажную роль Б. Пильняка в развитии литературы того периода, его самобытность, новаторство и талант: «Не боясь преувеличения, можно сказать, что из книг Пильняка глянуло на нас «девять десятых судьбы» прозаического искусства нашей эпохи» (Виктор Гофман). «...Один из самых талантливых писателей, выдвинутых нашим временем» (Вячеслав Полонский). «Если обратиться к беллетристам, выдвинутым самой революцией, то мы должны остановиться прежде всего на Борисе Пильняке, у которого есть своё лицо и который является, вероятно, самым одарённым из них...» (Анатолий Луначарский).

Поэт Сергей Есенин в статье «О советских писателях» (1924) отмечал: «Сейчас можно смело сказать, что в беллетристике мы имеем такие имена: Всеволода Иванова, Бориса Пильняка, Вячеслава Шишкова, Михаила Зощенко, Бабеля и Николая Никитина, — которые действительно внесли вклад в русскую художественную литературу.

Симпатии к этим писателям в первенстве их одного перед другим могут делиться и не делиться. Пока они живы, неизвестно, кто кого перевесит, да и главное зарыто не в этом, а в том, что они появились, что они есть и каждый из них отражает революцию так, как он видит её, беспристрастными глазами художника.

У нас очень много писалось о Пильняке. Одно время страшно хвалили, чуть ли не до небес превозносили, но потом вдруг ни с того ни с сего стало очень модным ругать его.

...Пильняк изумительно талантливый писатель, быть может, немного лишённый дара фабульной фантазии, но зато владеющий самым тонким мастерством слова и походкой настроений. У него есть превосходные места в его «Материалах к роману» (*Опубликованные главы из романа «Машины и волки»*. — **В.Л.**) и в «Голом годе», которые по описаниям и лирическим отступлениям ничуть не уступают местам Гоголя».

Прославился он как «самый талантливый бытописатель революции» (Александр Воронский), которую изображал как неординарный и противоречивый процесс, сквозь призму восприятия и участия в ней различных сословий. При этом, как подметил литературный критик Вячеслав Полонский: «Отличие Пильняка от писателей старого поколения, ушибленных революцией, прежде всего в том, что революция не повергла его в отчаяние. Напротив. Он встретил её так, будто её-то ему и не хватало».

Первый же роман «Голый год» (1921) — едва ли не первый по времени советский роман, — переведённый на многие языки мира, принёс писателю и всемирную известность. В 1929-1930 гг. вышло восьмитомное собрание его сочинений.

К самым значительным произведениям Бориса Андреевича Пильняка можно отнести романы «Голый год» (1921), «Машины и волки» (1924), «Волга впадает в Каспийское море» (1929), «Созревание плодов» (1935), «Соляной амбар» (1937), повести и рассказы «Целая жизнь» (1915), «Смерти» (1915), «Год их жизни» (1916), «Вещи» (1918), «Смертельное манит» (1918), «Наследники» (1919), «Числа и сроки» (1921), «Иван-да-Марья» (1921), «Метель» (1921), «Лесная дача» (1922), «Отрывки из дневника» (1923), «Speranza»(1923), «Старый дом» (1924), «Расплёснутое время» (1924), «Мать сыра-земля» (1924), «Жених во полуночи» (1925), «Нерождённая повесть» (1925), «Грего-тримунтан» (1925), «Человеческий ветер» (1925), «Рассказ о ключах и глине» (1925), «Заволочье» (1925), «Жулики» (1925), «Повесть непогашенной луны» (1926), «Рассказ о том, как создаются рассказы» (1926), «Олений город Нара» (1926), «Поокский рассказ» (1927), «Верность» (1927), «Мальчик из Трал» (1927), «Иван Москва» (1927), «Город ветров» (1928), «Синее море» (1928), «Штосс в жизнь» (1928), «Его Величество Kneeb Piter Komandor» (1933), «Большой шлем» (1934), «Пространства и время» (1934), «Заштат» (1937) и целый ряд других.

Надо иметь в виду, что особенностью творчества Б. Пильняка является то, что написанные им ранее повести и рассказы нередко частично или же полностью включаются в следующие романы и повести. Например, повесть «Красное дерево», вызвавшая в 1929 году особенно яростные нападки на писателя, в переработанном виде вошла в роман «Волга впадает в Каспийское море».

Борис Пильняк охотно соавторствовал с другими писателями: Андреем Платоновым («Це-Че-О», «Дураки на периферии»), Петром Павленко («Лорд Байрон»), Глебом Алексеевым («Чертополох», «Каждую весну по-новому цветёт земля»), Николаем Зарудиным («Железная тундра»), Николаем Никитиным, Михаилом Розановым (Н. Огневым) и Ефимом Зозулей («Домик в Коломне. Рассказ четверых о пяти»).

Уездная Коломна

Родился Борис Андреевич Пильняк в подмосковном Можайске в 1894 году — 29 сентября по старому стилю, что соответствует 11 октября

по новому стилю, но сам писатель указывал дату рождения 12 октября (эта дата и считается официальной).

Его отец — Андрей Иванович Вогау (1867-1944), происходивший из поволжских немцев, — был земским интеллигентом, человеком эрудированным, хорошо образованным — окончил ветеринарный институт Дерптского (Тартуского) университета. Мать — Ольга Ивановна Савинова (1872-1940) — родом из старинной русской саратовской купеческой семьи, окончила Московские педагогические курсы (что в то время приравнивалось к высшему образованию).

Детство Бориса прошло в провинциальных городах России, в которых работал его отец — ветеринарный врач: Можайске, Саратове, Богородске (Ногинске), Нижнем Новгороде, Коломне.

Коломна занимает в жизни и творчестве Б. Пильняка особое, стержневое место.

В Коломне он жил с 1913 по 1924 год. Здесь к нему пришла слава. Здесь в 1917 году женился «окончательно, серьёзно, при помощи церковного участка на некоей врачице (земской!)» Марии Алексеевне Соколовой (1887-1959).

Свадьба состоялась 30 июня в посёлке Пески, где давно осела небольшая колония обрусевших немцев, работавших на Коломзаводе. Пески входили тогда в Колыберевскую волость Коломенского уезда, как и большая часть территории нынешнего Воскресенска (волостной центр — располагавшаяся в междуречье Семиславки и Москвы-реки деревня Колыберево — ныне микрорайон в средней части города Воскресенска).

А венчались молодые на противоположном от Песков берегу Москвы-реки в селе Черкизове в Никольской церкви на погосте Старки «в страшную грозу с громом и градом».

Надо заметить, что Черкизовский храм в приснопамятное ещё «богоборческое» время играл в жизни воскресенцев немалую роль — здесь крестился чуть ли не каждый второй воскресенский младенец.

Несомненно интересны эти расположенные буквально «под боком», километрах в пяти от южной окраины Воскресенска Старки (Черкизово) ещё и тем, что у жившего здесь поэта, литературного переводчика Сергея Шервинского гостили многие замечательные литераторы: Валерий Брюсов, Анна Ахматова, Борис Пастернак, Марина

Цветаева, Вера Меркурьева, Лев Горнунг, Михаил Лозинский (переводчик «Божественной комедии» Данте), Александр Кочетков (особенно популярным стало его стихотворение «С любимыми не расставайтесь!..»). Возможно, заезжал сюда и Б. Пильняк — ведь знакомы с Сергеем Васильевичем они были ещё с начала двадцатых годов, когда затевалось, так и неосуществлённое, издание журнала «Узел».

И ещё одна связующая нить этих мест с нашими землями: село Черкизово принадлежало князьям Черкасским, владевшим в своё время также частью сельца Кривякина, селом Марчуги и деревней Аргуново.

Но вернёмся в Коломну начала прошлого века...

В Коломне 21 декабря 1917 года и 18 октября 1921 года родились старшие дети Бориса Пильняка — Наталья и Андрей. Здесь же он встретил и пережил бурные годы Февральской и Октябрьской революций и Гражданской войны. Летом 1918 года даже состоял членом коммуны анархистов в Песках («чтобы потом написать про них очерк и вообще почерпнуть любопытный материал»).

Зимой 1920-21 гг. Пильняк работал фельетонистом в коломенской уездной газете «Голос коммуниста» и об этом времени вспоминал не без иронии в автобиографическом «Рассказе о двадцатом годе»: «Через месяц с начала работы половина газеты заполнялась писателем. Оформлял и корректировал газету — писатель».

Коломна, её история, окрестности, жители, уездный быт и нравы неизменно встречаются в произведениях писателя, постепенно став образом провинции. А введение в ткань произведений этих коломенских реалий придаёт им особую выразительность, образность, убедительность.

В апреле 1924 года Б. Пильняк ушёл из семьи и переехал в Москву, где вскоре женился на актрисе Малого театра Ольге Сергеевне Щербиновской (1891-1975). Однако заботами прежнюю семью не оставил и Коломну навещал вплоть до лета 1936 года, пока не перевёз (после цепочки разменов) первую жену и старших детей в свою московскую квартиру на Ямском поле (улица «Правды»). Сам же в июне 1936 года поселился на писательской даче в Переделкино.

В Коломне сохранились два дома, связанные с его жизнью. На улице Полянской в доме № 14 он жил с родителями и сестрой Ниной

(1898-1969). В дом № 7 по Арбатской улице переселился вскоре после женитьбы. Сам он в письмах, отсылаемых друзьям, в издательства и редакции журналов, писал новый адрес так: «Коломна, Никола-на-Посадьях» (дом находился в ограде Никольского храма на Посаде). С ноября 1918 года у него появился даже телефон — Коломна, 1-12, и он уже смог звонить в Москву друзьям и издателям. Фасад его дома сейчас украшает мемориальная доска. Мемориальная доска установлена также на доме в Ногинске (здесь он учился в Богородском реальном училище).

С 1989 года в Коломенском педагогическом институте проходят международные научные конференции — Пильняковские чтения, на которые съезжаются почитатели и исследователи творчества писателя из многих городов России, а также ближнего и дальнего зарубежья.

2 октября 2004 года состоялся первый Пильняковский историко-литературный вечер в усадьбе Кривякино в Воскресенске.

Рождение Писателя

Для воскресенцев в жизни и творчестве Бориса Пильняка, несомненно, особый интерес представляет 1915 год, когда произошло его рождение как Писателя. И это событие самым непосредственным образом связано с нашим краем.

Подтверждение тому находим в его автобиографических заметках. В автобиографии 1928 года Б. Пильняк пишет: «Считаю началом своей литературной деятельности 1915 г., когда были приняты и появились вещи (часть которых вошла в сборники, как, например, рассказ о птицах) в журнале Миролюбова (*«Ежемесячный журнал литературы, науки и общественной жизни»*. — **В.Л.**), в «Русской мысли», в «Жатве», «Сполохах» и пр. толстых журналах и альманахах».

А вот из другой анкеты: «Первый мой рассказ, размером в поллиста, был напечатан, когда мне было 13 лет, в «Весне» Шебуева, без моей фамилии, — но началом моей литературной работы я считаю лето 1915-го года, когда я написал сразу пять рассказов, из которых один («Над оврагом» или «Целая жизнь», что одно и то же) был напечатан в апрельской за 916 год книжке «Русской мысли», второй и третий

у Миролюбова (*«Одно» и «Земское дело»*. — **В.Л.**), четвёртый в «Творчестве» Абрамова («Смерти»). «Целую жизнь» и «Смерти» я включил в мои Томы».

Рассказ о птицах — «Целая жизнь» — впервые увидел свет в журнале «Русская мысль» в апреле 1916 года (принят был к публикации в октябре 1915 года). Позднее публиковался также под названием «Над оврагом». Вошёл во все собрания сочинений и в большинство сборников писателя. Под рассказом стоит подпись: *«Кривякино, июль 1915»*.

Подпись: *«Кривякино, август 1915»* стоит и под ещё одним часто публикуемым рассказом — «Смерти».

Это то самое Кривякино, находящееся почти в самом центре Воскресенска между городским парком и химкомбинатом, которое является ныне улицей Куйбышева.

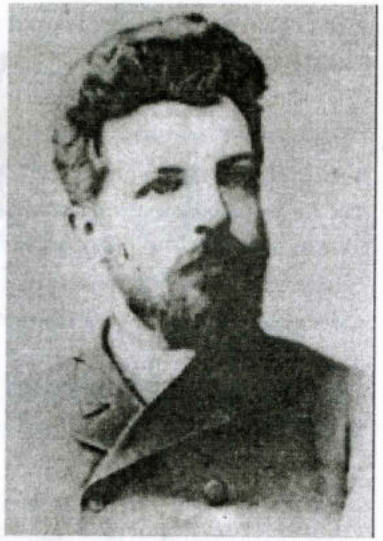
Оба «кривякинских» рассказа — «Целая жизнь» и «Смерти» — вошли в первую книгу Б. Пильняка «С последним пароходом», увидевшую свет в 1918 году в московском издательстве «Творчество» в серии «Художественная библиотека». Она была замечена читающей публикой и имела добрые отзывы: «...Хороша книжка Б. Пильняка, где собраны рассказы: «С последним пароходом», «В тёмный вечер» (*Допущена ошибка, правильно — «В инейный вечер»*. — **В.Л.**), «Смерти», «Над оврагом»... Бор. Пильняк ещё молодой писатель, но с дарованием несомненным и с большой работоспособностью... Его вещи дышат неподдельной живой жизнью, а фон — описание природы и её настроений — выписан честно, с большим чутьём и вкусом» (Л. В-ов. Обзор изданий «Художественной библиотеки» и «Народной библиотеки». Журнал «Путь». 1919 г.).

Рассказом «Над оврагом» открывается и вторая книга Пильняка «Былье» (М.: Звенья, 1920), в рецензии на которую поэт Валерий Брюсов писал: «...У Бор. Пильняка есть немало данных, чтобы стать хорошим и полезным писателем. Он умеет наблюдать и умеет изображать наблюдаемое. Его картинам, его типам можно верить, как точным снимкам с действительности. Вместе с тем, это — не простые фотографии, но часто художественные обобщения, концентрирующие в одном образе, в одном моменте — то, что раздроблено в жизни».

Всего же в Кривякине Б. Пильняком написано более десятка рассказов, очерков, миниатюр.

Борис Пильняк. 1924 г. Рис. Юрия Анненкова

О.И. Вогау-Савинова



А.И. Вогау

Б. Пильняк с мамой и сестрой Ниной. 1915 г.

Б. Пильняк с мамой и сестрой Ниной. 1915 г.

Н.А. Павлович

Воскресенск. Улица Куйбышева (бывшая деревня Кривякино). 2007 г.

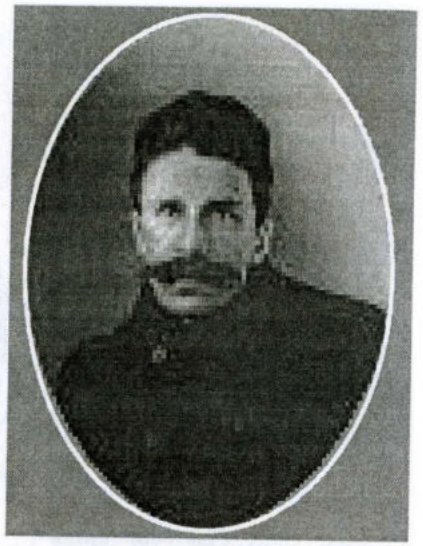
Кривякинская ветеринарная лечебница

М.А. Соколова

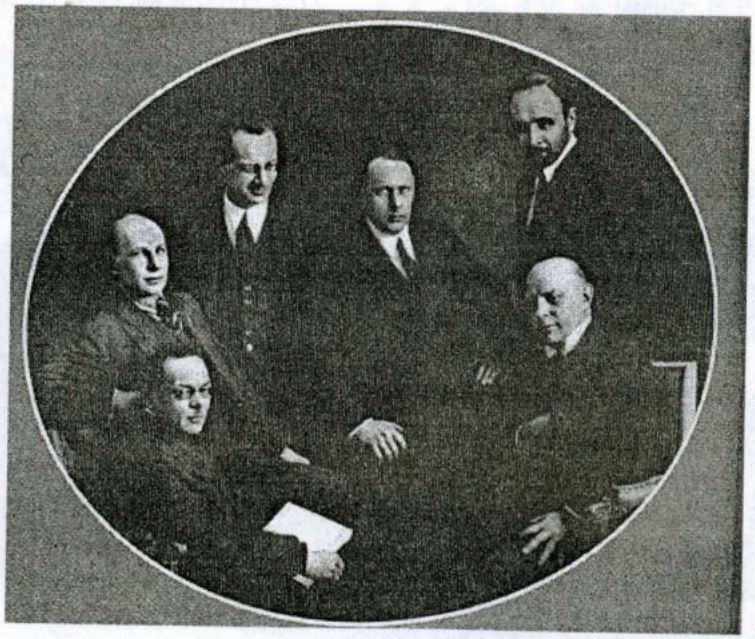
Никольская церковь в Старках (село Черкизово)

Дом № 14 по улице Полянской в Коломне. 2005 г.

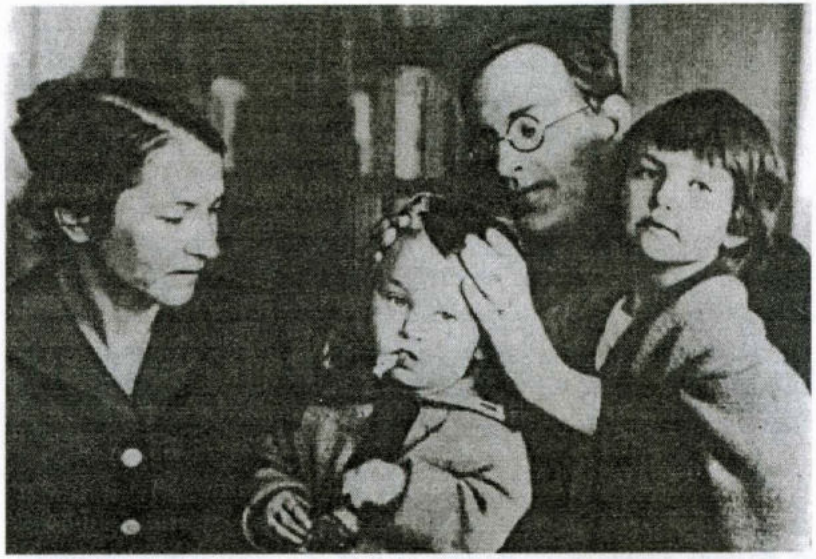
А.А. Альвинг (Смирнов)



В.С. Миролюбов



Русские писатели в Берлине. 1922 г. Слева направо по кругу: А.М. Ремизов, А. Белый, Б.А. Пильняк, А.Н. Толстой, И.С. Соколов-Микитов, А.С. Ященко



М.А. Вогау-Соколова и Б.А. Пильняк с сыном Андреем и дочерью Наташей

Б.А. Пильняк с отцом А.И. Вогау и сыном Андреем. 1923 г.

Б.А. Пильняк. 1924 г.

Б.А. Пильняк

Коломна. Дом № 7 по улице Арбатской

Коломна. Никольская церковь на Посаде

Мемориальная доска на доме № 7 по Арбатской улице в Коломне

Под песни деревенских девчат

Каким же образом жизнь будущего знаменитого писателя в этот ставший для него стартовым в большую литературу год пересеклась с небольшой подмосковной деревенькой, расположенной в живописном месте на высоком левом берегу Москвы-реки?

Судьбе было угодно, чтобы в 1912 году отец писателя — ветеринарный врач Андрей Иванович Вогау — был переведён из Богородского уезда Московской губернии в Коломенский уезд и получил назначение в открытый губернским земством ветеринарный пункт Колыберевской волости, в находившуюся в 23 верстах от уездного города деревню Кривякино.

Андрей Иванович с супругой Ольгой Ивановной и четырнадцатилетней дочерью Ниной сняли квартиру в Коломне. Сын Борис в это время жил у дяди — Владимира Ивановича Вогау — в Нижнем Новгороде, где оканчивал обучение в гимназии.

В Кривякине А.И. Вогау прослужил больше трёх лет — до осени 1915 года, а затем был назначен уездным ветврачом — заведующим Коломенской земской ветеринарной больницей.

Естественно, Борис часто бывал в Кривякине. Да, по-видимому, и вся семья Вогау жила здесь как на даче. Неудивительно, что и в 1915 году двадцатилетний студент поселился в этом полюбившемся ему месте на несколько месяцев — с ранней весны и до конца лета.

Деревня Кривякино Колыберевской волости Коломенского уезда в ту пору представляла собой сельцо в сорок два крестьянских двора, где проживало 236 жителей: 104 мужского и 132 женского пола (по данным Клировой ведомости Иоанно-Златоустовской церкви села Новлянского Бронницкого уезда за 1913 год). Рядом располагались помещичья усадьба Красное сельцо (1770-1780 гг.), земская больница (открытая в 1891 году; теперь здесь городская станция переливания крови) и кирпичный завод (построенный в 1898 году), который добывал глину из карьера на южной окраине деревни. Всего в каких-то полутора верстах была открытая в 1862 году узловая железнодорожная станция Воскресенск, а при ней почтовое отделение «Кривякино», магазинчики, лавки, чайные.

Картину патриархального деревенского быта оживляли благовест расположенного в полуверсте на противоположном берегу Москвы-реки храма села Новлянского да раздающиеся со стороны Федотова и Лопатина дальние, перекликающиеся с паровозными, гудки Кацеповской ситценабивной фабрики. А ещё из-за Неверова и Псарёва поднимались по-над рекой густые дымы запущенного в 1913 году промышленником Б. Сериковым колыберевского цементного завода.

С тех пор изменения мало коснулись Кривякина — практически лишь в административном плане, — внешне оно осталось всё той же деревней.

В 1929 году деревня Кривякино вошла в состав вновь созданного Воскресенского района. 1 июля 1934 года вместе с пристанционным посёлком и деревней Неверово она образовала рабочий посёлок Воскресенск, ставший 11 июля 1938 года городом.

Здание Кривякинской ветлечебницы до наших дней не сохранилось. Его, пострадавшее к тому времени от пожара, разобрали в 1973 году при строительстве учебного корпуса профессионально-технического училища № 15.

В архиве воскресенского краеведа Бориса Борисовича Попова нашёлся снимок (к сожалению, пострадавший от времени) ветлечебницы. Используя этот снимок, художник Николай Иванович Башмаков выполнил рисунок, восстановив облик важного для нашей темы исторического места.

Андрей Иванович за три с лишним года службы немало исколесил по окрестным ухабистым просёлкам. Борьба с частыми в то время эпизоотиями — массовыми заразными болезнями животных — заставляла быть всегда в пути. Кривякинский ветучасток был межуездным и обслуживал, помимо Колыберевской, Непецинской и Мячковской волостей Коломенского уезда, также и хозяйства Спасской, Чаплыженской, Усмерской волостей Бронницкого уезда. И на всё большое поголовье лошадей, коров, овец, птицы и прочей живности только два ветеринара — врач и фельдшер.

Ездил с отцом и любознательный сын. Так что край наш, от Степанщина до Хорлова и от Песков до Конобеева, Пильняку был хорошо знаком, а впечатления от поездок по уездной глубинке потом тонко вплелись в строки его прозы.

Представить некоторые подробности жизни писателя в Кривякине помогают его письма, опубликованные в книге «Мне выпала горькая слава... Письма 1915-1937», вышедшей в 2002 году в серии «Символы времени» издательства «Аграф» (составление, предисловие и примечания сделали сын писателя Борис Борисович Андроникашвили-Пильняк и внучка Кира Борисовна Андроникашвили-Пильняк), а также в журнале «Наше наследие» (№ 69/2004).

О намерении ехать в Кривякино Б. Пильняк сообщал в письме поэту, редактору альманаха «Жатва» Арсению Альвингу (Смирнову) ещё 6 февраля 1915 года: «На страстной уеду в деревню на дачу — приезжайте в гости», а затем 21 марта: «На четвёртый день я уезжаю из Коломны на дачу. Адрес тогда сообщу». Из этого можно предположить, что в Кривякино Б. Пильняк мог начать перебираться уже в среду, 25 марта.

Так или иначе, но 29 марта в письме А. Альвингу Пильняк сообщает: «Глубокоуважаемый Арсений Алексеевич. Адрес мой с 1-го апреля таков: ст. Воскресенск, Моск. Казанск. ж. д., деревня Кривякино, Земский ветеринарный пункт. Мне. Снял себе избу за 7 целковых. Приезжайте в гости...». А 3 апреля пишет из Кривякина: «Живу здесь только несколько дней, но кажется — много-много дней, и дни похожи на плиссированный шёлк — складка к складочке дни идут. Встаю, на холоде, на дворе моюсь, зубрю (*С 1914 по 1920 год он учился на экономическом отделении Московского Коммерческого института — ныне это Российская экономическая академия им. Г.В. Плеханова.* — **В.Л.**), готовлю обед, ем, читаю, хожу на реку, и — ложусь спать. Так каждый день. Рядом имение кн. Ливен, и там в парке (*Теперь это городской парк.* — **В.Л.**) кричат совы. А засыпаю под песни деревенских девушек; на горе, около нашей избы — гулянки устраивают».

Точно, в каком из домов жил Б. Пильняк в Кривякине, пока утверждать не берусь, но место деревенских посиделок скорее всего было недалеко от ветпункта, возле нынешних домов № 41 и № 43 по улице Куйбышева.

«В Кривякине — слишком много писал...»

Здесь, в Кривякине, он жил со своей в то время невестой поэтессой Надеждой Александровной Павлович (1895-1980). «...Павлович оная живёт в сущности у меня: у меня пьёт-ест, сидит весь день и

мешает мне, и только ночевать ходит в клеть соседней избы», — шутит он в письме А. Альвингу 21 мая 1915 года.

А 6 мая, приглашая в гости поэта, редактора и издателя журнала «Млечный путь» Алексея Чернышёва, Б. Пильняк пишет о кривякинских окрестностях: «У нас здесь река, Екатерининская усадьба, парк, пруды, совы, кукушки, соловьи, рыбы, грибы, цветы...

Приезжайте, если это устраивает Вас. Я буду очень рад, буду водить и показывать Вам местные красоты. Н. Ал. (*Павлович.* — **В.Л.**) будет читать стихи и бранить меня: она очень строга ко мне. Будет весьма «пейзанно» (*«Пейзан» — ироничное название слащавого изображения крестьянской жизни.* — **В.Л.**), просто, солнечно и — хорошо».

1 июня вновь зовёт в гости: «Приезжайте к нам. Как раз минуты три тому под окнами шёл и кричал пароход. Наша изба стоит на горе, у реки, а на излучине, справа высится усадьба Екатерининских времён».

Основное время будущий писатель всё же отдавал литературной работе, о чём он сообщает А. Альвингу 10 июня: «Пишу — много. И удачно. Приедете — зачитаю до смерти» и А. Чернышёву 24 июня: «На днях я уезжаю недели на три-две с половиной на Волгу поскитаться. Но всё же мой постоянный адрес — Кривякинский. Будьте добры, сообщите — принят ли окончательно в «Сп.» мой рассказ, пожалуйста (*Речь идёт об отосланном в альманах «Сполохи» рассказе «Ночью в степи».* — **В.Л.**). В сущности говоря, у меня только наступает лето. В Кривякине — слишком много писал. Написал и закончил два рассказа: «Последнее» и «Земское дело». Первый, кажется, идёт в «Новой жизни», второй в «Ежемесячном журнале»... Черкайте. Пишите в Кривякино — там всегда будут знать мой текущий адрес и перешлют письма».

26 июля сообщает А. Альвингу: «...О моей «литературе». Пишу. Дела идут хорошо. Как раз сегодня начал рассказ — помните? — о филинах, намеченный мною в приношение Вам. Рассказ должен быть хорошим» (*Это о рассказе «Целая жизнь».* — **В.Л.**). Потом на днях я закончил (завтра отдам перемингтонить) рассказ под заглавием «Как обыкновенно». Всякий автор смотрит на свои вещи субъективно; поэтому, б<ыть> мож<ет>, я ошибаюсь; но всё же заявляю Вам, что лучше этого рассказа нет у меня ничего, несмотря на то, что

он выйдет всего стр. на двенадцать печатных». Для ясности терминологии замечу: как сегодня все копировальные аппараты называют у нас «ксероксами» по названию торговой марки американской фирмы Rank Xerox, так и в то время, печатание текста на пишущей машинке, по названию американской же фирмы «Ремингтон и сыновья» (E. Remington & Sons), стало нарицательным — «ремингтонивание».

В сентябре, подводя итоги своей литературной работы в 1915 году, Б. Пильняк записывает в дневнике: «С весны по сегодня написано: «Последнее», «Земское дело», «Единственное», «Как обыкновенно» (по-новому), «Целая жизнь», «Смерти», «Первый день весны». Много писал. «Последн.» — принято в «Нов. жизни». «Земское дело» — в «Ежемес. журн.». Остальные висят в воздухе».

«Кажется люблю...»

Но итоги будут позже, а в эти дни весны и лета 1915 года Б. Пильняк и Н. Павлович, увлечённые литературной работой, совместно пишут «штук пять миниатюр»: «Жизнь», «Истина», «Творчество», «Мечта», «Счастье», которые, однако, похоже, так и не были опубликованы.

Впрочем, молодые люди были заняты не только творчеством — они испытывали взаимное чувство влюблённости. И дело уже шло к свадьбе, о чём Пильняк сообщал друзьям в письмах. К тому же Надежда Александровна ждала ребёнка. На период любовно-романтических отношений с Б. Пильняком приходится созданный Н. Павлович цикл стихотворений «Жениху моему», одно из которых — «Месса любви» — было опубликовано в июльском (за 1915 год) номере журнала «Млечный путь»:

Гляжу мучительно и жадно
В глаза холодной чистоты,
Душа тиха и безотрадна
У роковой своей черты.
Ты для меня скрижаль завета
И образ твой — мечты родник,
Но я тоскую без ответа
У ног твоих, священный лик.

Я жизнью грешной и напрасной
Не оскверню твоих часов,
Молитвенно тебе подвластна,
Ношу я бремена оков.
Но если б уничтожить разум!
Скорей, скорей, последний сдвиг!
Ты — вечность. В белые экстазы
Мой дух тоскующий проник.

Но что-то у молодых людей не заладилось, и в конце августа они расстались, тяжело переживая это. Возможно, на разрыв как-то повлияло и то, что в июле (во время их поездки в Саратов к бабушке Бориса — Екатерине Ивановне Савиновой) беременность Надежды неожиданным образом прервалась.

Пильняк в смятении чувств 5 сентября записывает в дневнике: «А-ах, тяжело и пусто. Надя... Я никогда не забуду этого чрезмерно-тяжёлого, быть может, решающего жизнь мою романа. Люблю я её? Опять, опять, как всегда, я не знаю, что такое любовь. Но — кажется люблю».

Он ещё долго пытался разобраться в причинах не удавшихся с ней отношений, делал многочисленные попытки описать историю их любви, обыгрывая в записях сюжеты возможного последующего развития событий.

А что касается Н. Павлович, то, впоследствии (в 1920 году) перебравшись в Петроград (Санкт-Петербург), она вошла в литературный круг северной столицы, была близка к поэту Александру Блоку в последние годы его жизни. Дружба с Блоком оставила большой след в её творчестве, ему она посвятила циклы своих стихотворений.

Надежда Александровна прожила долгую и интересную жизнь: окончила Высшие женские курсы им. Полторацкой в Москве, принимала активное участие в революционной жизни, работала в Пролеткульте, Народном комиссариате просвещения у Надежды Константиновны Крупской, сотрудником Оптинского музея (1921-23 гг.), в Обществе охраны памятников истории и культуры. Она известна как одна из первых восстановителей знаменитой Оптиной пустыни, что близ города Козельска в Калужской области. Увидели свет её стихотворные сборники: «Берег» (1922), «Золотые ворота» (1923), «Думы и воспоминания» (1962), «Сквозь долгие года...» (1977), «На пороге» (1980), книги для детей.

Надежда Павлович оставила воспоминания о своих встречах с Александром Блоком, Игорем Северяниным, Андреем Белым, Вячеславом Ивановым, Валерием Брюсовым, Михаилом Герасимовым, Сергеем Есениным, Борисом Пастернаком, Михаилом Чеховым, Надеждой Крупской, Иваном Петровским, Самуилом Галкиным, Георгием Ряжским, о. Павлом Флоренским, оптинскими старцами. Есть в её воспоминаниях и глава, посвящённая Борису Пильняку.

В воспоминаниях о Пильняке чувствуется какая-то непрощённая обида, возможно, даже боль (хотя запись воспоминаний относится, кажется, уже к 1971 году). Её характеристики довольно жёстки. Она вспоминает об их знакомстве в квартире журналиста Михаила Перельмана, жена которого Елизавета Вогау была родственницей Бориса:

«Борис был рыж, некрасив, грубоват, но были в нём талантливость и сила, было упорство и умение добиваться своего. Он выделялся из литературной и студенческой молодёжи, окружавшей меня, и остротой высказываний, и твёрдой своей поступью в жизни.

Ухаживал он за мной своеобразно: вместо обычных тогда цветов и духов он преподнёс мне секиру XVI века, найденную в Коломне. Сам ли он выкопал или где-то достал — не знаю. С некоторым недоумением я смотрела на древнее лезвие и думала о подарке Бориса — к чему бы это. Странное чувство возникало у меня и в самые лирические минуты. Казалось, что, говоря о своей любви, он в то же время со стороны наблюдает себя и меня. Вероятно, это и было то второе зрение, что присуще художникам.

И от всего этого было как-то страшновато и насторожённо. Хотя обычно Борис был прост, рационалистичен и даже практичен. Но это неожиданное и необычное было в нём самым привлекательным.

Через несколько месяцев он по всем правилам сделал мне предложение: я колебалась. Он мне нравился, но особой любви я не чувствовала. Он уговорил меня поехать в Коломну и познакомиться с родителями. Они меня встретили как свою.

...Старшие Вогау были прелестными, скромными, старыми интеллигентами, со всеми традициями земцев, понимавших свой труд как служение народу. Было в них старинное благородство и бескорыстие.

...Особенно хорош был отец. Когда я гостила у них, он брал меня с собой в уезд и без конца рассказывал и о крестьянах, и о деревнях, и

о животных, которых лечил с таким добрым вниманием. Эти поездки были для меня праздником, а мать Бориса, Ольга Ивановна, была матерински мягка, гостеприимна, заботлива, и я в доме у них отдыхала. Борис рассчитал правильно: «Это будет моя семья», — думала я.

Была тут же безропотная тётя Августа.

Написала я отцу своему большое письмо в Череповец, где он, эвакуированный из Риги в 1915 году, жил у моего брата. Он приехал, познакомился с Борисом и одобрил брак: «Хорошо, что некрасивый и солидный. Это не щелкопёр. Тут, кажется, я за тебя не буду бояться».

А следует заметить, что отец Надежды и сам был человеком солидным — окружной судья со стажем, действительный статский советник (по «Табели о рангах» соответствовало воинскому чину генерал-майора) — и в людях разбирался.

Н. Павлович с подробностями вспоминала поездку с Борисом в июле 1915 года в Саратов на пароходе по Оке и Волге. «Несхожесть» их характеров и отношения к жизни она иллюстрировала такими тонкостями: «Было уже лето, поспела земляника. На маленькие лесные пристани бабы выносили туески из коры с ягодой. Деньги на наше путешествие, и его и мои, и билеты были у Бориса. Увидев такой чудесный туесок, я сказала: «Боря, купи!». Он купил. Но на следующей пристани мне опять захотелось. Он купил, но не столь стремительно. Я это заметила и нарочно попросила ещё. На третьей станции он поморщился и сказал: «Этак нам до Саратова денег не хватит!» — хотя туески эти стоили копейки. И вдруг я поняла, что если сейчас он считает эти туески, то что будет дальше! Я всегда буду с ним подотчётной — и я стала присматриваться к своему жениху и ловить аналогичное. А он ещё становился предприимчивым.

...Мне стало ясно, что Бориса я не люблю, но нас ждёт бабушка. Старый купеческий дом, с деревянными лестницами, переходами, светёлками, чуланами, садом, и великолепная старуха, сродни горьковской бабушке. Та же талантливость, та же изумительная речь. Только у этой бабушки больше властности. Но сколько шуток, прибауток, поговорок, ума, усмешки! В бабушку я просто влюбилась, и она ничего ко мне — милостива: «Вон какую кралю ты себе нашёл!» — говорит Борису, а тот ухмыляется. «Нашёл ли?» — думаю я. И так мне его ухмылка не понравилась, точно он мной уже сейчас распоряжается.

А талантливость его была от бабушки: в ней была неистребимая щедрость натуры, которая передалась и сыну её, Александру Ивановичу Савинову, зеленоглазому, молчаливому и умному художнику...

На несколько дней раньше условленного срока я уехала в Москву, сославшись на какое-то неотложное дело и порешив в душе, что замуж за Бориса я не выйду. И не вышла.

А он в тот же год стал печататься всерьёз, приняла «Русская мысль» его прекрасный рассказ «Филины» (*«Целая жизнь»*. — **В.Л.**). Он мне написал примерно так: «Вот меня уже «Русская мысль» печатает, я буду знаменитым писателем, а ты мне отказала. Может, одумаешься». И долго ещё сообщал о своих литературных успехах, поднимаясь к славе. А я видеть его не хотела и письма его рвала».

Однако Б. Пильняк в своём письме А. Альвингу 26 июля 1915 года из Коломны (или, вероятнее, из Кривякина?), где они вновь продолжают «коммунально» жить с Н. Павлович, причину её отъезда из Саратова описывает по-другому: «У меня, знаете ли, был оч. скверный «переплёт» в Саратове. Заболела Н. Ал., чем — думаю, догадываетесь (*Речь идёт о прервавшейся беременности*. — **В.Л.**). Денег не было ни гроша. Насилу занял, чтобы отправить её в Москву, где есть знакомые врачи. Сам же — неведомо мне, каким чудом вернулся домой. Теперь это всё уладилось. И я даже вспоминаю об этом с удовольствием, ибо поточил лишний раз и так весьма заточенные нервы и получил несколько поучительных темок для моих творений». Как видим, его опасения относительно недостатка средств были вполне оправданны. А она приняла их за скаредность.

В общем, не всё так просто в этой истории. Но, так или иначе, в конце августа 1915 года они разошлись. Борис был подавлен и даже предпринял попытку стреляться, завершившуюся, к счастью, без особого ущерба для его здоровья.

Виделись они и позже. Вот как Павлович вспоминала их встречу зимой 1921-1922 года в Петрограде: «Он — знаменитый Пильняк — остановился у Горького и, как мне потом говорил Горький, рассказывал ему обо мне. Я жила тогда в Доме искусств на Мойке и случайно пришла к Ремизовым. ...И вдруг входит Борис, такой же рыжий, такой же большой, только стал важнее и осанистее, — осёкся: «Надя!» Первый раз он меня увидел с тех пор, как я ушла от него. Ну, здесь,

у Ремизовых, мы мирно попили чайку, подивили хозяев старым знакомством и вместе вышли. Расспросила я о его стариках, они ещё были живы, но Андрей Иванович своего знаменитого сына не одобрял; позволила я Борису навестить меня — он уже был женат на хорошей, как я слышала, женщине-враче, и я думала, что жизнь его наладилась».

Были у них позднее и другие встречи, обеды, ужины, совместные автомобильные поездки, в том числе и уже после его развода с женой, но прежней близости не получилось.

«С большим юмором она вспоминала, как чуть было не погибла от руки влюблённой в Пильняка кухарки, пытавшейся её зарезать на глазах изумлённого и ничего не ведавшего жениха», — пишет рижская журналистка Ирина Карклиня-Гофт (Н.Павлович родилась в Лифляндии, на территории нынешней Латвии), беседовавшая с Надеждой Александровной незадолго до её кончины.

«Любил ли он меня — не знаю. Но была какая-то незаживающая ранка, думаю, больше самолюбия, чем любви. Если б поддалась, бросил бы, да ещё посмеялся. Чувствовалось в нём жестокое. Такой бы не пожалел». В этих словах Н. Павлович всё ещё сквозит явно глубоко задетое женское чувство.

Современники тоже не всегда лестно отзывались о ней. Писательница Нина Николаевна Берберова так вспоминала: «Надежда Павлович, общая наша с Блоком приятельница, круглолицая, чёрненькая, непрестанно занятая своими туалетами, которые собственноручно кроила вкривь и вкось, — одному Богу ведомо из каких материалов...».

Между прочим, к 1915 году (конец апреля — начало мая) относится и первое упоминание в записях Б. Пильняка имени его будущей жены. На полях, среди адресов журналов, редакторов и друзей, записан её московский адрес: «Плющиха, 4 Ростовский, 1, 2, тел. 5-03-49 (из кв. 2) Мария Ал. Соколова».

А через год, 6 апреля 1916 года, он пишет, что в феврале хворал флегмоной и его лечила М.А. Соколова: «Она... холодная, спокойная, нарочито прямая. Ей 28 лет. И я так честно, так целомудренно и чисто (не ожидал даже, что могу так) увлёкся ей; потерял сон, сказал ей об этом; вышло это глупо, ибо и сам не знал, чего я хотел; и всё оборвалось. А дорога она мне очень, и ещё больше я уважаю

её — хорошую по-настоящему, малосчастливую, одинокую, серую, раньше любившую и замкнувшую себя надолго. Я искренне, очень искренне и чисто подошёл к ней, радостно и целомудренно, а теперь мне больно, очень больно и тоскливо...».

2 июля 1916 года он уже прямо пишет: «Люблю Марию Алексеевну. Нет лучше и святее её». А ещё через год в Песках играли свадьбу.

Недаром говорят: время — лучший лекарь!

«Теперь я Бор. Пильняк...»

1915 год связан ещё и с появлением литературного псевдонима «Пильняк».

Первое упоминание этого псевдонима появилось в дневнике писателя в конце апреля — начале мая 1915 года (т.е. в те дни, когда он жил в деревне Кривякино): «Между прочим, теперь я не Бор. Вогау, а Бор. Пильняк».

6 мая опять же из Кривякина в письме редактору и издателю журнала «Млечный путь» А. Чернышёву он пишет о своём псевдониме как о факте: «В «синодике» (*Сведения об авторах журнала.* — **В.Л.**) напишите: Б.А. Пильняк (Вогау)».

Псевдоним он заимствовал от названия хутора Пильнянка в Богодуховском уезде Харьковской губернии. Здесь в 1912-15 гг. жил с семьёй его дядя — талантливый художник, впоследствии академик Александр Иванович Савинов (1881-1942), занимавшийся росписью церкви Бориса и Глеба в селе Натальевке.

«Пильнянка» в переводе с украинского языка — лесоповал, место лесных разработок, где пилят деревья.

Жители Пильнянки назывались пильняками. Борис приезжал сюда, и даже один из его ранних рассказов так и озаглавлен: «На Пильнянке».

Использовал он до того и другие псевдонимы, например Бор. Арбеков, Бор. Иванов, Ив. Иванов, Ник. Беляев (под последним публиковал свои стихи).

Писать под псевдонимом вообще было вполне в традициях русской литературной среды того времени (вспомним Максима Горького, Андрея Белого, Демьяна Бедного, Корнея Чуковского).

Кроме того, надо помнить, что уже девять месяцев шло кровопролитное противоборство России и Германии в Первой мировой войне (в армию его не мобилизовали по близорукости) и немецкая фамилия Вогау могла вызвать некоторые сложности при публикациях. Подтверждение этому мотиву появления псевдонима мы находим в автобиографическом романе «Созревание плодов».

Псевдоним со временем превратился в фамилию писателя.

На родине Лажечникова

На северной окраине Кривякина, через овраг от ветпункта, располагалось часто упоминаемое Б. Пильняком в письмах имение Красное сельцо, принадлежавшее светлейшей княгине Александре Петровне Ливен (урождённой Васильчиковой). Её сын Андрей Александрович Ливен был в то время предводителем дворянства Коломенского уезда. То есть был в уезде человеком известным и влиятельным. Предводитель дворянства избирался дворянами уезда раз в три года из наиболее уважаемых людей своего сословия и утверждался губернатором. Он возглавлял уездное земское собрание, решал местные хозяйственные вопросы, контролировал деятельность органов земского и городского самоуправления.

Думаю, не слишком ошибусь в предположении, что князь А.А. Ливен и земский интеллигент А.И. Вогау каким-то образом были знакомы. Может быть, не столько по-соседски, сколько по «долгу службы». А уж назначение Андрея Ивановича заведующим уездной земской ветеринарной больницей в Коломне наверняка произошло не без ведома уездного предводителя дворянства.

Упомянув имя нашего светлейшего земляка, следует добавить, что, покинув в октябре 1917 года кривякинскую усадьбу, князь А.А. Ливен (1884-1949) волей революционного урагана, пройдя с семьёй юг России и Турцию, после всех жизненных испытаний оказался в Болгарии, где, получив в 1924 году священнический сан, до самой кончины служил секретарём Епархиального совета при управлении русскими православными общинами. Отец Андрей играл заметную роль в культурной жизни русской эмиграции. Он увлекался музыкой, живописью, писал стихи. Его поэтические книги «Лирика» и «Жития Святых» увидели свет в России в 1997-98 годах. Потомки же князей Ливен, живущие теперь в Испании, Франции и Великобритании, впервые посетили бывшее своё родовое гнездо — Красное сельцо — уже в веке нынешнем, в мае 2003 года. И теперь связь с Воскресенском стараются не терять.

Живя в Кривякино, пытливый молодой человек не мог не слышать, что раньше, в начале и середине XIX века, соседняя княжеская усадьба принадлежала отцу и младшему брату ещё одного нашего знаменитого земляка — Ивана Ивановича Лажечникова (1790-1869). Возможно, и это могло подогреть возникший у него интерес к коломенскому периоду жизни основоположника русского исторического романа, автора «Ледяного дома», «Басурмана», «Последнего Новика». Пильняк разыскал коломенский дом, где прошло детство писателя-романиста, а затем, в сентябре 1917 года, написал очерк «На родине Лажечникова», опубликованный в 1918 году в Москве в сборнике «Дорогие места».

Между прочим, первая литературная работа юного Ивана Лажечникова, увидевшая свет в декабре 1807 года в журнале «Вестник Европы» М. Каченовского, — «Мои мысли» — была написана в сельце Кривякино. И именно из кривякинской усадьбы будущий романист ушёл на Отечественную войну, запечатлев впоследствии эти события в повести «Новобранец 1812 года».

Б. Пильняк ощущал духовную близость с великим коломенским литератором. Исследователи даже подмечают определённое влияние Лажечникова на историческую прозу Пильняка.

Да простит читатель ещё одно отступление от темы повествования, но мне представляется интересным то, как за полвека до Пильняка кривякинские окрестности описывал И. Лажечников в письме А. Жизневскому, археологу, основателю тверского историко-археологического музея (Иван Иванович, как известно, в 1831-53 годах служил в Твери директором училищ губернии и вице-губернатором).

Например, 28 июня 1854 года: «...Я успел уже съездить к брату (*Николаю Ивановичу.* — **В.Л.**) в деревню за 70 вёрст от Москвы по

Коломенской дороге. Имение его прекрасное, живописно расположенное на Москве-реке. В нём я провёл своё детство и юность. Чудные воспоминания об этом времени, прекрасный сад, дети, шумящие около меня, как пчелиный рой, дивное время, книги, умное и любезное соседство и пуще всего свобода, полная свобода делали для меня пребывание в этом сельском убежище полным раем. Я не видел, как прошли 9 дней».

Затем 23 июня 1856 года: «Пишу Вам из деревни (село Кривякино, в Коломенском уезде), почтеннейший друг Август Казимирович. Здесь уже почти с неделю и вполне наслаждаюсь деревенскою жизнью. Гуляю, купаюсь, ловлю рыбу и всё карпию... Расположение прекрасное, сад огромный, вода и воздух превосходные; по Москве-реке движутся караваны барок. Думаю, пробуду ещё десяток дней в этом земном раю...».

А ещё в автобиографическом романе «Немного лет назад» (1858): «С одной стороны господского дома вдоль высокого берега реки поднялась зубчатая стена вечно зелёного соснового леса, а за ним, ещё выше, берёзовая роща, которая осенью, когда лист её пожелтеет, при закате солнца, кажется золотистым занавесом, задёрнувшим полнеба. В берег глубоко вдаются овраги. Ночью эти ущелья пугают своей мрачной пастью, а днём кажутся красивыми воротами, которых арки образовали жилистые, мохнатые ветви дерёв, будто сплетшиеся через них гигантские руки. Весной черёмуха обвивает их кудрями своих благоухающих цветов, а осенью рябина — коралловыми кистями своих ягод. Где-то, в одном из оврагов гремит ключ. В глубокую полночь, когда вся природа молчит и, кажется, творит благоговейную молитву перед престолом Бога, когда чует слух падение листа, плеск рыбы — говор родника растёт и растёт и наплывает, и разливается далеко кругом.

...Небольшая река ластится к берегам и капризными извилинами образует красивые, разнообразные заливы, мысы и острова. ...Рыбачьи челноки, привлечённые богатой, бесплатной добычей, снуют по всем её направлениям. ...Соловьи под вечер, будто со всей окрестности, слетаются сюда спеваться; кажется, горит воздух от их жарких песен».

Перечтём и первые строки рассказа Б. Пильняка «Целая жизнь»: «Овраг был глубок и глух. Его суглинковые жёлтые скаты, поросшие красностволыми соснами, шли крутыми обрывами, по самому дну протекал ключ. Над оврагом, направо и налево, стоял сосновый лес, — глухой, старый, затянутый мхами и заросший ольшаником.

...Грозами, водою, временем корчевались деревья, падали тут же, застилая землю, гнили, и от них шёл густой, сладкий запах тлеющей сосны. Чертополохи, цикории, рябинки, полыни не срывались годами и колючей щетиной поросли землю.

...На крутом, грязно-жёлтом скате оборвалась сосна, перекинулась и повисла на много лет корнями кверху. Корни её, походившие на застывшего раскоряченного лешего, задравшегося вверх, обросли уже кукушечьим мхом и можжевельником.

И в этих корнях свили гнездо себе две большие серые птицы, самка и самец...».

Не правда ли, что-то, с учётом естественных художественных обобщений, узнаваемо ещё и сегодня? Хотя на месте зубчатых стен соснового леса и берёзовых рощ уже давно высятся кирпичные стены городских зданий.

Видела усадьба и других именитых людей. Хозяева были гостеприимны.

Весьма вероятно, что в июле 1851 года сюда к младшему брату И.И. Лажечникова — Николаю Ивановичу — наведывался писатель Николай Васильевич Гоголь, гостивший у Александры Осиповны Смирновой-Россет в соседней усадьбе Спасское Бронницкого уезда (сейчас это уже окраина города Воскресенска).

Супруга губернатора Калуги, а затем столичного Санкт-Петербурга Николая Михайловича Смирнова, фрейлина императорского двора — блистательная черноокая Россети — дружила со многими выдающимися русскими писателями. Свои стихи ей посвящали Александр Пушкин, Пётр Вяземский, Василий Жуковский, Фёдор Тютчев, Михаил Лермонтов, Аксаковы.

По воспоминаниям Александры Осиповны, Н.В. Гоголь работал тогда над главами так и не увидевшего свет второго тома романа «Мёртвые души». При этом много гулял по округе Спасского, бывал с визитами в окрестных весях и имениях. А ближайшим, всего то в двух верстах ниже по течению Москвы-реки, было лажечниковское Красное сельцо.

«В Кривякино, в усадьбу...»

Кривякинский, 1915 год, определённо стал решающим в жизни и творчестве Бориса Андреевича Пильняка: юношеские рассказы и миниатюры сменились вполне зрелыми произведениями, его начали публиковать, он прочно стал входить в литературную жизнь.

С точки зрения творчества, Кривякино для Бориса Андреевича Пильняка оказалось поистине счастливым местом.

Не забывал он здешние края и в последующие годы. Писатель очень любил путешествовать, в том числе по ближним и дальним окрестностям Коломны, где зачастую устраивал дачи для московских друзей и знакомых. В письмах он рассказывал, например, об увлекательных велосипедных поездках по уезду.

Скорее всего, Б. Пильняк мог приезжать в Кривякино на отдых и позднее.

По крайней мере, в письме писателю Евгению Замятину и его жене Людмиле 23 июня 1922 года пишет: «А если Вы оба соберётесь ко мне, буду очень рад: тем паче, что в Коломне, у Николы мои дни подсчитываются: осенью меня здесь уже не будет, я переезжаю в Деревню, в Кривякино, в усадьбу, поближе к Москве».

В то время, после Октябрьской революции, в Кривякине уже был совхоз, а в усадьбе обосновался Спасский сельскохозяйственный техникум.

Выходит, судьба, так или иначе, связывала Бориса Пильняка с Кривякином целое десятилетие.

Упоминание наших мест можно найти у Б. Пильняка и позже. Например, в романе «Волга впадает в Каспийское море» (1929), действие которого происходит в Коломенском уезде, говорится и о развернувшемся в Воскресенске (между прочим, сразу за околицей Кривякина) строительстве химического завода. Да и в других произведениях мы встречаем дорогие для нас названия: то Ратмирово — Ратмиро («Машины и волки»), то Ратчинский лес («Лесная дача»)...

Более детальное исследование «кривякинского» периода жизни писателя ещё предстоит. Несомненный интерес в этой связи представляют пока ещё не опубликованные, но сохранившиеся в архивах письма за 1912-1924 годы.

И.И. Лажечников

А.А. Ливен (о. Андрей)

Усадьба Красное сельцо (Кривякино)

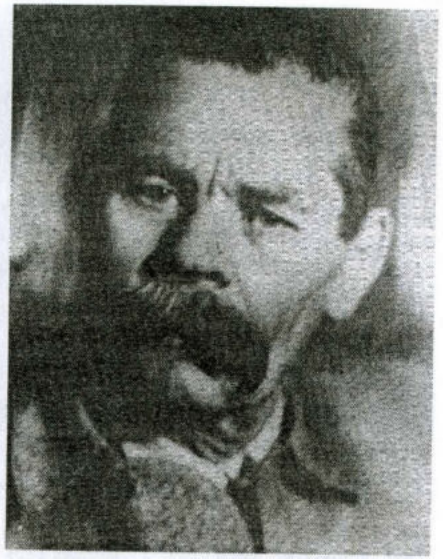
С.А. Есенин и П.И. Чагин. 1924 г.

В.Ф. Наседкин, А.А. Есенина, Е.А. Есенина (сидит), А.М. Сахаров, С.А. Есенин, С.А. Толстая-Есенина. 1925 г.

Вс. Иванов

А.К. Воронский

О.С. Щербиновская



А.М. Горький

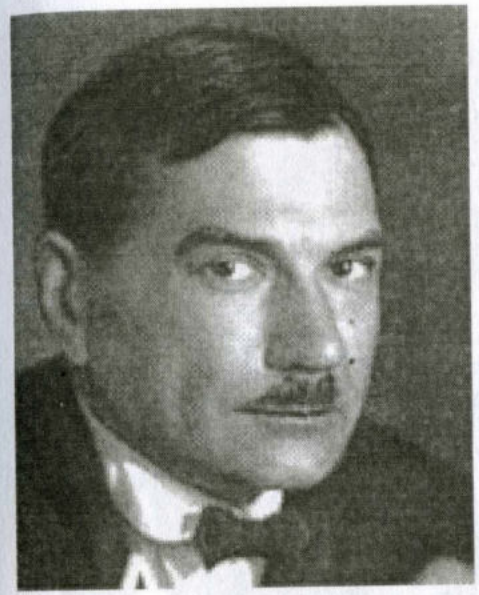
Марксштадт. У бабушки Анны Андреевны. 1929 год. Слева направо: (стоят) Б.А. Пильняк, дядя А.И. Савинов; (сидят) жена дяди, мать О.И. Вогау-Савинова, бабушка А.А. Вогау, дети Андрей и Наталья

Б.А. Пильняк. 1928 г.

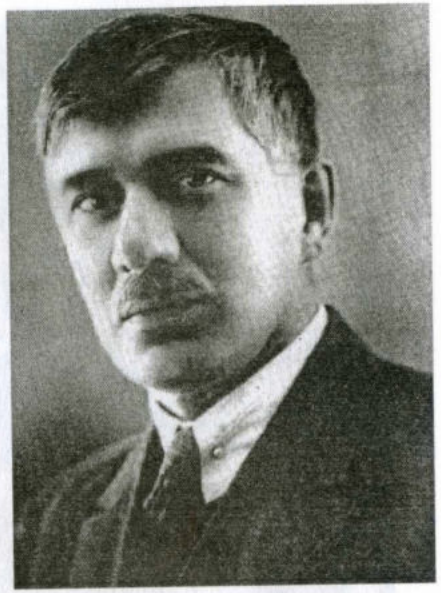
Б.А. Пильняк. 1932 г.

Б.А. Пильняк с детьми Наташей и Андреем. 1932 г.

Б.А. Пильняк с матерью, детьми Наташей, Андреем, Борисом и няней



Е.И. Замятин



К.И. Чуковский

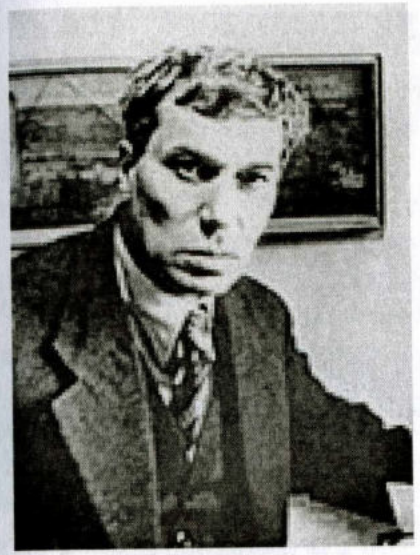
Артём Весёлый

М.А. Булгаков

К.Г. Андроникашвили

К.Г. Андроникашвили в роли Элисо (киноафиша). 1928 г.

Дети Б.А. Пильняка — Наталья и Борис



Б.Л. Пастернак

А.А. Ахматова в Старках. 1936 г.

А.А. Ахматова в Коломне. 1936 г.

Б.А. Пильняк (одна из последних фотографий)

Сергей Есенин

1915 год примечателен ещё и тем, что именно тогда, по мнению сына писателя — Б.Б. Андроникашвили-Пильняка, произошла встреча Бориса Пильняка с двадцатилетним рязанским поэтом Сергеем Есениным (Пильняк был старше его на год).

Познакомились они, скорее всего, в редакции журнала «Млечный путь», который издавал на свои средства поэт Алексей Михайлович Чернышёв. Здесь охотно печатали начинающих, но участвовали в нём и маститые литераторы.

В то время в круг авторов журнала входили: И. Бурмистров-Поволжский, С. Дрожжин, С. Клычков, Н. Колоколов, И. Коробов, Н. Ливкин, Н. Ляшко, А. Новиков-Прибой, Н. Павлович, И. Северянин, Дм. Семёновский, Е. Сокол, П. Терский, И. Толстой, А. Ширяевец, Ф. Шкулёв. Со многими из них Пильняк и Есенин сохранили в дальнейшем добрые и дружеские отношения.

Молодёжь «Млечного пути» весьма охотно посещала литературные «субботы», которые проходили в редакции журнала на Садовнической улице. Собирались не только писатели, но и художники, скульпторы, артисты. Читали стихи и рассказы, обменивались мнениями, спорили, беседовали о новых книгах, журналах, картинах, постановках. Вот на этих «субботах», а то и просто в редакции, они и могли познакомиться.

В том же году литературные пути Пильняка и Есенина пересеклись также ещё и в «Ежемесячном журнале» В. Миролюбова.

Но по-настоящему они сдружились позже, когда к ним уже пришла известность.

Современники подмечали, с кем Есенин виделся чаще. «В основном это были писатели и поэты, с которыми Сергей дружил в последние годы: Пётр Орешин, Всеволод Иванов, Борис Пильняк, Василий Наседкин, Иван Касаткин, Владимир Кириллов и многие другие писатели, издатели, художники, артисты» (сестра Есенина — Александра). «На вечеринке, устроенной в честь рождения Гали (*Г.А. Бениславской.* — **В.Л.**), в числе гостей была Софья Андреевна Сухотина (урождённая Толстая), Б. Пильняк и ленинградская поэтесса М. Шкапская» (Василий Наседкин, поэт, муж сестры

Есенина — Екатерины). «Осенью у Пильняка сидим. Спорит (*Есенин.* — **В.Л.**), и очень убедительно, с Пастернаком о том, как писать стихи так, чтобы себя не обижать, себя не терять и в то же время быть понятным» (Василий Качалов, актёр Московского художественного академического театра). «Вчера была домашняя пирушка. Пильняк, Воронский, Ионов, Флоровский, Берзина, Наседкин, я и сестра» (Сергей Есенин — журналисту Николаю Вержбицкому). «6 июня 1924 года Сергей позвонил мне по телефону в клуб союза (*Всероссийский союз поэтов.* — **В.Л.**) и сказал, что сейчас придёт. Через несколько минут он вошёл в кабинет президиума союза с Борисом Андреевичем Пильняком, с которым я уже был знаком. Высокий, рыжеволосый, в больших с круглыми стёклами очках, он в те годы был модным писателем. Есенин намечал его в сотрудники «Вольнодумца» (Матвей Ройзман, автор книги «Всё, что помню о Есенине»).

То их видят сидящими в кафе или на Кузнецком, то Есенин ночует у Пильняка на Поварской, то Пильняк гостит у Есенина и Айседоры Дункан на Пречистенке, то они затевают новые литературные проекты, то кутят...

Б. Пильняк познакомил Есенина с актёром Василием Качаловым (примечательно, что сразу же после этого появилось знаменитое стихотворение «Собаке Качалова»: «*Дай, Джим, на счастье лапу мне...*»), с писателем Борисом Пастернаком, а также с Петром Чагиным.

Известно, какую заметную роль в жизни и творчестве С. Есенина сыграло знакомство с Петром Ивановичем Чагиным (Болдовкиным), работавшим в то время вторым секретарём ЦК Компартии Азербайджана и редактором газеты «Бакинский рабочий» (позднее — директором издательства «Художественная литература»). Благодаря Чагину стала возможной поездка Есенина на Кавказ, результатом которой явились великолепный цикл стихотворений «Персидские мотивы» и первая публикация поэмы «Анна Снегина». Б. Пильняк знал П. Чагина, когда тот ещё работал в Республике немцев Поволжья, ведь из тех мест — из Екатериненштадта (с 1920 года — Марксштадт, а с 1941 года — город Маркс) — был родом отец писателя.

Познакомил Борис Пильняк Сергея Есенина и с будущей женой поэта — Софьей Толстой (внучкой Льва Николаевича Толстого).

Это произошло 10 марта 1925 года на квартире Галины Артуровны Бениславской. В то время (март — май) Пильняк и Софья Андреевна сами переживали довольно бурный роман. Любопытно, что в переписке с подругой, ленинградской поэтессой Марией Михайловной Шкапской, они называли Бориса шутливыми прозвищами — «медведь», «медвежонок».

А свадьба Есенина и Толстой состоялась через полгода после этого знакомства — 18 сентября 1925 года.

В последний раз Пильняк и Есенин виделись 23 декабря 1925 года, в день отъезда Есенина в Ленинград (ныне Санкт-Петербург). Свидетелем их встречи в Госиздате оказался писатель Иван Евдокимов, готовивший тогда к печати трёхтомник Есенина: «В очереди у кассы в толпе были писатели: Пильняк, Герасимов, Кириллов. — Ну, прощайте! — пошатался Есенин с серьёзным и сосредоточенным видом. Он обнял попеременно Пильняка, Герасимова, меня, расцеловались».

А дальше: «В конце декабря 1925 года в кинотеатре «Художественный» на Арбатской площади был организован общественный просмотр нового фильма «Броненосец «Потёмкин». На это праздничное событие собрались писатели, артисты, художники, журналисты, корреспонденты иностранных газет...

Сверкая толстыми стёклами своих заграничных очков, к нашей группе в сопровождении незнакомого сгорбленного старичка подошёл писатель Борис Пильняк и сообщил новость: — Слыхали, Есенин повесился! — Весь зал обернулся на эти слова. Я, вероятно, ослышался. Не может быть! Совсем недавно с поэтом Павлом Радимовым мы навещали его в лечебнице проф. Ганнушкина на Девичьем Поле. И вдруг... — Да, да, — подтвердил спутник Пильняка, как оказалось, ленинградский художник-график, близко знавший Есенина. — В гостинице «Англетер». Я только что из Ленинграда».

На следующий день Пильняк уже выносил узкий жёлтый гроб с телом Есенина из хвостового товарного вагона ленинградского поезда. Похоронили поэта на Ваганьковском кладбище 31 декабря — слякотным последним днём 1925 года. А через несколько дней в журнале «Журналист» был опубликован отзыв Б. Пильняка на смерть друга.

«Мы живём на вулкане...»

Письма Б. Пильняка (притом, что они краткие, скорее «производственные») интересны ещё и тем, что через восприятие очевидца в них между делами очень рельефно проступают драматичные картины наших уездных будней той кипучей, переломной поры.

Например, 2 июля 1917 года в письме родителям и сестре Нине, уехавшим в Саратов, он пишет: «В Коломне — тихо, покойно, и настроение — в смысле российских урядиц — бодрое. Выборы прошли. Большинство от с.-р., затем ка-де (*Представители партий социалистов-революционеров и конституционных демократов.* — **В.Л**). Большевиков — всего два человечка. Эс.-эры — народ хороший у нас в Коломне; ни одного эксцесса не было, всё в порядке. Полк — весь ушёл воевать, с музыкой и с плакатом: «далой германский мелитаризм, война до окончательного свержения германской монархии», — так что «товарищей солдатов» нет, сейчас же уменьшились разные подзаборные дебоши».

А буквально через полгода, 6 января 1918 года, сообщает А. Чернышёву: «В Коломне у нас — голодные будни. Я местными большевиками зачислен в "контрреволюцию" и новый год встречал — в тюрьме, был арестован, и по поводу меня поднимался даже вопрос — не расстрелять ли? — других расстреливали».

История этого ареста действительно была весьма тревожной. В конце 1917 года в Коломне вспыхнул голодный мятеж, приведший к жертвам. Как вспоминал комиссар Коломенского уезда Ян Янович Грунт, ему на подпись красногвардейцами-анархистами был представлен расстрельный список почти сорока «врагов трудящихся масс», среди которых «значились фамилии Бориса Пильняка, двух местных врачей и ещё нескольких лиц, которые никакого участия в совершённом кровавом деле принимать не могли...». Стараниями уездного комиссара писатель был освобождён.

21 марта 1918 года Ивану Белоусову — поэту, переводчику стихов Тараса Шевченко, обратившемуся с просьбой узнать о возможности покупки дачи в Песках, Пильняк отвечает: «Имение Шереметьева со всеми землями забрано крестьянами, сам же Шереметьев из Песков уехал и где находится неизвестно. Говорить с сельским комитетом (*Видимо, Колыберевским.* — **В.Л**) мне не советовали, потому, что, если через него и можно получить клок земли, земля эта будет сейчас же отобрана, как только кончится вся теперешняя неурядица и вернётся прежний владелец. ... В Коломне у нас гнусно...». Как видим, ещё предполагали возможность возвращения прежних хозяев частной собственности.

28 ноября 1918 года заведующему издательской секцией журнала «Рабочий мир» П. Зайцеву: «Пётр Никанорович, голубчик! Приезжайте ко мне в гости (поезд уходит в 6.35, с Казанского вокзала), пожалуйста, — денька на два». Ему же, через два с половиной месяца, 9 февраля 1919 года, пишет уже с горечью: «В Коломне сыпной тиф, мы живём на вулкане. Продовольствие гнуснеет. Нет керосина...».

20 марта 1919 года Виктору Сергеевичу Миролюбову — издателю и редактору «Ежемесячного журнала»: «Одновременно с этим письмом заказной бандеролью я пересылаю Вам рукописи — очерк о «Земской революции» и рассказ «Ордынины». Мне очень любопытно, что скажете Вы по поводу очерка. Любопытное подтверждение моим мыслям происходит сейчас по всему Коломенскому уезду — в каждом селе молебствия и крестные ходы об избавлении от тифа. А тиф свирепствует: в Коломне 5 тысяч больных и только триста коек. Хворают почти в каждом доме. Жена у меня врач, живём на вулкане, ходим измазанные противовошною мазью... Я нигде не служу, существую только литературой, второй месяц у меня нет ни копейки денег и нет хлеба...».

16 сентября 1919 года В. Ютанову, секретарю литературного кружка «Звено»: «Дорогой Владимир Павлович, — не беспокойтесь. Я жив, здоров и мучен. Не писал, не был, потому что вообще этот месяц не существовало Пильняка, а был рабочий Шевырёв, который ездил за мукой куда-то к чёрту на кулички, за Волгу, за Мелекес, к Бугульме, — ездил, чтобы привезти пятнадцать пудов злаков, т.е. спасти Пильняка на год и дать ему возможность «творить». Спасибо рабочему Шевырёву; Пильняк сыт, многотемен, многорассказен. И всё же Шевырёву досталось — от вшей, от нар, от заградительных отрядов, от белых. Ведь Шевырёв несколько дней был отрезан от Москвы и 18 дней питался одной картошкой и плесневелым хлебом, без соли. Плавал же по российским весям — ровно 26 дней.

— Ах, дорогие мои! Если бы Вы знали, как много необыкновенного в России! Пусть я был и истопником на паровозе, и в чрезвычайке, и эшелонным старостой, пусть ели меня вши, — прекрасно!».

Весной 1920 года поэту Николаю Ашукину и Владимиру Ютанову: «Я купил себе корову. Живу как мещанин у писателей-народников (Максимов, Гл. Успенский), — экстенсивным манером хозяйства. Кормлю корову, чищу двор, достаю сена, забочусь о картошке и прочее. Сами будем сеять».

9 марта 1921 года Н. Ашукину: «В Коломне у меня, в сущности, изба. В окно видно Николу и провинциальнейший этакий дом, в охре и как ящик, а над ним — небо (весеннее уже!) и солнце, которое сейчас мешает писать. ...У меня в комнате (вся в солнце!) диван покрыт медвежьей шкурой, а вместо халата — тулуп, и днями, растерзанный и полуодетый, я валяюсь с книгами».

24 мая 1921 года Максиму Горькому: «...Уже четыре дня пишу новый рассказ — про деревню. И в Коломне, и в деревнях — очень постыло. Горожане за продовольствием ездят отсюда в Тверскую губернию (1 фунт хмеля там выменивают на 15 ф. муки. В деревнях мужики бродят: по развёрстке с деревни приходилось платить, положим 90 пудов, а налогом — 120 (*Фунт и пуд — старые русские меры веса; 1 фунт = 409,5 г.; 1 пуд = 40 фунтам = 16,38 кг.* — **В.Л.**). Заседал тут в вол. ячейке РКП (*Российская коммунистическая партия.* — **В.Л.**) — первый раз в жизни. Человек 15 мужиков, двое неграмотных (члены РКП). Секретарь считал голосующих — мизинцем. Я попал туда вместе с товарищем, горожанином-коммунистом, который и меня, по дружбе, выдал за коммуниста. Обсуждался вопрос: отобрать или не отобрать корову у буржуа-учителя, в наказание за прошлогоднюю спекуляцию картошкой. Словечки: едак (вместо едок), гражданин, втунеяцы — захудалые люди. «Когда ты будешь очевидец внутренности человека, тогда ты будешь знать, что я буду говорить!» — это, когда ему сказали: — «Да уж знаем, что скажешь!» — заседание было в Волостном совете (бывшей волости), жара, мухи, плакаты висят в красном углу, с потолка и вниз (так что ничего не прочтёшь), — закончили собрание «Интернационалом». (*Уж, не в Колыбереве ли это было?* — **В.Л.**).

...Нехорошо в Коломне. Люди здесь сейчас живут так: до 4-х на службе, а с четырёх до двенадцати (нарядившись, как подранее) на огородах, спахали всё сами вместо лошадей, и даже переулки кое-какие загородили колючей проволокой, что у мостов валялась с тех пор, как поджидали Мамонтова (*Генерал К.К. Мамонтов возглавлял в августе — сентябре 1919 года стремительный рейд белогвардейского 4-го Донского казачьего корпуса по тылам войск Южного фронта Красной Армии. Дошёл до Тамбова, Козлова (Мичуринска), Лебедяни, а это до наших мест по прямой меньше трёхсот километров. Но в ноябре 1919 года мамонтовцы были разбиты в боях под Касторной конным корпусом С.М. Будённого.* — **В.Л.**). Говорят о том — кто сколько и чего посеял. Больше ни о чём не говорят...».

14 июля 1921 года В. Миролюбову: «Вчера вечером я вернулся из Москвы на автомобиле, ехали большаком, Астраханским старинным трактом (*Нынешнее Рязанское шоссе.* — **В.Л.**). И вот по дороге нам — на протяжении ста вёрст — повстречалось повозок сто: русских цыган имя уже есть нарицательное. Это — едут из Самарской, Саратовской, Симбирской губерний. Повозка, пара лошадей, на повозке, как у цыган, обручами натянут шалашик. В Самарской, Саратовской, как во всём Поволжье, как на Донщине, на Кубани, в Поуралье, в Сибири Западной — голод: сгорели озимые, их перекопали, посеяли яровые, и яровые сгорели, — картошка в земле спеклась, так что её можно есть печёную, — пуд лебеды стоит 50 т. руб. и пуд коры древесной — 30 т. р., — лошадь стоит — 1 $^1/_2$ пуда муки. Го-ло-д. И поползли — куда глаза глядят, русские цыгане... — доползли до Москвы. В одной из повозок (на автомобиле мы мимо ехали, ели вишни, острили, очень удобно, а телеграфными проводами, что шумели с боков большака, поди передавали депеши — о Коминтерне III-го Интернационала, о забастовках в Ливерпуле, о победах на трудовых фронтах, о планетарной революции) — в одной из повозок лежал старик, умерший от холеры: едут, куда глаза глядят!

Я злюсь очень редко и всегда болезненно тяжело. Вечером дома жена сказала, что в поле у нас выкопали картошку — идёт ужаснейший свистопляс. По весне надо было караулить семена, ибо днём сажали картошку, а ночами приходили негодяи и выкапывали её. Теперь едва-едва поспевает картошка — и идёт сплошной грабёж, такой, что

к осени едва ли что останется. Трагедия в том, что некого послать караулить: все воруют. Сплошное, круговое воровство: каждый друг у друга. ...Крестьяне стонут, собирают сходы, посылают сторожей — и сторожа проворовываются. Посылают новых сторожей, и новые сторожа — в отместку — воруют у прежних. А жульё, которое взяло себе в профессию копать ночами картошку (есть и такие профессии!), ходит с винтовками. ...Большей бессмыслицы, глупости, воровства, хамства, чем теперь в деревне, я не знал и не знаю...».

26 июля 1921 года В. Миролюбову: «Пишу это письмо Вам, сидя в мезонине стариннейшего в уезде имения генералов Вильяшевых *(Имение отставного генерала П.И. Вельяшева располагалось возле деревни Новосёлки на берегу реки Коломенки. —* **В.Л.***)*. За революцию тут были — и коммуна, и совхоз, и детская колония: поэтому теперь в доме ни одной рамы, — в стариннейшем, прекраснейшем доме. Жена уехала сюда на дачу. В мезонине кое-как можно спасаться от ветра — ставнями. Неделю мы никак не могли добиться мебели: вчера наконец привезли, привёз «комендант»: помусолил карандаш (чернильный) и написал на каждом столе: — стол, а на каждом стуле: — стул, — чтобы не было ошибки, для аккуратности, и сдал под расписку. — А чтобы зря не гонять лошади, отворотил у дома водосточную трубу и целый воз навалил прутьев туй из парка — «для лёгкого духу».

22 июня 1922 года Н. Ашукину: «...Приезжай, скорее. И дача, и всё есть: жить будешь у Христа за пазухой, в среде помещиков, где каждый — клад для романа. — Ехать лучше на дневном поезде, в 2.30, № 3. На вокзал прийти к полпервому, там купить и билет (и плацкарту: лишние 700 т.р.). В Коломне — через 3 часа. Там покажет каждая собака (докторицу Марью Алексеевну Соколову-Вогау, на Никольской улице)».

«Был очень мил...»

В воспоминаниях друзей Б. Пильняк предстаёт довольно общительным молодым человеком, «высоким, рыжеволосым, в больших с круглыми стёклами очках».

Но есть и более экспрессивный портрет из дневника писателя Корнея Чуковского, который в марте 1922 года после одной из встреч

накануне отъезда Пильняка и поэта-имажиниста Александра Кусикова в Германию записал: «...Сюда, в Питер, приехали два москвича: Кусиков и Пильняк. Приехали на пути в Берлин. На руках у них были шалые деньги, они продали Ионову *(Поэт Илья Ионов заведовал Петроградским отделением Госиздата. —* **В.Л.***)* какие-то рукописи, которые были проданы ими одновременно в другие места, закутили, и я случайно попал в их орбиту: я, Замятин и жена Замятина. Мы пошли в какой-то кабачок на Невском, в отдельный кабинет, где было сыро и гнило, и стали кутить. После каторжной моей жизни мне это показалось забавно. Пильняк длинный, с лицом немецкого колониста, с заплетающимся языком, пьяный, потный, слюнявый — в длинном овчинном тулупе — был очень мил». И ещё одна запись из того же дневника 27 февраля 1923 года: «Я с Пильняком познакомился ближе. Он кажется шалым и путаным, а на самом деле — очень деловой и озабоченный. Лицо у него озабоченное — и он среди разговора, в трактире ли, в гостях ли — непременно удалится на секунду поговорить по телефону, и переход от разговора к телефону — у него не заметен».

Борис Пильняк всегда очень активно участвовал в жизни писательского сообщества. Редактировал альманах «Круг». Одно время был председателем Всероссийского союза писателей и одновременно руководителем его Московского отделения (до сентября 1929 года, когда вместе с Б. Пастернаком написал заявление о выходе из союза).

Он находился в дружеских и творческих отношениях со многими отечественными и зарубежными писателями и поэтами того времени: Андреем Белым, Валерием Брюсовым, Максимом Горьким, Анатолием Луначарским, Алексеем Ремизовым, Евгением Замятиным, Алексеем Толстым, Борисом Пастернаком, Александром Аросевым, Андреем Платоновым, Михаилом Булгаковым, Анной Ахматовой, Нурдалем Григом, Мартином Андерсеном-Нексе, Вячеславом Шишковым, Мариной Цветаевой, Корнеем Чуковским, Александром Серафимовичем, Константином Фединым, Верой Инбер, Николаем Погодиным, Викентием Вересаевым, Ольгой Форш, Иваном Соколовым-Микитовым, Вячеславом Полонским, Всеволодом Ивановым, Михаилом Зощенко, Исааком Бабелем, Артёмом Весёлым, Дмитрием Фурмановым, Вениамином Кавериным, Николаем Асеевым, Валентином Катаевым и многими, многими другими.

Вообще, как вспоминала Галина Воронская — дочь прозаика и литературного критика Александра Константиновича Воронского: «В доме Пильняка собирались люди различного положения, профессий и национальностей. Там бывали и члены правительства, и учёные, и артисты, и писатели, и китайские художники, и японские танцовщицы».

Об одном из собраний в издательстве Артели писателей «Круг» осенью 1923 года вспоминал Всеволод Иванов: «Из Петрограда приехали писатели, члены правления «Круга». Прошло собрание, утвердили годовой отчёт, разработали план, и, когда писатели взяли было шапки, кто-то предложил складчину — три рубля. Устроим вечер — москвичи будут угощать петроградцев, петроградцы москвичей, и надо же наконец собраться не только членам правления, но и всем, надо же посмотреть пристально друг на друга».

Всеволод Иванов называет фамилии присутствовавших: Александр Воронский, Борис Пильняк, Александр Фадеев, Александр Малышкин, Владимир Маяковский, Борис Пастернак, Сергей Есенин, Исаак Бабель, Демьян Бедный, Александр Безыменский, Владимир Киршон, Артём Весёлый, Михаил Светлов, Михаил Герасимов, Николай Асеев, Дмитрий Фурманов, Иван Приблудный...

«Возле шведских бюро, сдвинутых вместе, стоял Б. Пильняк, писатель в те дни почти уже знаменитый. Он только приехал из-за границы, — заграничные поездки писателей были ещё очень редки; черепаховые его очки, под рыжими волосами головы и бровей, особенно велики, — мы ещё носили крошечные пенсне; он — в сером, и это тоже редкость. Бас Б. Пастернака слышался рядом. К ним подошёл Бабель, в простой толстовке, начал шутить, и они засмеялись. ...И глядя на этот список, я понял, что я встретился сегодня ни больше ни меньше как со всей великой советской литературой».

По делам писательской организации приходилось Б. Пильняку общаться и с руководителями государства: А. Рыковым, Л. Троцким, С. Кировым, И. Сталиным, Л. Каменевым, Л. Красиным, В. Антоновым-Овсеенко, Л. Кагановичем, Н. Булганиным и другими.

Имя Бориса Пильняка тесно связано с историей возвращения в Советскую Россию из эмиграции Алексея Толстого и Ивана Соколова-Микитова.

В творческих командировках Б. Пильняк объездил многие области и республики Советского Союза, побывал в Германии, Англии, Греции, Турции, Палестине, на Памире и Шпицбергене, в Монголии, Китае, Соединённых Штатах Америки и Японии. Любопытно, что Б. Пильняк был в числе первых иностранцев, исправивших давнее заблуждение, что составляющие название Японии — Ниппон — два иероглифа, толкуемые издавна как «страна восходящего солнца», на самом деле есть не что иное, как «корни солнца». Его заметки 1926 года так и называются: «Корни японского солнца».

«Воля не видеть»

Борис Пильняк был писателем нового революционного времени. Тем не менее трезво видел все его противоречия. И в силу своего характера говорил обо всём открыто. С годами это становилось опасным.

Травля и оголтелая критика сопровождали и жизнь, и творчество Б. Пильняка. Он был «неудобным» писателем. Ему не прощали своеобразия и прямоты, нежелания писать на заказ.

Он был новатором в области новой прозы, но причислялся к «попутчикам», а их, как известно, всячески принижали.

Вниманием он обделён не был как со стороны тех, кто его читал, так и тех, кто не читал. У критиков появился даже ругательный термин — «пильняковщина».

Лев Троцкий в своей книге «Литература и революция» (1923) писал: «Особенно входит почему-то в моду травля Пильняка, в чём собственно упражняются также и футуристы... Выкиньте из вашего обихода Пильняка и Всеволода Иванова — и мы окажемся на некоторую дробь беднее». М. Горький в статье «О трате энергии» (газета «Известия». 1929, 15 сентября) также возражал против негативного отношения к Пильняку, которое «как бы уничтожает все его заслуги в области советской литературы».

Б. Пильняк и сам «шёл на рожон», давая поводы для скандалов.

В «Отрывках из дневника» (1924) он заявляет: «...Вот чего я не признаю: — не признаю, что надо писать захлёбываясь, когда пишешь об РКП, как делают очень многие, особенно квази-коммунисты, придавая этим нашей революции тон неприятного бахвальства и

самохвальства, — не признаю, что писатель должен жить «волей не — видеть», или, попросту, врать, а враньё получается, когда не соблюдена статическая какая-то пропорция (например: у нас европейски-оборудованная Каширская электростанция, но пол-России ещё живёт без керосина, — так вот, толковее писать, что у нас Россия сидит во мраке по вечерам, чем писать, что у нас проведена электрофикация; или другой пример: я помню, в двадцатом году, в «Гудке» было напечатано — «победа на трудовом фронте, люберецкими рабочими нагружено 17 вагонов дров». — Мне думается, если припомнить английские грузоподъёмные краны, вернее было бы сказать — «разгром на трудовом фронте»); я — не коммунист и, поэтому, не признаю, что я должен быть коммунистом и писать по-коммунистически, — и признаю, что коммунистическая власть в России определена — не волей коммунистов, а историческими судьбами России, и, поскольку я хочу проследить (как умею и как совесть моя и ум мне подсказывают) эти российские исторические судьбы, я с коммунистами, т.е. поскольку коммунисты с Россией, постольку я с ними; ...признаю, что мне судьбы РКП гораздо меньше интересны, чем судьбы России, РКП для меня только звено в истории России; знаю, что я должен быть абсолютно объективен, не лить ни на чью мельницу, никого не морочить, и — признаю, что быть-может, я во всём неправ, — но тут-то я хорошо знаю, что иначе, чем я пишу, я писать не могу, не умею, не напишу, если б — и хотел себя изнасиловать...».

Такие высказывания, конечно, рождали неудовольствие официальной власти.

А могли ли понравиться такие слова из повести «Третья столица» (1922), хотя бы и вложенные в уста персонажа-иностранца: «Беру газеты и книги, и первое, что в них поражает, — ложь всюду: в труде, в общественной жизни, в семейных отношениях. Лгут все: и коммунисты, и буржуа, и рабочий, и даже враги революции, вся нация русская. Что это? — массовый психоз, болезнь, слепота? ...Оказывается, есть иная воля — воля не видеть».

Не могла пройти бесследно аллюзия (явный намёк) в «Повести непогашенной луны» на таинственные обстоятельства гибели на операционном столе наркомвоенмора Михаила Фрунзе, имевшего тогда

слишком большую популярность в стране, и зловещую роль в этом «негорбящегося человека» Иосифа Сталина.

И ведь Пильняку наверняка была действительно известна фактическая сторона этой трагедии: он близко знал писателя Александра Воронского, друга М. Фрунзе, выведенного в повести в роли Попова — друга наркомвоенмора Гаврилова, с посвящением которому повесть печаталась. Да и Воронский в письме М. Горькому в июне 1926 года признавался, что сообщил Пильняку кое-какие подробности, относящиеся к смерти Фрунзе.

Трагедия героя повести — это трагедия революции, которая «в очень большой мере движется смертью и кровью».

В этой повести впервые в литературе описан механизм, порождённый извращённым пониманием «единомыслия», дисциплины и безропотной жертвенной верности «приказам партии», который толкает одного человека на бессмысленную операцию и смерть, а другого на совершение неправедных дел, оговор самого себя и невинных людей, и порождающий, в свою очередь, диктатора, тирана.

Пройдёт десять лет, и этот механизм устранения «соратников», неугодных людей будет доведён до убийственного совершенства.

Тираж журнала «Новый мир» за май 1926 год, где была напечатана повесть, конфисковали. 27 мая 1926 года руководитель Главлита (ведомства, занимавшегося цензурой в печати) П. Лебедев-Полянский разослал по всем инстанциям секретный циркуляр: «Предлагается вам впредь до особого распоряжения не допускать помещения произведений Пильняка в толстых партийно-советских журналах и сборниках и вычёркивать фамилию названного писателя из списка сотрудников этих журналов». Несостоявшаяся публикация в дальнейшем во многом предопределила судьбу Пильняка.

А в 1929 году произошёл новый скандал, вызванный выходом в Берлинском издательстве «Петрополис» повести «Красное дерево», которая не прошла публикацию в советских изданиях.

Страсти вокруг Б. Пильняка накалялись по нарастающей. В этой кампании была одна специфическая особенность: критики наперегонки разносили в пух и прах повесть, которую не читали.

Характер травли могут передать некоторые заголовки разносных статей: «Недопустимое явление», «Борис Пильняк — собственный

корреспондент белогвардейщины», «Проверить Союз писателей», «Против переклички с эмигрантщиной», «Об антисоветском поступке Б. Пильняка», «Уроки пильняковщины», «Вылазки классового врага в литературе», «Против пильняковщины и примиренчества с ней» и тому подобное.

«Антисоветизм» повести состоял в том, что в ней показаны настроения, бытовавшие в различных слоях общества, не отлакированная жизнь, что, как и писал в ответ на оголтелую критику в «Литературной газете» Б. Пильняк, «действительно в России есть ещё отрепье прошлого, обыватели, реставраторы, мелкие воришки, распутники и бездельники». В общем, чем правдивее вещь, тем больше она вызывает негодование.

Одновременно с Пильняком общественной «порке» подвергался Евгений Замятин за роман «Мы», также вышедший в свет за границей.

Травля продолжалась до апреля 1931 года и по накалу была не менее высокой, чем последующая проработка в 1946 году Анны Ахматовой и Михаила Зощенко.

Анна Ахматова

В условиях начинавшихся в 30-х годах репрессий Б. Пильняк живо участвует в судьбе собратьев по перу.

Известно, что после ареста 23 октября 1935 года в Ленинграде мужа и сына Анны Ахматовой — Николая Пунина и Льва Гумилёва — Анна Андреевна поехала за помощью в Москву к Борису Пильняку. Вместе с ним, Борисом Пастернаком и Михаилом Булгаковым она безуспешно пыталась найти подходы к НКВД. Наконец решили всё-таки написать письмо самому Сталину. Через вхожую в кремлёвские коридоры писательницу Лидию Сейфуллину им удалось передать послание секретарю Сталина Александру Поскрёбышеву. Две недели спустя на письме появилась резолюция генсека наркому НКВД Генриху Ягоде: «*Отпустить*».

С Анной Ахматовой Пильняка связывало и многое личное. Познакомились они где-то во второй половине 1920-х годов. Пильняк сдружился сначала с Н. Пуниным в связи с тем, что оба побывали в

Японии и имели общих знакомых. А затем состоялось его знакомство и с А. Ахматовой.

Дружескую близость их отношений может подтвердить письмо Б. Пильняка от 23 февраля 1930 года, адресованное девятилетней падчерице Анны Андреевны — Ире Пуниной, которую он называл Аришей. Одновременно письмо обращено и к Ахматовой, именуемой им шутливым домашним именем Ваня:

«Ариша, когда Ваня опять поедет в Москву, приезжай с ней ко мне в гости. Пока не шлю тебе собаки, потому что она ещё не открывает глаз. К твоему приезду глаза будут открыты. Поцелуй папу и помни меня. В Москве будешь кататься на автомобиле и на мне. Будет очень весело, будем пить вино и каждый день делать Ванины именины. Крепко тебя целую. Твой друг Боря».

Исследователь литературной истории Коломны Константин Петросов в заметках об А. Ахматовой ссылался на хорошо знавших её писателей Анатолия Наймана и Эмму Герштейн, которые независимо друг от друга пересказывали со слов Анны Андреевны, «что Борис Пильняк был влюблён в Ахматову и делал ей официальное предложение». А Натан Готхарт в своих записях о встречах с А. Ахматовой в 1963-65 годах воспроизводит такие её воспоминания: «В 25-м году Борис Пильняк привёз из Америки автомобиль, собрал его, и мы поехали по пути Радищева *(Из Петербурга-Ленинграда в Москву. —* **В.Л.***)*. Ехали сначала медленно, Пильняк говорил, что надо «обкатать» автомобиль. Путешествие было интересное, хотя сама дорога малоинтересна, за исключением Валдайской возвышенности».

Про Пильняка-автолюбителя того времени есть заметки и в дневнике Корнея Чуковского 27 ноября 1931 года: «Вчера за мной заехал к Кольцову Пильняк — в чёрном берете — любезный, быстрый, уверенный, — у него «Форд», очень причудливой формы, — правит он им гениально, с оттенками...».

Памятуя вышесказанное, не удивителен интерес, который проявляла А. Ахматова к Коломне, к дому, где жил когда-то Б. Пильняк.

В июле 1936 года, когда гостила у Сергея Васильевича Шервинского в Старках (Черкизове), Анна Андреевна в сопровождении Шервинского и Льва Горнунга ездила в Коломну. Они обошли чуть ли не

весь город, много фотографировались, были в Коломенском кремле, у Маринкиной башни. На Посаде долго, но безуспешно искали дом Пильняка. Хотя, судя по фотоснимкам, сделанным на Арбатской улице, бродили они недалеко (в то время дом находился в глубине двора, загороженный снесённым позднее зданием).

Тёплая доверительность их дружбы чувствуется и в стихотворении Анны Ахматовой, посвящённом Борису Пильняку в трагическом 1938 году. Но об этом чуть позже...

Упомянув воспоминания С. Шервинского о днях пребывания Ахматовой в Старках, не могу удержаться, чтобы не привести показавшиеся любопытными, с точки зрения бытовых деталей, строки о том, как они добирались на поезде из Москвы в Пески через Воскресенск: «Гостья была предупреждена, что доехать до Старков не просто. В то время надо преодолеть три часа езды в «местном» — рязанском — поезде до станции Пески («дачные» туда не доходили), потом идти пешком версты полторы до Москвы-реки, а там переправиться на другой берег, мост у села Черкизова был выведен из строя уже несколько лет назад. Наша усадьба стояла на берегу, но в полуверсте от парома, и мы предпочитали переправляться на своей лодке прямо против неё. Приглашая Ахматову к себе, я был уверен, что её такими трудностями не смутишь.

Вагон, где мы ехали, наполнен был, как все тогдашние «местные» поезда, толпой тех деревенских баб и девок, как сами они себя называли, которые в ту пору носили нивелирующее прозвание «мешочниц».

...Усталые от рыночной толкотни, но в общем весёлые женщины раздирали руками селёдку, откусывали колбасу «от цельной», запивали по очереди водой из бутылок и бидонов. С этой однообразной серой женской толпой Ахматова контрастировала сильно.

...После Бронниц, не видных с железнодорожного полотна (*До города Бронницы от железнодорожной станции ещё добрый десяток километров.* — **В.Л.**), уже простиралась луговая равнина — до Коломны и дальше, к Рязани. В вагоне начиналось оживление. «Мешочницы», почти все, «вылезали» на маленькой безымянной и бесперронной остановке, откуда им предстояло идти вёрст

тридцать до своих деревень. Женщины разувались и уже босые спрыгивали с подножек на придорожную луговину.

...Потом уже в полуопустевшем, облегчённом от всяких запахов вагоне приходилось ещё ждать целых полчаса в Воскресенске, где по расписанию должен был простоять наш «местный»...».

Выходит, старый воскресенский вокзал лицезрел многих великих (!), путешествовавших по рязанскому направлению аж с октября 1862 года, во время их получасовых променадов, а также «попить-покушать и прочего»...

Горькая слава...

Маховик репрессий уже набирал обороты. Яркие, неординарно мыслящие личности были обречены на заклание.

С 1929 года в стране постепенно нарастает вал борьбы с инакомыслием, охота на «врагов народа и партии». Укореняющийся тоталитаризм не мог терпеть людей, не желавших «колебаться с линией партии», отстаивающих собственную точку зрения.

Ещё в 1924 году Пильняк писал в рассказе «Расплёснутое время»: «...Я — писатель, пишу книги, пишу про свою и чужую жизнь, плету вымысел с явью. Быть может, Вы слышали, что мне выпала горькая слава быть человеком, который идёт на рожон. И ещё горькая слава мне выпала — долг мой — быть русским писателем и быть честным с собой и Россией». Отсюда начинается тот путь, который привёл его к трагической развязке.

И если в 1935 году популярность Бориса Пильняка ещё давала ему возможность помогать попавшим в беду друзьям, то через год он сам оказался в большой опале, и никто уже не мог ему помочь.

Его перестали печатать. Ругать Пильняка стало не просто модным, а обязательным.

Ему припомнили всё: и независимый характер, и беспартийность, и дружеские отношения с писателями-эмигрантами, и изданную за границей повесть «Красное дерево», и руководство разогнанным в 1929 году Всероссийским союзом писателей, и положительные отклики о нём Л. Троцкого, и материальную помощь сосланному в Тобольск «троцкисту» Карлу Радеку, и уклонение от участия в митингах

по осуждению «банды двурушников Зиновьева-Пятакова-Бухарина», и многие другие, страшные для того времени маниакальной подозрительности и наветов, грехи.

28 октября 1937 года в день трёхлетия младшего сына Бориса на даче в Переделкино Борис Андреевич был арестован.

На следствии, «признав» себя шпионом, врагом народа, троцкистом и террористом, Б. Пильняк, тем не менее, заявил: «Искусство живёт и развивается независимо от политики, господствует над нею и может даже её корректировать».

Через месяц прямо на киностудии арестовали жену (в 1933 году он женился в третий раз) — грузинскую актрису Киру Георгиевну Андроникашвили (1909-1960). К тому времени окончившая ВГИК (режиссёрскую мастерскую Сергея Эйзенштейна) актриса уже снялась в нескольких фильмах, в том числе в главных ролях в «Элисо» (1928) Николая Шенгелая и «Земля жаждет» (1930) Юлия Райзмана.

Кира Георгиевна была черноглазой красавицей, он «жадно тянулся к ней, восхищённо смотрел на неё, смуглую, статную...» (Н. Павлович) и об этой их любви написал в романе «Созревание плодов». Да и спустя двадцать лет, по воспоминаниям киноактрисы Людмилы Марковны Гурченко — в то время жены её сына Бориса (от того брака родилась дочь Мария) — свекровь «была женщиной необыкновенной. Красоты совершенной. Высокая и аристократически худая. ...Просто аристократическая женщина. Во всём. Как ела, как говорила, как умела слушать и слышать. Как отличала человека, изнутри деликатно устроенного от Бога, от начитанного умника. Иногда я думаю, что для встречи с такими редкими людьми тоже стоит жить».

После ареста Кира Георгиевна четыре ужасных года провела в печально знаменитом Акмолинском лагере жён изменников родины (АЛЖИР) в Карагандинской области Казахстана.

«Алжиркам» приходилось работать в невыносимых условиях на самой грязной и изматывающей работе. Власть прилагала немалые усилия к тому, чтобы обезличить тех, кого загоняла в лагеря. А попадали туда женщины разных национальностей, социального положения и профессий. И не только родственники «врагов народа», занимавших

высокие посты в партии и государстве, но и простые крестьянки, выхваченные безжалостным смерчем политических репрессий.

Вот параллельная хроника той поры. В одно время с К.Г. Андроникашвили в АЛЖИРе восьмилетний срок отбывала наша землячка, уроженка деревни Губино Ашитковской волости монахиня Евдокия Прохоровна Андрианова (1886-1942). В лагерь её этапировали 20 декабря 1937 года. Тройкой НКВД по Московской области (для рассмотрения уголовных дел контрреволюционеров, изменников и вредителей при органах внутренних дел в 1934-1938 годах создавались внесудебные «особые совещания», как минимум, из трёх человек, приговоры которых не связывались процессуальными нормами: адвокат не полагался, да и присутствие обвиняемого не было обязательным) в вину ей было вменено, что «...среди местных колхозников вела к/р (*контрреволюционную.* — **В.Л.**) сектантскую деятельность, направленную против мероприятий соввласти». Вина была столь велика, что не сломленную духом 55-летнюю инокиню через четыре года уже в лагере вместе с одиннадцатью новыми подругами по несчастью вновь арестовали и 20 апреля 1942 года приговорили к расстрелу. «Они безропотно претерпели лагерные муки и со смирением склонили свои главы в час смертный». Реабилитация пришла спустя полвека по Закону Республики Казахстан от 14 апреля 1993 года. А в августе 2000 года Архиерейский Юбилейный Собор Русской Православной Церкви причислил акмолинскую преподобномученицу Евдокию (Андрианову) в Собор новомучеников и исповедников Российских XX века.

Так что отбытие осуждённым, казалось бы, уже назначенного окончательного срока не было препятствием для нового наказания и в более изощрённых формах.

Туда же, в Акмолинскую область, в сентябре 1941 года был депортирован (как и все местные немцы) живший с 1918 года в Поволжье 74-летний отец Пильняка Андрей Иванович Вогау (мать писателя скончалась в 1940 году). Там он и умер 1 мая 1944 года.

Имущество семьи Пильняка, включая библиотеку и архивы, было конфисковано и разграблено. Во дворе переделкинской дачи ещё два дня горел костёр, в котором безвозвратно сгорела переписка Б. Пильняка с А. Ахматовой, С. Есениным, Б. Пастернаком... По счастью,

часть архива писателя всё же сохранилась у Корнея Чуковского и первой жены Марии Соколовой.

На следующий год репрессии выпали также на долю сестры Пильняка Нины Андреевны Вогау и его бывшей жены Ольги Сергеевны Щербиновской.

С Ольгой Щербиновской Борис Пильняк познакомился в конце 1923 года. 1 декабря он пишет Н. Ашукину о женщине, которую полюбил «какой-то несуразной, прекрасной любовью». И уже через четыре месяца окончательно переехал из Коломны к ней в Москву на Поварскую улицу, 26. Ольга Сергеевна была ведущей актрисой Малого театра. Однако в театре сведения о её жизни и творчестве нынче чрезвычайно скупы. По словам директора музея театра Н.И. Сорокиной, сразу после ареста личное дело актрисы было изъято следователями НКВД. После возвращения из лагерей она так и не смогла вернуться к активной театральной деятельности. Даже фотографией актрисы музей располагает уже более позднего периода. В мемуарной литературе она тоже упоминается редко. Однажды имя О.С. Щербиновской встретилось мне в связи с милицейским протоколом о пьяном дебоше, учинённом Сергеем Есениным в её артистической уборной в Малом театре 6 апреля 1924 года во время постановки гоголевского «Ревизора» (она была занята в роли Марьи Антоновны). Ольга Сергеевна сопровождала Пильняка в его поездках 1926 и 1927 годов в Японию, Китай и Турцию. Расстались они в 1933 году.

Дальнейшая судьба Бориса Пильняка, как и многих других репрессированных, долго оставалась неизвестной. «Вы беспощадно истребляете талантливых, но лично Вам неугодных писателей. Где Борис Пильняк, Михаил Кольцов?», — спрашивал Сталина Фёдор Раскольников в широко известном теперь открытом письме из Парижа, начинавшемся эпиграфом: «Я правду о тебе порасскажу такую, что хуже всякой лжи...». Долгое время официально считалось, что Б. Пильняк умер в тюрьме 9 сентября 1941 года.

В 1938 году, будто предчувствуя непоправимое, Анна Ахматова написала стихотворение-реквием, посвящённое Борису Пильняку и включённое ею позже в цикл «Венок мёртвым»:

Всё это разгадаешь ты один...
Когда бессонный мрак вокруг клокочет,
Тот солнечный, тот ландышевый клин
Врывается во тьму декабрьской ночи.
И по тропинке я к тебе иду,
И ты смеёшься беззаботным смехом,
Но хвойный лес и камыши в пруду
Ответствуют каким-то странным эхом...
О, если этим мёртвого бужу,
Прости меня, я не могу иначе:
Я о тебе, как о своём, тужу
И каждому завидую, кто плачет,
Кто может плакать в этот страшный час
О тех, кто там лежит на дне оврага...
Но выкипела, не дойдя до глаз,
Глаза мои не освежила влага.

5 мая 1988 года его сыну Борису Андроникашвили-Пильняку сообщили: «Пильняк-Вогау Борис Андреевич, 1894 года рождения, был необоснованно осуждён 21 апреля 1938 года Военной коллегией Верховного суда СССР по ложному обвинению в совершении государственных преступлений и приговорён к расстрелу. По уточнённым данным приговор приведён в исполнение 21 апреля 1938 года».

Расстреляли писателя на подмосковном полигоне (специальном объекте) НКВД близ Старо-Калужского шоссе у совхоза «Коммунарка» в Ленинском районе.

По приговору того суда Б. Пильняк был признан виновным в том, что с 1924 года являлся активным участником антисоветской, троцкистской диверсионно-террористической организации, был связан с троцкистами К. Радеком, Л. Серебряковым, А. Воронским и другими, по заданию которых создал в среде писателей ряд антисоветских групп, а также являлся агентом японской разведки. Как и все известные теперь аналогичные дела, это обвинение сколь по сути убийственно стандартно, столь и нелепо фантастично.

Среди писателей, с которыми Пильняк якобы был связан по контрреволюционной работе, названы Артём Весёлый (Николай Кочкуров), Иван Катаев, Николай Зарудин, Глеб Алексеев, Борис

Пастернак и Константин Федин (первые четверо, тоже репрессированные, были впоследствии посмертно реабилитированы, а Пастернака и Федина репрессии удивительным образом вообще миновали).

Сейчас стало многое известно о тех чудовищных методах, которыми палачи добывали признания своих жертв во всех мыслимых и немыслимых преступлениях, и о том, как вершился скорый на расправу суд. Чтобы «всесторонне» рассмотреть дело Пильняка хватило 15 минут!

28 ноября 1956 года Борис Андреевич Пильняк был посмертно полностью реабилитирован.

Однако имя писателя и его литературное наследие ещё долго попрежнему замалчивались. Потому, наверное, что, как сказано, например, в «Советском энциклопедическом словаре» 1984 года, он допускал «изображение, подчас натуралистичное, быта революционной эпохи при непонимании её ведущих тенденций». Даже в восьмидесятых годах это был большой грех, а уж что говорить о годах тридцатых.

И несть числа им, так тогда и «не понявшим» ведущих (куда?) тенденций!

В 1957 году комиссия по литературному наследию писателя, в которую вошли Николай Погодин, Всеволод Иванов, Илья Эренбург, Владимир Лидин, предприняла попытку издания собрания сочинений Бориса Пильняка. Но в ЦК КПСС посчитали это несвоевременным и даже вредным. В результате издание произведений Бориса Андреевича отложилось ещё на два десятилетия.

Борис Пильняк в 1929 году в предисловии к собранию сочинений писал: «И если через тридцать-сорок лет новое поколение прочтёт и задержит свои мысли на этих книгах, увидит и почует живую человеческую кровь живого человека в годы прекрасных российских гроз и половодий, улыбнётся моим бредням и оправдает мою романтику, романтику «блаженного», посетившего мир «в его минуты роковые», — я оправдаю мой труд».

А в России вновь половодья, вновь грозы... Самое время перечитать Пильняка.

«Здравствуй, русское поле...»

Воскресенск. Больничный городок

Мы позабыли или позабудем,
Что было явью или же мечтой.
И только книги остаются людям —
Как бледный отсвет жизни прожитой.

Инна Гофф

Домик под старыми липами

«Мы приехали сюда в душный день в конце мая. Ехали на двух машинах,— мы, женщины, на «Победе», мужчины стоя в грузовике, среди вещей и узлов. Главной их заботой был шкаф с зеркальной дверцей. Шкаф этот всё пытался завалиться то на один бок, то на другой. Впрочем, пока что он всё же ехал. В зеркальной дверце кое-как, наспех отражались кучные облака, телеграфные столбы, кривые тополя, шиферные крыши и скворечни.

Было за полдень, когда наш кортеж свернул с главной магистрали на лесную дорогу. Воздух вокруг темнел, сгущался, и как-то особенно резко белели берёзы по сторонам.

Мы выехали к реке, к перевозу. Здесь так же резко, как только что берёзы, белела в грозовой темноте церквушка. Потом зеркало как будто раскололось, отразив ломаный зубец молнии, свалился гром и покатился над рекой с тем особым глухим стуком, какой придаёт грому вода. Посыпал крупный дождь.

Машина уже въехала на паром, но надо было ждать,— станция отключила ток на время грозы. В грузовике нашлась клеёнка, и мужчины укрылись ею.

Я смотрела сквозь поднятое стекло на незнакомый город за рекой, смутно видневшийся издалека. Был хорошо виден только большой барский дом с колоннами, и деревья старого парка, и белая ограда...», — так вспоминала переезд своей семьи в Воскресенск в 1952 году Инна Анатольевна Гофф в рассказе «Знакомые деревья».

Паромная переправа существовала в селе Новлянском возле Иоанно-Златоустовской церкви до строительства автомобильного моста в

1953 году. И сегодня ещё заасфальтированный спуск к ней можно легко обнаружить с обоих берегов Москвы-реки. И так же величествен на высоком левом москворецком берегу усадебный дом светлейшей княгини Александры Петровны Ливен, который также знаменит тем, что в нём юные свои годы провёл знаменитый писатель Иван Иванович Лажечников, основоположник русского исторического романа («Последний Новик», «Ледяной дом», «Басурман»). А в 1952 году в усадьбе располагался детский дом для сирот военного времени (прошло ведь только семь лет, как окончилась Великая Отечественная война).

В Воскресенск приехали родители Инны Анатольевны — Зоя Павловна и Анатолий Ильич, бабушка Софья Яковлевна, муж — Константин Яковлевич Ваншенкин и полуторагодовалая дочь Галя (она родилась 16 ноября 1950 года).

Анатолий Ильич Гофф получил назначение заведующим туберкулёзным диспансером Воскресенской городской больницы. До этого он некоторое время жил и работал в подмосковных Загорске (теперь — Сергиев Посад) и Люберцах (в Панках).

Многие в Воскресенске до сих пор по-доброму вспоминают доктора Гоффа, хотя районным фтизиатром он проработал чуть более пяти лет и на заслуженный отдых ушёл ещё в 1957 году. Например, руководящая тубдиспансером с 1958 года и поныне Мария Мироновна Меркина помнит, как он заходил, интересовался делами, советовал ей — молодому специалисту. Он был врачом по призванию. Даже выйдя на пенсию, врачевал друзей, соседей, знакомых и незнакомых — всякого, кто к нему обращался за помощью.

А ещё соседи помнят кулинарный талант Анатолия Ильича: в его доме всегда умели угостить чем-то вкусненьким. В этом смысле Инна Анатольевна и Галина Константиновна полностью переняли его способности.

Вообще-то Анатолий Ильич многие годы проработал детским врачом. Одно время служил в детской коммуне под Харьковом, которой руководил Антон Семёнович Макаренко, автор известной «Педагогической поэмы». В этой связи К.Я. Ваншенкин рассказал о весьма драматичном, но довольно любопытном случае, произошедшем однажды в тридцатые годы с Анатолем Ильичом. Поезд, в котором тот ехал, подвергся разбойному налёту целой оравы беспризорников. Грабили всех пассажиров, подошли уже и к нему, но тут вдруг поверх смятенного гомона раздался крик: «Доктора не трогать!». Видимо, кто-то из бродяжных пацанов узнал доброго врача.

Собственно драматизма и переживаний в биографии Анатолия Ильича и без того хватало: в 1920-е годы своего студенчества возглавлял противохолерный отряд в Одесском уезде, в Великую Отечественную войну работал в эвакогоспитале... Да много чего пришлось пережить его поколению.

Мама Инны — Зоя Павловна, — в полную меру разделившая с мужем все жизненные тяготы, была человеком интеллигентным. Она преподавала французский язык в Военном институте иностранных языков, писала для студентов учебную литературу и, как отмечают близко знавшие её, до последних дней любила читать книги на языке Гюго и Мопассана.

Поселилась докторская семья в больничном городке (в адресе так и указывалось: улица Больничный городок, дом № 6). Инна Анатольевна вспоминала:

«Больница состояла из нескольких одноэтажных домиков, разбросанных кое-как среди зелени, и главного корпуса — хирургии (*Сейчас в нём травматологическое отделение первой городской больницы.* — **В.Л.**).

...Сначала мы жили в маленьком домике под старыми липами, при больнице. Эту больницу для своих крестьян построила некогда княгиня Ливен. (*Князь Александр Андреевич и княгиня Александра Петровна Ливены построили Кривякинскую лечебницу в 1891 году между двумя своими усадьбами — Красное сельцо и Спасское на самой границе Колыберевской волости Коломенского уезда и Спасской волости Бронницкого уезда.* — **В.Л.**).

В домике, где мы поселились, когда-то было родильное отделение. Мы нашли на притолоке медный крест с распятием. Видимо, им благословляли новорождённых. «Верным утверждение анделом слава бесом язва» — выведено на нём (*Андел — в некоторых славянских языках и говорах то же, что ангел.* — **В.Л.**).

Стройный ряд вековых лип овевал нас в знойные дни прохладой и запахом мёда. Эти липы как бы принадлежали династии липовых

аллей в парке и в имении Спасское, где стоял ещё не тронутый пожаром особняк, построенный по проекту Растрелли.

В домике нашем было два входа, не сообщающихся между собой». Был также «маленький садик, прилепившийся к дому сбоку», а вокруг кусты шиповника, акации и сирени. И, как вспоминает Галина Константиновна, много цветов: золотые шары, гладиолусы...

«Наша молодая семья была еще по-студенчески неприкаянной и покорно следовала за старшими. Пути моего отца привели нас в Воскресенск. В домик под старыми липами. В комнате, которую старшие отдали нам, с трудом помещался диван, простой струганый стол со скрещёнными ногами и телевизор с линзой.

Телевизоры были ещё в новинку. Тётя Катя, живущая в нашем доме с другого хода, на мой вопрос, как она поживает, ответила чуть с вызовом:

— А разве вы сами не знаете? У вас же телевизор!..

Видимо, она решила, что при помощи телевизора можно заглянуть в любую комнату, в любую жизнь. Что телевизор — это нечто вроде рентгена, просвечивающего стены. (*Наивность соседки хоть и курьёзна, но по тем временам простительна — ведь во всём Воскресенском районе, как сообщала статистика, тогда было лишь 45 телевизоров. Это чудо техники марки «КВН-49» имело крохотный экран, а увеличение изображения достигалось при помощи приставной пустотелой линзы, заполненной дистиллированной водой.* — **В.Л.**).

Зимой наш домик под старыми липами заносило снегом до самых окон. Гудел огонь в печке, топившейся из коридора. Гудел ветер в трубе. Гудели проходящие дальние поезда. И ближние поезда, идущие на Голутвин, Егорьевск, Шиферную. Линия электрички обрывалась у Раменского. В Москву мимо нас ходили паровики. (*Движение первых электропоездов от Воскресенска началось в августе 1958 года.* — **В.Л.**). На короткой стоянке народ штурмовал вагоны, захватывал трёхэтажные полки, с заветным местом возле окна. Конобеевские железнодорожники, все знакомые между собой, шумно перекликались, затевали подкидного дурака. Бабы в платках и телогрейках судачили по пути на рынок, запихнув под нижнюю лавку мешки с картошкой и репчатым луком.

Конобеевские — озорники, горластые. Туда ли едешь, обратно ли, сойдут — и в поезде тишина. Только постукивают колёса, лязгают буфера и вороны взлетают, стряхивая с сосен снег, греясь в паровозном дыме.

...Ещё жива была моя бабушка. Ей было уже за восемьдесят лет, но, работая по дому, она иногда ещё пела, — и голос её звучал молодо, только срывался на отдельных нотах».

Между прочим, платформа 88 километра — нынешние «железнодорожные ворота» Воскресенска, возле которой и находился больничный городок, долгое время не имела даже укрытия от дождя и снега. И мало кто из воскресенцев знает, что навес над платформой появился не без участия одного из постоянных пассажиров — Константина Яковлевича Ваншенкина. После его статьи во «влиятельной» тогда «Литературной газете» и нескольких звонков по инстанциям железнодорожное начальство наконец-то проявило заботу о пассажирах.

А на месте длинного барачного деревянного дома, находившегося по соседству с двухэтажным роддомом и «ливенской» больницей, где когда-то проживало семейство доктора Гоффа, давно уже раскинулись многоэтажные корпуса первой городской больницы и медико-санитарной части, о палисадниках же напоминают лишь растущие ещё кое-где яблоньки.

Рыжие гроздья рябины...

Так и не дождавшись обещанной местным руководством двухкомнатной квартиры в новостройках улицы Октябрьской, Анатолий Ильич осенью 1956 года начал строительство дома на выделенных ему горисполкомом шести сотках земли в «посёлке за стадионом» (теперь нередко называемом «посёлком у «Сотого» магазина») — дома № 4 по 1-му Лесному переулку.

Строительство было нелёгким и хлопотным (на него пошли все гонорары за изданные книги обоих писателей), но через четыре года — в октябре 1960-го новоселье состоялось. Как вспоминает соседка Нина Николаевна Лапина (в девичестве Денисова), дом их, шлакоблочный

и оштукатуренный, был выкрашен в белый цвет, с коричневыми фронтонами и с коричневыми же ставнями на окнах. Чердак-мансарда был довольно объёмным, и здесь впоследствии даже хотели оборудовать художественную студию для Гали.

Новое место жительства тоже описано в рассказах Инны Гофф: «Мы живём в маленьком посёлке между лесом, рекой и городом. Бетонированное шоссе, или попросту бетонка, отделяет город от заповедных лесов. Возле будочки ГАИ недавно поставили светофор. Всего несколько шагов на зелёный свет — и перед глазами возникает табличка: «Заказник. Хождение с ружьём и натаска собак запрещены». И уже пахнет маслятами, свежей сыростью и хвоей.

Наш посёлок лежит между светофором и лесничеством. Можно сказать и так. Он вырос после войны.

Заборы здесь низкие, редкие. Вдоль них зелёная изгородь кустов, рыжие гроздья рябин. Вишни и яблони в садах и за пределами, просто на улице.

Наш сосед — на стремянке, с солдатским котелком через плечо — обирает вишню. Ругает воришек воробьёв.

В посёлке много стариков. Они встречаются по дороге к продуктовому ларьку, обмениваются приветствиями. Хромые, кривые, однорукие — ветераны войны и труда. Ветераны жизни. Авторы этих садов, их воспитатели.

...В жаркий полдень скинет человек рубашку — и обнаружатся невзначай его шрамы».

Эти простые люди, с их непростыми судьбами и немудрящим бытом, часто становятся героями её рассказов.

Полноправной владелицей дома стала Инна Анатольевна, так как сразу после строительства родители дом подарили дочери. (После её кончины и до июня 1995 года хозяевами дома были Константин Яковлевич и дочь Галина).

Так судьба писательской семьи на четыре с лишним десятилетия пересеклась с Воскресенском.

«Каждый настоящий писатель чаще всего описывает в своих книгах наиболее запавшие ему в душу картины собственной жизни: детство, война, первая и последующая любовь и многое другое. И, конечно,

те места, с которыми так или иначе были связаны его лучшие годы... Нужно сразу сказать: это пересечение оказалось для нас, тогда молодых писателей, удачным, даже счастливым. Мало того, там, у стариков, жила до пяти лет наша дочка, и мы проводили в этом городе не меньше времени, чем в Москве. Не было ещё не только Дворца спорта, но и Дворца культуры и всего этого посёлка (улица Менделеева и прочее), не было обоих мостов, а против церкви работал перевоз. Не было кольцевой бетонки и шоссе в сторону дома отдыха, а на другом берегу простирались только поля», — читаем мы в предисловии К.Я. Ваншенкина к книге «Летом в Воскресенске», изданной в нашем городе и включившей «воскресенские» стихи его и И.А. Гофф (М., Подмосковье. 1999).

Звать переулок Лесным:
Лес возле самого дома.
Многое связано с ним,
Словно сквозь память знакомо.

Ягода в нём и грибы —
Близко. Но тянет в глубинку.
А для своей городьбы
Выкопать можно рябинку.

В полдень тепло уже в нём,
С краю, под лиственной чёлкой.
Так прогревается днём
Речка вдоль отмели жёлтой.

Но осмотрительней будь —
В сумерках к лесу нежданно
Перекрывает нам путь
Длинный шлагбаум тумана.

Ночью сгущается лес.
С тайным смотрю интересом,
Как половина небес
Скрыта чернеющим лесом.

Утром на крышах роса.
Голос несмазанных втулок.
Плавно втекает в леса
Первый Лесной переулок.

Дом под погасшей луной,
Изображая повесу,
Давней рябинкой лесной
Машет склонённому лесу.

(К. Ваншенкин. «Первый Лесной переулок»)

Константин Яковлевич подчёркивает, что, когда они оказались в Воскресенске, это как-то очень легло на сердце и необыкновенно сроднило их с городом. Он считает это настоящей удачей, так необходимой каждому творческому человеку.

Город был юным, ему исполнилось лишь 14 лет. Центральная улица — Октябрьская — только отстраивалась.

«Воскресенск — город химиков. Химии он обязан всем. Всё хорошее и плохое здесь — от неё. Наверное, хорошего всё же больше. Благодаря химкомбинату Воскресенск из села Кривякино превратился в город», — писала И.А. Гофф. «Что же было, когда мы приехали сюда? Несколько зданий из старого тёмного кирпича, закопчённые жёлтые коттеджи у станции и бараки возле химкомбината, где остро пахло сернистым газом, и воздух от окислов азота был желтоватого цвета, словно смотришь сквозь бутылочное стекло.

При южном ветре запах сернистого газа долетал и в самый город. И от него слезились глаза и першило в горле...».

Это потом Воскресенск вытянется вдоль Москвы-реки и железной дороги Москва-Рязань на 15 километров. А тогда в его черту входили пристанционный посёлок, бывшие деревни Неверово и Кривякино. Посёлок Колыберево, вобравший в себя микрорайоны «Красного строителя», Воскресенского цемзавода и завода «Гигант» присоединился к городу только через два года после описываемых событий — 15 апреля 1954 года.

Да и Воскресенский район тоже был вдвое меньше. Объединение его с Виноградовским районом произошло позднее — 1 января 1958 года.

Незадолго до приезда молодой писательской четы, 3 января 1952 года, в городе появился первый автобусный маршрут: от стадиона до станции Воскресенск, с остановками: «Школа № 4», «Площадь Советов» (у райисполкома), «Колхозный рынок», «Пожарное депо» (у химкомбината). Коломенская автоколонна № 84 тогда выделила Воскресенску пять автобусов и одно легковое такси.

Галины подружки

Жила молодая писательская семья в Воскресенске в согласии, запомнилась соседям добросердечностью и удивительной скромностью. Это обаяние простоты и душевности я ощущал и сам, когда бывал в гостях у Константина Яковлевича и Галины Константиновны в их московской квартире на Ломоносовском проспекте. Обладая уникальной памятью, хозяева живо вспоминали трогательные эпизоды их воскресенского быта, бывших своих соседей и знакомых, Галиных подружек.

Давние обитатели посёлка помнят о любви Инны Анатольевны и Константина Яковлевича к прогулкам в окрестностях города: по берегам Москвы-реки и озёр Каменного и Бездонного, по улице Маяковского в сторону Дубков и Маришкина, в ближний лес по грибы и ягоды. А ещё, как они вдвоём часто ходили на почту, что на улице Менделеева, звонить в Москву (от квартирного телефона они принципиально отказались — дабы хоть на время отключаться от столичной суеты и докучных разговоров).

Вообще-то набор развлечений в нашем городе был не так уж и велик: культмероприятия в парке и Дворце культуры, хоккейные баталии, каток на стадионе, лодочная станция на Москве-реке, кинотеатр на углу Советской и Октябрьской улиц, ну, может быть, ещё для взрослых единственный в городе ресторан, что при гостинице на Октябрьской.

Сызмальства знавшая всю округу, в дружной компании сверстников их дочь Галина тоже чувствовала себя здесь вольготно. Подружкам Гали Ваншенкиной было уютно играть в доме «дедушки Гофф и бабушки Зои». Детей здесь вообще привечали. Как рассказывает Людмила Ивановна Валова (в девичестве Корягина), до сих пор

сохранившая сердечную дружбу с Галиной Константиновной, у той всегда было много интересных игрушек, а настоящий теннисный стол в их дворе по тем временам был просто фантастикой. Скучать им не давали, для детей устраивались игры, праздники, ёлки с обязательными подарками. И потом о приезде Гали в Воскресенск родные всегда сообщали подружкам заранее.

Сошла по ступенькам она
С надкушенным белым наливом.
В саду постояла одна
В раздумии неторопливом.

Как давний притихший призыв,
Валяется крышка пенала.
Вновь в яблоко зубы вонзив,
Огрызок она попинала.

Две лужицы против окна,
И пьют воробьи, как из плошки.
Серьёзности новой полна,
Гуляет она по дорожке.

Движенья просты и легки.
Вся в солнечных бликах капризных.
Приподняты губ уголки, —
Что есть жизнелюбия признак.

(К. Ваншенкин. «Дочь»)

Галина Константиновна подарила мне на память забавные, нарисованные цветными карандашами пригласительные билеты на представление спектакля «Буратино». Зрителей приглашали к 5 часам вечера к дому № 4 (по 1-му Лесному переулку). В билете значилось: режиссёр — Котикова, постановщик — Кузьмина, художник — Ваншенкина (с личными подписями поименованных лиц). В ролях занята, естественно, вся компания.

Вспоминают подруги о серьёзном увлечении Галины рисованием. Удивительно то, что её к этому никто не понуждал. Это было от Бога. Юной художнице особенно удавались портреты. Смотришь сегодня её детские зарисовки — и так ясно угадываются характеры персонажей, всё выписано выразительно, с нюансами. Не без восхищения это подмечала и мама:

«Мы сидим на веранде друг против друга. Ты — на табуретке, у стола, я на дачном складном стуле у двери. Каждый день, в течение недели, ты говорила мне: «Мама, завтра я буду тебя рисовать».

Но всё у нас не получалось. И вот наконец мы сидим друг против друга. В руках у тебя картон с листом белой бумаги и карандаш.

Несколько секунд ты разглядываешь меня оценивающе, наклонив голову к плечу, и говоришь строго: «Так и сиди. Ясно?»

Тебе четырнадцать лет. Ты мечтаешь стать художницей. Ты уже освоила гуашь, пастель и акварельные краски. В детстве ты любила жаркие, осенние тона — красный и жёлтый. Теперь ты рисуешь городские улицы, неясно мерцающие после дождя, вытянутые вечерние тени. Этим летом ты увлеклась рисунком с натуры. Тебе позируют твои летние подруги Зина, Маня и Люся, соседка тётя Феня, у которой мы берём молоко, плотник Гаврилов. Самое поразительное для меня, не умеющей рисовать, то, что тебе удаётся добиться сходства».

Скоро новая Пасха —
Ко счастью ключи.
Умилённая паства
Печёт куличи.

Кто-то входит без стука.
Ещё в неглиже.
Шелухою от лука
Красят яйца уже.

Живописных законов
Знает Галя полно.
Тонкой кисточкой тронув
Краску, смотрит в окно.

Но едва ли с натуры,
Ибо праздник впритык,
Пишет миниатюры
На яичках крутых.

Как прозрачны пейзажи
За окном по утрам:
Две берёзки и даже
Галей созданный храм.

(К. Ваншенкин. «Перед Пасхой»)

Мечта Галины Ваншенкиной осуществилась. Она окончила Московский полиграфический институт по специальности «художник книги».

Сегодня Галина Константиновна известный график (её излюбленный жанр — офорт), главный художник издательства, участница многих художественных выставок в Москве и Санкт-Петербурге. Около сорока её работ приобрёл Государственный Русский музей (отделы «Гравюра» и «Новейшие течения»), несколько офортов находится в Гравюрном кабинете Государственного музея изобразительных искусств имени А.С. Пушкина.

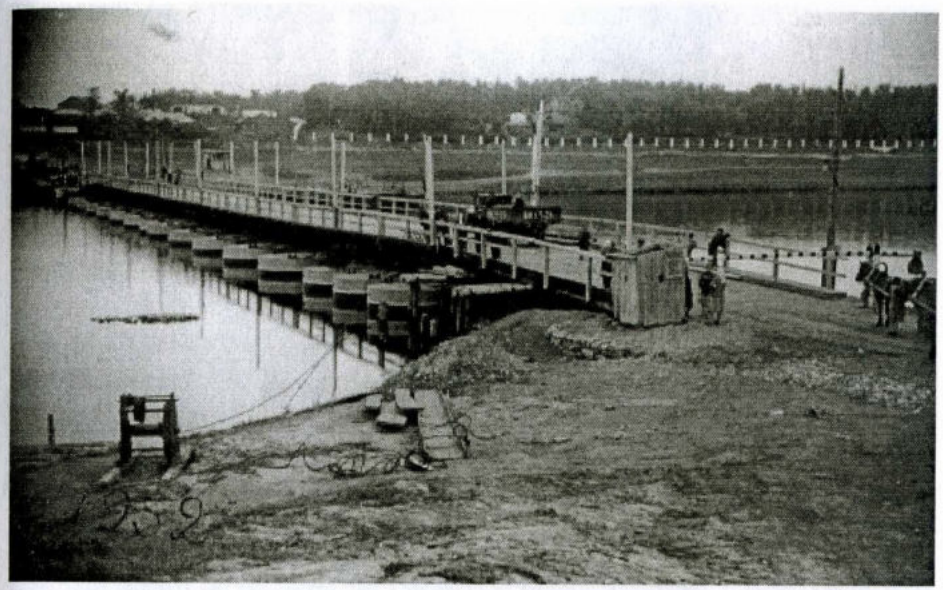
В качестве художника она оформила большинство книг родителей, а также издания многих других отечественных и зарубежных поэтов и писателей, книг по искусству и архитектуре.

В 19 лет она нарисовала портрет давнего друга семьи — Булата Шалвовича Окуджавы, который очень понравился ему. Он и сегодня висит в его в кабинете и нередко воспроизводится в различных изданиях барда. Не удивительно, что ей предложили оформить вышедшие единой серией девять томов сочинений Б.Ш. Окуджавы.

Творческие традиции семьи продолжает и внучка Екатерина, успешно занимаясь журналистикой, литературной критикой.

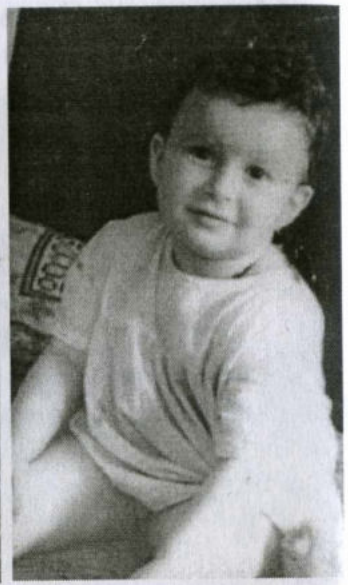
Давным-давно уже повзрослели воскресенские подружки дочери, вышли замуж, сменили девичьи фамилии — Люся Корягина, Маша Котикова, Зина Кузьмина, Лида Никольская, Лида Сорокина, Лена и Нина Денисовы, но благодаря Инне Анатольевне они до сих пор так же юны, забавны и непосредственны в рассказах «Девочки», «Рисунок карандашом» и других. И с какой же теплотой и блеском в глазах вспоминает своих воскресенских подружек Галина Константиновна!

А Нина Николаевна Лапина более десяти лет хранила в домашнем архиве неожиданно оказавшиеся у неё, забытые при отъезде детские портретные зарисовки будущей художницы, а ещё блокнот К.Я. Ваншенкина с черновиками поэмы «Сердце матери», написанной в давнем 1954-м. Не без вполне понятного сожаления она всё же решилась расстаться с этими раритетами, попросив меня передать их хозяевам. Кроме слов огромной признательности, обратно к Нине Николаевне вернулся один из её детских портретов. А у Никольских, по-соседски приглядывавших за писательским домом, ещё сохранились лыжи Инны Анатольевны.



Переправа через Москву-реку у села Новлянское. 1952 год

Воскресенск. Больничный городок. 1950-е годы

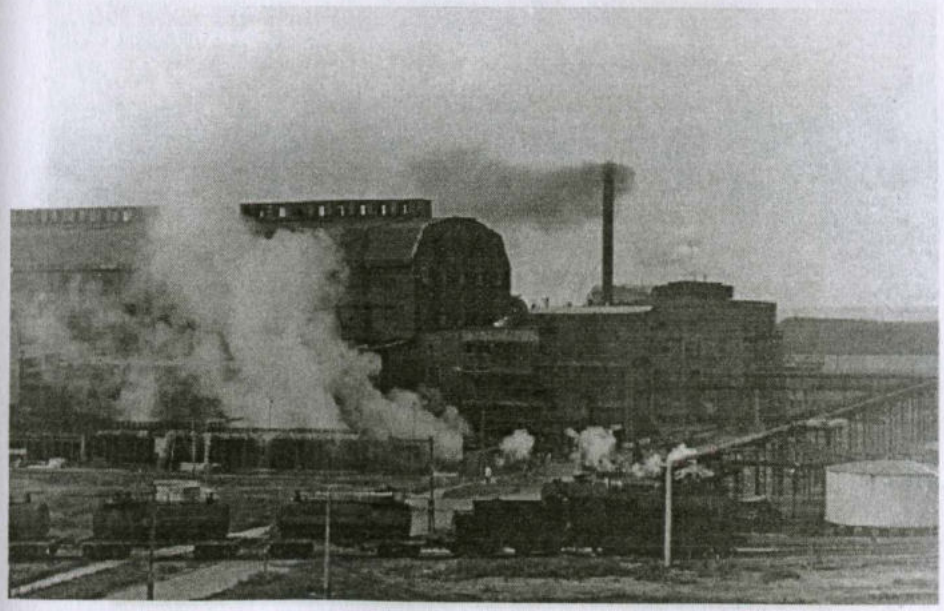


Инна Гофф и Константин Ваншенкин. 1950 г.

Галя Ваншенкина

Дети персонала Воскресенской городской больницы. 1955 г. Слева Люся Корягина, в центре Галя Ваншенкина

«Ливенская» больница. 2007 г.



Цеха Воскресенского химкомбината. 1950-е годы

К. Ваншенкин. ВДВ. 1944 г.

К. Ваншенкин. Студент Литинститута. 1950 г.

Инна Гофф. Начало 1970-х годов

К. Ваншенкин и И. Гофф на крылечке родного дома в 1-м Лесном переулке. 1974 г.

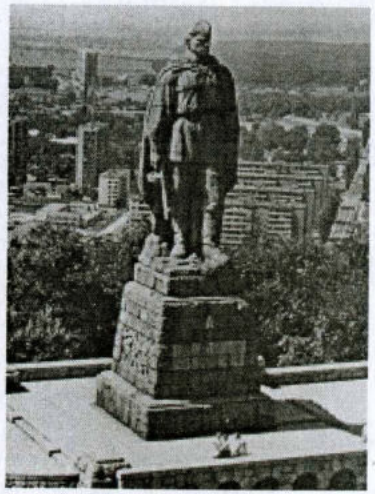
К. Ваншенкин и Ю. Гагарин. Май 1961 года

М. Бернес (второй слева) и К. Ваншенкин (справа) у солдат. 1961 г.

Я. Френкель, К. Ваншенкин, И. Гофф. 1964 г.

Я. Френкель и К. Ваншенкин. 1964 г.

К. Ваншенкин и Э. Колмановский. 1973 г.



Болгария. Памятник советским воинам «Алёша» в г. Пловдиве

Б. Окуджава. Рисунок Г. Ваншенкиной. 1969 г.

К Ваншенкин, И. Гофф, капитан теплохода «Грузия» А. Гарагуля, Б. Окуджава, В. Аксёнов. 1968 г.

К Ваншенкин, И. Гофф, Б. Окуджава, А. Гарагуля

Е.М. Винокуров

М.К. Агашина

В. Астафьев, А. Михайлов, К. Ваншенкин. 1988 г.

«Лишь одна дорога — литература...»

Общавшиеся с Инной Анатольевной Гофф с удивлением отмечали у неё достаточно редко совместимые качества: прекрасного рассказчика и слушателя. А ещё её тактичность, интеллигентность и, несомненно, что очень важно, — художественный вкус.

Инна Анатольевна родилась 24 октября 1928 года в Харькове (бывшем с 1918 по 1934 год столицей советской Украины).

Как известно, предвоенное, военное, да и последующее время лёгким отнюдь не было. Она много повидала и пережила. Страшенный голодомор 1932-33 годов, военное лихолетье, людские боль и страдания, «теплушки», бараки, неустроенность, карточки... Жизненные испытания кого-то могут надломить, а кому-то, как ей, дать богатую творческую энергию, глубокое понимание самоценности и неповторимости каждого человека, умение распознать истинное и фальшь.

Накануне Великой Отечественной войны Инна только что окончила шестой класс школы. 22 июля 1941 года начались бомбардировки Харькова немецкой авиацией. Семья была эвакуирована в далёкий сибирский город Томск. Там, продолжая учиться в школе № 6, совсем юная Инна одновременно работала нянечкой, позже библиотекарем в эвакогоспитале.

Писала стихи. В 1945 году Инна послала рукопись на творческий конкурс в Литературный институт имени М. Горького и была туда принята. Успешно занималась в семинаре поэта Михаила Аркадьевича Светлова и вдруг неожиданно для всех ушла в прозу, в семинар Константина Георгиевича Паустовского. Однако стихи изредка писала — для себя.

Её одногруппник по Литинституту, известный литературовед и критик Андрей Михайлович Турков вспоминает: «Украшением курса были две «пичужки». Такие разные — одна побойчее, другая позастенчивее, очень быстро сдружившиеся. Это были Инна Гофф и Рита Агашина. Очень весёлые, очень певучие. Они сами придумывали песни на всякие институтские сюжеты. Инна была поразительно любопытна к людям, жадно любопытна. И в то же время её любопытство было сопряжено с некоторой укоризненностью к нам, современникам. Она говорила: «Мы видим друг друга каждый день. Но почему мы

так редко видим друг друга?». И действительно, повседневное, что называется холодноватым словом — общение, зачастую никуда не проникает даже. А ей общение было интересным. Наверное, это было у неё каким-то образом наследственным — от отца. Ведь доктор — это тоже профессия «человековеда».

В 1949 году, когда К.Г. Паустовский взял продолжительный отпуск, семинар стал вести Валентин Петрович Катаев. Инна Анатольевна вспоминала, как 4 ноября 1949 года в актовом зале Литинститута на открытом заседании семинара под руководством В.П. Катаева проходило обсуждение её первой (и единственной) детской повести "Я — тайга". В 1950 году повесть вышла отдельной книгой в «Детгизе» и в том же году на I Всесоюзном конкурсе на лучшую книгу для детей получила премию. О большом успехе молодой писательницы можно судить по тому, что одновременно с ней премии были присуждены уже признанным мэтрам советской детской литературы Сергею Владимировичу Михалкову и Льву Абрамовичу Кассилю.

В.П. Катаев рекомендовал И.А. Гофф в Союз писателей СССР: «...молодая писательница вполне оправдала надежды, которые на неё возлагал институт. Лично я считаю Инну Гофф вполне сложившимся писателем, для которого есть в жизни лишь одна дорога — литература».

Повести о городе химиков

Следующая книга Инны Гофф — «Биение сердца» (1955) — построена на личном опыте писательницы. В ней рассказывается о рождении ребёнка, сюжет завязан вокруг родильного дома. С героями повести мы сопереживаем непростые человеческие взаимоотношения, любовные коллизии, размышления о профессиональном долге. Книга имела немалый успех, была переведена на многие иностранные языки. В описании города Апрельска воскресенцы легко узнают свой город: здесь и химкомбинат, и железнодорожная станция, и больничный городок, и новостройки тех лет, и Кривякино. Скорее всего, и зарисовки с натуры наших земляков.

Название города в повести тоже ведь появилось не случайно. Не берусь утверждать категорически, но, как мне кажется, здесь лежит

очевидная аналогия: Воскресенск получил своё имя по светлому Воскресению Христову, а праздник Воскресения — Пасха отмечается чаще всего именно в апреле.

Став в 1955 году главным редактором основанного им молодёжного журнала «Юность», Валентин Катаев пригласил Инну Гофф к сотрудничеству в новом издании и предложил написать повесть «о молодом рабочем классе».

«Я жила под Москвой, в городе химиков. И я написала о химиках. В ту пору нас ещё не волновали нитраты и пестициды. Но, живя в Воскресенске, я вдоволь наглоталась сернистого газа, и мои герои, хорошие советские люди, уже тогда боролись с загрязнением воздуха. Но вот в чём беда! Боролись они на страницах моей повести, а в жизни лишь собирались бороться», — читаем мы в последней, вышедшей в 1993 году, уже после кончины автора, книге «На белом фоне».

Чтобы войти в тему изнутри, она каждый день в суконной спецовке «бодро вышагивала по гудку в ногу с первой сменой, проделывая путь в четыре километра. ...По плиточному тротуару, под молодыми ещё тополями, мимо базара, туда, где над трубой вился лисий хвост жёлтого дыма и валил белый пар из труб заводских цехов». Через два месяца новенькая спецовка уже была прожжена в нескольких местах и порыжела.

В этой повести, получившей «химическое» название «Точка кипения», воскресенские реалии видны уже воочию, хотя и назван город Ратмирово — по имени расположенной на противоположном берегу Москвы-реки деревни, а центральная улица Октябрьская — Ленинской:

«Город Ратмирово стоит у излучины реки. От площадки химкомбината, где ещё доживают свой век приземистые бараки — первые разведчики будущего города, — до нового Дворца культуры, завершающего ансамбль главной, Ленинской улицы, километра четыре. Сюда, на Ленинскую, и в дома, расположенные вблизи неё, переселяются последние жители бараков.

Всего четыре километра, а кажется, что попал на другой край земли.

Около комбината голо. На триста метров вокруг не встретишь деревца. Даже трава желтеет и блёкнет от вредоносного сернистого газа.

В городе же в летнюю пору весело зеленеют улицы, шелестят листвой берёзы и тополя в старинном парке, тянет запахом нагретой сосны и зреющей земляники из ближнего леса.

Как и все города, Ратмирово имеет свою биографию.

...Если бы Ратмирову пришлось заполнять анкету, она выглядела бы примерно так: «Город Ратмирово, место рождения — Московская область, год рождения — 1938, национальность — русский, происхождение — из крестьян, социальное положение — рабочий».

Жители Ратмирова хорошо знали историю своего города и охотно знакомили с ней приезжих. Они с удовольствием рассказывали, что в одном из ближних сёл родился князь Пожарский, что на том берегу реки была усадьба писателя Лажечникова, автора «Ледяного дома», — этим гордились все, даже те, кто не читал его книги, — а старинный парк и барский дом с колоннами принадлежали княгине Ливен. Впрочем, собственность княгини выходила далеко за пределы парка. В сёлах, лежавших вокруг, жили её крепостные (*Конечно, историческая княгиня А.П. Ливен, владея усадьбой с 1878 года, крепостных иметь не могла — крепостное право было отменено за семнадцать лет до того.* — **В.Л.**). Говорят, что княгиня была либералка. В больничном городке до сих пор сохранился маленький, в шесть окон, домик — больница, построенная княгиней для своих крестьян. Сейчас в этом домике живёт больничная сторожиха тётя Катя с тремя детьми.

Женя Акулов (*Один из героев повести.* — **В.Л.**) любил представлять себе, как, волоча по пустынным аллеям длинные, пышные юбки, княгиня гуляла по парку. Она казалась ему старухой — ведь всё это было так давно. Вот она медленно и важно движется по аллее, остановилась, тычет палочкой в сухие, прошлогодние листья. В парке тишина, только щёлкают соловьи да в церквушке за рекой звонит колокол ко всенощной...».

Как видим, здесь и марчуговская вотчина князей Пожарских, и усадьба Красное сельцо второй половины XVIII века с городским парком, и сохранившееся с 1891 года здание земской больницы, где ныне расположилась городская станция переливания крови. Узнаваемы и персонажи, имевшие реальные прототипы. Например, директор химкомбината Николай Иванович Докторов (по повести — Андрей Иванович Туторский).

Таким образом Инна Гофф впервые ввела город Воскресенск в российскую художественную литературу.

В.П. Катаеву повесть понравилась, её напечатали в двух номерах «Юности», с цветными иллюстрациями. А Инна Анатольевна написанным была не очень довольна. В «Знакомых деревьях» она так подытожила этот опыт «изучения жизни с блокнотом в руке»:

«С тех пор я никогда не писала по заданию.

Изучила ли я тогда жизнь? Нет. Я только подучила химию. Надышалась окислами азота, наглоталась фосфоритной пыли. Прониклась уважением к людям в чёрных, похожих на матросские бушлаты, спецовках.

И за всё это я благодарна той самой книге».

Вскоре вышла её новая книга, вызвавшая большой интерес, поток писем, дискуссии, — «Поэтом можешь ты не быть...» — о Литинституте, о мучительных поисках молодым человеком места в жизни.

Воскресенский литературный кружок

Живя в Воскресенске, набирающие известность писатели не только не стремились, а даже избегали какой-то публичности. Жили, ничуть не выделяясь и не подчёркивая своих основных занятий. О них знали только ближайшие соседи, а открытость, конечно, могла бы создать некоторые неудобства. Константин Яковлевич вспоминает, как однажды к нему приехал секретарь райкома партии с приглашением поучаствовать в слёте доярок — эдаким «свадебным генералом». И с трудом удалось, не обидев гостя, уклониться от этой роли, объяснив по-житейски причину, что даже обыкновенная покупка в магазине бутылки пива может потом стать предметом досужих пересудов: «Смотри-смотри, вон наш поэт с пивом пошёл». Городок небольшой, все друг друга знают. И по-простому «укорениться» в его обыденной жизни всё-таки для писателя профессионально важнее.

И всё же Инна Анатольевна в силу своего общительного характера с интересом стала участвовать в общественной жизни города. Она приняла Воскресенск очень близко к сердцу, он стал частью её жизни.

Одно время вела литературный кружок при редакции районной газеты «Коммунист», помещавшейся тогда на первом этаже здания райисполкома (сейчас это дом № 8 по улице Советской).

В газете за 31 октября 1952 года читаем заметку «Занятие литгруппы»:

«Состоялось занятие литературной группы, созданной при редакции газеты «Коммунист».

Молодая писательница Инна Гофф коротко рассказала присутствующим о новинках советской художественной литературы, о своей творческой работе.

Члены литературной группы тт. Постников, Синигин, Гудков, Филатов и ряд других говорили о том, что они написали и над чем сейчас работают.

Следующее очередное занятие литературной группы состоится в редакции 1 ноября в 6 часов вечера».

Об этой своей общественной деятельности И.А. Гофф потом живописала в рассказе «Жил в России поэт», главным героем которого стал местный самородок-стихотворец Михаил Петрович Постников, чьи, на первый взгляд наивные, но, по сути, мудрые (а в отношении него и вовсе пророческие) строки стали эпиграфом:

Для чего тебе стихи? —
Спрашивают дети.
По чему же будут знать, —
Жил ли я на свете?..

«Как-то мне довелось вести литературный кружок. Я жила в небольшом подмосковном городе. К нему скорей подходило старое сельское его название — Кривякино. В ту пору из печати вышла моя первая книга. Каким-то образом в редакции районной газеты узнали об этом и попросили меня помочь начинающим литераторам. Мне было двадцать четыре года, и предложение показалось лестным. Я согласилась. Мой собственный литературный опыт был невелик, но в памяти еще свежи были советы и наставления мастеров литературы, чьи семинары я исправно посещала в годы студенчества. Этой чужой мудростью я и хотела поделиться с начинающими (*Лауреат Всероссийского литературного конкурса, конечно же, скромничает, говоря о своём малом опыте и чужой мудрости.* — **В.Л.**).

Первое заседание кружка состоялось в очередную субботу. Редактор газеты (*Фёдор Акимович Холодов.* — **В.Л.**) представил меня собравшимся. Я огляделась.

Увидела мальчишку в форме ученика ремесленного училища.

Увидела высокого худощавого человека и узнала в нём завуча школы. Он жил по соседству с нами, и я слышала, что он преподаёт литературу. Но я не знала, что сам он пишет. Перед ним лежала толстая папка. Проза!..

Увидела парня с продолговатым лицом и большими рабочими руками. В руках он смущенно вертел свёрнутый в трубку листок. Стихи!..

Увидела старика в защитной гимнастерке, седоголового, с аккуратной седой бородой. На столе перед ним ничего не лежало, и я решила, что старик просто зашёл на огонёк, может быть, он здешний сторож (*Это и был М.П. Постников, действительно работавший тогда сторожем горвоенкомата.* — **В.Л.**).

Всего собралось человек десять».

Если в целом говорить о материалах, публиковавшихся в те годы в районной газете, то в основной массе своей они носили характер сводок о битве за урожай, за выполнение производственных планов и соцобязательств, отчетов с партийно-хозяйственных собраний. А самыми «живыми» были, пожалуй, многочисленные фельетоны, бичующие нерадивость, равнодушие и злоупотребления руководителей различного уровня и рядовых работников.

Небольшая статья Инны Гофф «Юные читатели», опубликованная 22 октября 1952 года, если можно так выразиться, несколько диссонирует с другими материалами своим неказённым, литературным русским языком (и это наверняка после неминуемых в то время «горячего набора» редакторских сокращений и правок). Инна Анатольевна писала о еженедельном детском дне в библиотеке химкомбината. В те годы библиотека находилась в доме № 15/11 по улице Октябрьской, а заведовала ею Мария Александровна Тихонова. Может быть, сегодняшним внукам героев заметки будет любопытно прочитать некоторые строки о давних увлечениях своих родных:

«В библиотеке, пожалуй, это самый шумный, самый людный день. Юные читатели сидят за большим столом. Идёт разговор о том, какие книги нравятся им больше всего.

— Я люблю сказки, — говорит Олег Штукатуров, ученик 3-го класса 2-ой школы. Сказки любит не только Олег, но и четвероклассники —

Вова Гостев, Коля Корнев, ученица пятого класса 1-ой школы Галя Елшанкина. И это естественно. Из любви к сказкам, из мечты человеческой о счастливой доле родилась большая мечта о счастье всего человечества. Из мечты о волшебных крыльях, о ковре-самолёте родилась мысль о создании первого летательного аппарата. В сказках — народная мудрость, прекрасная народная речь, глубокий сердечный смысл. В сказках няни черпал поэзию Пушкин, на сказках бабушки вырос Алексей Максимович Горький.

— А ещё я люблю читать о наших героях, о том, как они храбро сражались и побеждали, — говорит Вова Гостев. В руках у него рассказы о Чапаеве. У Раи Неверовой — книга Ивана Кожедуба. О героях! Кто не любит читать о героях!.. Читаешь и местами дух захватывает, а местами зависть берёт. Думаешь, а придётся ли мне когда-нибудь на деле доказать свою преданность родной отчизне? И каждый верит — в мирном труде, а если придётся — и в жарком бою докажет он, что не зря так бережно и любовно растила, воспитывала его родная страна. Черноглазая Маша Сказкина прочитала «Повесть о сыне» Кошевой».

Бывала она, естественно, не только на химкомбинате, в молодёжном общежитии или в библиотеке. Старейший воскресенский учитель Евдокия Михайловна Максимова, например, вспоминает, как Инна Анатольевна однажды попросила разрешения посидеть на её уроке математики в выпускном десятом классе школы № 1 (тогда школа находилась на улице Советской в здании, где ныне Воскресенский институт туризма). А потом ещё на перемене долго разговаривала и шутила с ребятами.

И хотя в связи с занятостью и частыми отлучками в столицу Инна Анатольевна вскоре уже не смогла вести занятия с литераторами, дружба её с газетчиками продолжалась. Она изредка заходила в редакцию «районки». Воскресенские журналисты тоже иногда заглядывали в гости. Например, бывал колоритнейший Сергей Михайлович Кристи (1922-1986), обнаруживший общих московских знакомых (его отец Михаил Петрович в 1928-1937 гг. был директором Государственной Третьяковской галереи, а старший брат Леонид Михайлович — известный кинорежиссёр, получивший в 1980 году высокую Ленинскую премию за документальный фильм «Великая Отечественная»).

К слову замечу, что Сергей Михайлович Кристи тоже не был чужд поэтическому творчеству. В студенческие семидесятые годы мы часто слушали и пели «народные вагонные» баллады: «Благодаря Шекспиру я потерял квартиру...» («о коварстве и любви»), «Жил-был великий писатель...» («о графе Толстом — мужике непростом»), «Я был батальонный разведчик, а он — писаришка штабной...». И уже совсем недавно я узнал, что они были написаны лет за двадцать до того молодым Сергеем Кристи в соавторстве с Алексеем Охрименко и Владимиром Шрейбергом. В 1970-80-е годы довелось близко общаться с Сергеем Михайловичем в бытность его работы ответственным секретарём редакции районной газеты «Коммунист», но этот немного вальяжный, всегда ироничный интеллигент с пышным ореолом седых волос никогда даже не обмолвился о своей причастности к авторской песне.

«Здесь отчизна моя...»

В прозе и поэзии Инны Анатольевны Гофф ярко проявляется её жизнелюбивый характер. В них ощущаются необычность, непосредственность взгляда, неподдельный интерес, чувство юмора.

В 1960 году вышла повесть Инны Гофф «Северный сон». К.Г. Паустовский так отозвался о ней: «Дорогая Инна Анатольевна (мне всё хочется написать «Дорогая Гофф», как я звал Вас в Институте), — получил Ваш «Северный сон» (хорошее название) и прочёл его, не отрываясь. Читал и радовался за Вас, за подлинное Ваше мастерство, лаконичность, точный и тонкий рисунок вещи, особенно психологический, и за подтекст. Печаль этого рассказа так же прекрасна, как и печаль чеховской «Дамы с собачкой». Поздравляю Вас, и если правда, что хотя бы в ничтожной доле я был Вашим учителем, то могу поздравить и себя с такой ученицей».

В 1985 году в предисловии к однотомнику «Избранного» И.А. Гофф написала: «*Вы давно доросли до романа*», — сказала мне когда-то Вера Фёдоровна Панова. Я считаю, что после своих более крупных вещей доросла до рассказа».

Собственно, роман у неё тоже есть, это «Телефон звонит по ночам» (1963) — книга о любви.

Однако излюбленными жанрами стали рассказ и повесть, причём границы между ними были иногда условными (цикл «Очередь за керосином», повести «Юноша с перчаткой», «Советы ближних»). Это вещи о нелёгких годах военного тыла, госпитальных сёстрах, проводах на фронт, письмах, надеждах, горестях. О наивном детстве, о разнообразных человеческих отношениях и, прежде всего, о любви. Её книги заполнены живыми характерами. Особенно женскими. «Кажется, про своих героинь она знает всё до мельчайших психологических деталей, до мгновенных переливов их настроения, до самых тонких оттенков их напряжённого эмоционального мира», — подметил известный литературный критик Евгений Юрьевич Сидоров (бывший ректор Литературного института им. Горького, в 1992-97 гг. министр культуры России, а затем Чрезвычайный и Полномочный посол — Постоянный Представитель Российской Федерации при ЮНЕСКО).

Вот, например, строки Инны Анатольевны о женщинах Воскресенска:

«Не знаю, все ли женщины в нём красивы, но красивых много. Закаты над рекой, старые аллеи в парке, игра света на лесных просеках и дальнее покатое поле — всё, что окружает от рождения, формирует наш характер. Характер и внешность связаны неразрывно. Облик воскресенской женщины — мягкий, спокойный, немногословный. Задумчивость природы сообщилась ей и стала её природой. В то же время характер сильный, независимый. И своеобразная, — что тоже есть в воскресенской природе, красота, где сквозь славянские черты проглядывает что-то иное, словно воспоминание о какой-то иной красоте.

Чёрные глаза и широкие скулы и сейчас не редкость у воскресенских красавиц, предки которых воевали на этих полях с ханом Батыем и ханом Мамаем, а отвоевав, роднились с воинственными соседями.

Село Сабурово Воскресенского района принадлежало боярскому роду Сабуровых, потомков татарского мурзы Четы. Дочь одного из Сабуровых, Соломония, была выбрана в жёны царю Василию Третьему из полутора тысяч красивейших девушек государства Российского».

У Инны Гофф была вообще удивительная способность подмечать особенности, характеры людей, их взаимоотношения. Согласитесь, насколько верно в своей афористичности её четверостишие:

Храни вас Бог от женственных мужчин,
От их капризов, взглядов их надменных,
Угроз самоубийства непременных
И долгого молчанья без причин.

Или вот такие строки:

Его в толпе я встретила случайно.
Он мне сказал: — Ты та же, что была!..
Есть у любви оптическая тайна,
Её не опровергнут зеркала.

Инна Анатольевна умела привлечь в свою работу документ, оживить его, превратив в основу художественной ткани. Подтверждением может служить цикл «Рассказы-исследования». Первый же рассказ «Вчера он был у нас», посвящённый известной народной просветительнице Христине Даниловне Алчевской, показывает творческий принцип И.А. Гофф в жанре документального исследования. Ей непосредственно в руки попал оригинал неизвестного письма Х.Д. Алчевской о встрече с Антоном Павловичем Чеховым в 1890 году в Ялте, что и послужило толчком к написанию рассказа. Любопытно, что мать писательницы — Зоя Павловна, будучи шестнадцатилетней слушательницей Высших женских курсов, преподавала в Харькове в воскресной женской школе, созданной и руководимой Х.Д. Алчевской.

Инна Гофф сделала также некоторые литературоведческие открытия, исследуя взаимоотношения А.П. Чехова и писательницы Лидии Алексеевны Авиловой, о чём поведала в рассказах «Цветы девицы Флоры», «Переполненная чаша», «Двух голосов перекличка».

Она автор изящной, элитарной прозы, мемуаров. Цикл «Рассказы-путешествия»: «Как одеты гондольеры» (об Италии), «На семи мостах» (о Карелии), упоминавшиеся уже «Знакомые деревья» (о Воскресенском районе и Подмосковье) — это не путевые очерки, в повествованиях очень много личного, освещённого изнутри не только знанием предмета, но и глубоко человечной манерой письма.

«Она не сразу набрала свою истинную силу. Пожалуй, это ощутилось в Воскресенске, куда мы перебрались вслед за её родителями и нашей дочкой... Обширный старинный парк, в нём роскошный барский дом с колоннами, откуда, через балкон, бежал на войну с французами юный Иван Лажечников, в дальнейшем автор «Ледяного дома». Дворянский саженый лес и тоже сохранившееся имение Смирновой-Россет, у которой гостил две недели и купался в Москве-реке Гоголь. Сейчас по этой же реке плыли с музыкой пассажирские теплоходы, а вдали, над комбинатской трубой, постоянно тянулся жёлтый ядовитый выброс окислов азота — в просторечии «лисий хвост».

Инна написала здесь несколько лучших своих книг и среди них напрямую связанные с этими прекрасными местами — «Поющие за столом» и «Знакомые деревья», — рассказывает К.Я. Ваншенкин («Ты шла со мной при свете дня»).

В этих прекрасных книгах, особенно во второй, повествуется об истории нашего края, о первом воскресенском краеведе-летописце Георгии Емельяновиче Юричеве, о директоре химкомбината Николае Ивановиче Докторове, о воскресенском лесничем Павле Яковлевиче Ямашеве, об учителе Якове Николаевиче Покровском.

Милые сердцам воскресенцев уголки города и его обитатели также дышат со страниц её рассказов «Девочки», «Касаткины», «Запах смородины», «Рисунок карандашом»... И даже в таком полном драматизма рассказе, как «Есть что вспомнить».

Она полюбила Воскресенск, ощутила своим, считала его второй (после покинутого во время войны Харькова) малой родиной.

Константин Яковлевич Ваншенкин поведал историю о том, как в 1976 году некое смятение среди советских военачальников вызвала напечатанная в журнале «Юность» повесть И.А. Гофф «Советы ближних»: «Один из героев — только что отслуживший в армии. Дембель-75. И цитируется его т.н. «дембельский альбом», все эти армейские сентенции: «Год отслужил — и ты уже Шнурок, Черпак, Фазан». Затем — «Старик». И наконец: «Ура! Я Дед авиации. Нижняя койка, уважение и почёт»... Разумеется, она это всё не придумала, а позаимствовала из «дембельского альбома» сына приятельницы. Всего-навсего! Ничего больше на эту тему там не было. О «дедовщине» никто ещё не слыхал, но, вероятно, она уже зарождалась.

И тут главнокомандующий Ракетными войсками стратегического назначения первый замминистра обороны В.Ф. Толубко присылает Полевому письмо, начинающееся словами (после «Уважаемый Б.Н.»): «Редакция журнала «Юность» совершила непоправимую ошибку...».

В этих войсках, видимо, привычно практиковалось такое пугающее выражение: «непоправимая ошибка»!.. Как в том анекдоте — старшина наставляет дневального: будь внимательней, а то вчера Петров заснул, прислонился к пульту, утром смотрим — Бельгии нет...

Полевой был в отъезде. А. Дементьев разволновался и расстроился. Его можно было понять, он знал, чем такое кончается, — примеры имелись. Я стал его утешать: «Не бойся! Про меня Калашник (зам. начальника ГЛАВПУРа) не то ещё писал (*ГЛАВПУР — Главное политическое управление Советской Армии и Военно-Морского Флота, руководившее партийно-политической работой в Вооружённых Силах СССР.* — **В.Л.**). А помнишь, как у Пушкина: «Толубко дряхлая моя»?..» Но ему было не до шуток. Андрюша бормотал: «Он — первый зам, я — первый зам...».

Хорошо, вскоре вернулся Полевой и продиктовал ответ: «Уважаемый Владимир Фёдорович! В письме, подписанном Вами...». И ещё там было про грубый окрик грибоедовского персонажа. Полевой умел вести себя в подобных случаях. Дальнейших действий с обратной стороны не последовало. (*Пройдёт всего шесть лет и появится секретный приказ Министра обороны СССР Д.Ф. Устинова № 0100, предписывающий борьбу с неуставными отношениями военнослужащих.* — **В.Л.**).

Инна отнеслась к этой истории совершенно хладнокровно».

Какие мы гусары?
Иная нынче рать.
В прапрадедовы сабли
Негоже нам играть.

Живём в крутое время
Не лучшей из эпох.
В прапрадедово стремя
Не лезет наш сапог.

(И. Гофф)

В книге о своей жизни "Превращения" (1983) Инна Анатольевна в деталях вспоминает современников, с которыми ей довелось общаться: Александра Твардовского, Михаила Светлова, Алексея Фатьянова, Марка Бернеса...

Со страниц её книги (увы, посмертной) «На белом фоне» (1993) встают Валентин Катаев, Юрий Олеша, Виктор Некрасов, Евгения Гинзбург, Виктор Шкловский, Булат Окуджава, Владимир Высоцкий, Юрий Трифонов...

В журнале «Октябрь» и «Литературной газете» (1996), в книге «Личная жизнь» (2006) опубликованы афористически меткие записи и наблюдения И.А. Гофф.

«Я твой тонкий колосок...»

Своя удивительная судьба у стихов Инны Анатольевны Гофф.

И «виновники» этого друзья её мужа К.Я. Ваншенкина — Марк Бернес, Ян Френкель, Эдуард Колмановский.

Константин Яковлевич вспоминает: «...Инна начинала со стихов и через годы они ей откликнулись. Да ещё как! Она продолжала изредка писать их «для себя» и напевать на собственные доморощенные мотивчики. Первым обратил на это внимание Ян. Как-то, сидя у нас, он вдруг спросил: «Инна, что вы там поёте?» Она объяснила. Он попросил переписать слова. Появилась песня (или романс) «Август». Помните? — «Скоро осень, за окнами август...». Распространение было стремительным. Исполнители нашлись не только у нас, но и во Франции, Японии, Болгарии... Тогда попросил написать песню для него и Марк — о любви. Она сочинила «Когда разлюбишь ты». Он одобрил, записал, начал исполнять, но вскоре понял, что это всё-таки женская песня. И действительно, её долго и постоянно пела потом Кристалинская. А Инна написала для Бернеса слова песни «Я улыбаюсь тебе» (муз. Колмановского), и он включал её в свои концерты вплоть до конца.

Это особый дар. У неё есть ещё несколько удивительных песен: «И меня пожалей», «Снова ветка качнулась» (обе записала Анна Герман), другие.

И, конечно, «Русское поле». Волшебное соединение двух обычных слов, давшее эффект огромной эмоциональной силы. Бесспорно, эта песня уже растворена в народном сознании. Один читатель сострил: «Эта штука сильнее, чем «Русский лес» Гёте»... Но есть и вполне

серьёзные отзывы: «Это лучшая песня о родине. Я бы предложил сделать её Государственным гимном России. Но вот беда: в ней нет демагогической высокопарности, столь милой официальным структурам», — писал Расул Гамзатов».

В том же духе выразился и композитор Родион Щедрин: «Русское поле» — музыкальный символ отчизны нашей». Безусловно, в том великая заслуга и соавтора — композитора Яна Френкеля.

Поле,
Русское поле...
Светит луна или падает снег —
Счастьем и болью
Вместе с тобою.
Нет, не забыть тебя сердцу вовек!

Русское поле,
Русское поле...
Сколько дорог прошагать мне пришлось!
Ты моя юность,
Ты моя воля,
То, что сбылось, то, что в жизни сбылось.

Не сравнятся с тобой
Ни леса, ни моря.
Ты со мной, моё поле,
Студит ветер висок.
Здесь отчизна моя,
И скажу, не тая:
— Здравствуй, русское поле,
Я твой тонкий колосок.

Поле,
Русское поле...
Пусть я давно человек городской,
Запах полыни,
Вешние ливни
Вдруг обожгут меня прежней тоской.

Русское поле,
Русское поле...
Я, как и ты, ожиданьем живу,
Верю молчанью,
Как обещанью,
Пасмурным днём вижу я синеву.

Не сравнятся с тобой
Ни леса, ни моря.
Ты со мной, моё поле,
Студит ветер висок.
Здесь отчизна моя,
И скажу, не тая:
— Здравствуй, русское поле,
Я твой тонкий колосок.

Предметом гордости воскресенцев является то, что вот эти совершенно дивные строки написаны Инной Анатольевной в нашем городе.

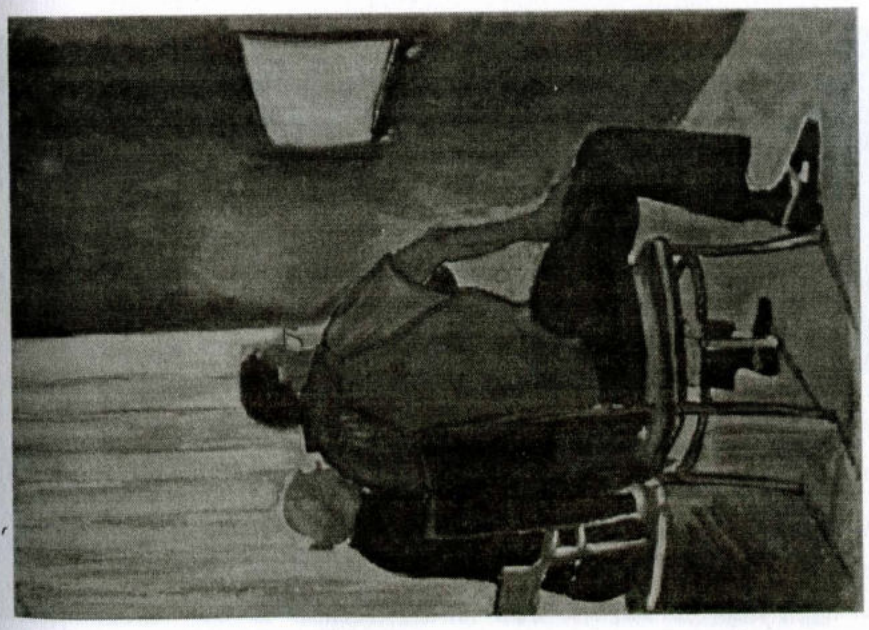
Понимая всю условность образа, я, тем не менее, с провинциальной наивностью «кулика, своё болото хвалящего», однажды спросил Константина Яковлевича о «географическом местоположении» «Русского поля» и был вознаграждён подтверждением: Инну Анатольевну просто завораживали заречные нивы и просторы между старинными сёлами Новлянское и Константиново с нитью дальней дороги Ратмирово — Марчуги. Потом она сожалела, что с развитием города была утрачена их естественная прелесть.

Описание этих мест мы встречаем и в «Знакомых деревьях»: «Село (*Константиново.* — **В.Л.**) стоит среди полей. Когда поспевают хлеба, поля меняют цвет, становятся золотыми. За полями по горизонту ниткой тянется шоссе с телеграфными столбами и игрушечными издалека автомобилями. Цела и церковь. Круглая, с колоннадой, построенная в стиле барокко. Купы деревьев скрывают от глаз колокольню, и с нашего берега она выглядит ротондой. За ней, как во времена Гоголя, садится на закате багровое солнце».

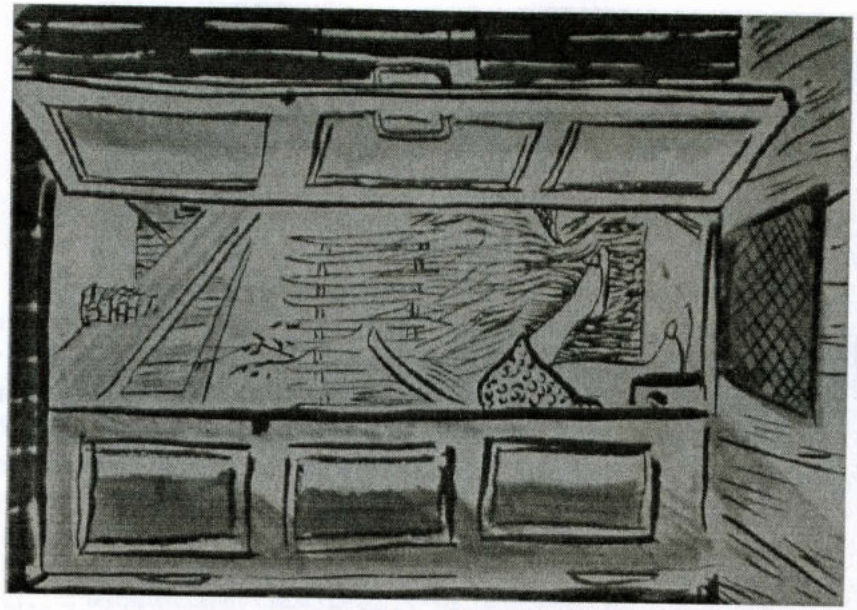
Николая Васильевича Гоголя она поминает в связи тем, что тот за век до неё тоже любовался заречными видами на Константиново и даже неоднократно посещал его Троицкий (Успенский) храм, когда в 1851 году гостил у Александры Осиповны Смирновой-Россет в имении Спасское, что буквально в несколько минутах ходьбы от 1-го Лесного переулка.

Быть может, любопытна будет и идиллическая картина окрестностей, нарисованная Александрой Осиповной в письме-приглашении писателю: «Вас привезут ко мне в 70 вёрст от Москвы в такую мирную глушь, в такие бесконечные поля, где кроме миллионов сенных скирд, песни жаворонка и деревенской церкви вы ничего не увидите и не услышите».

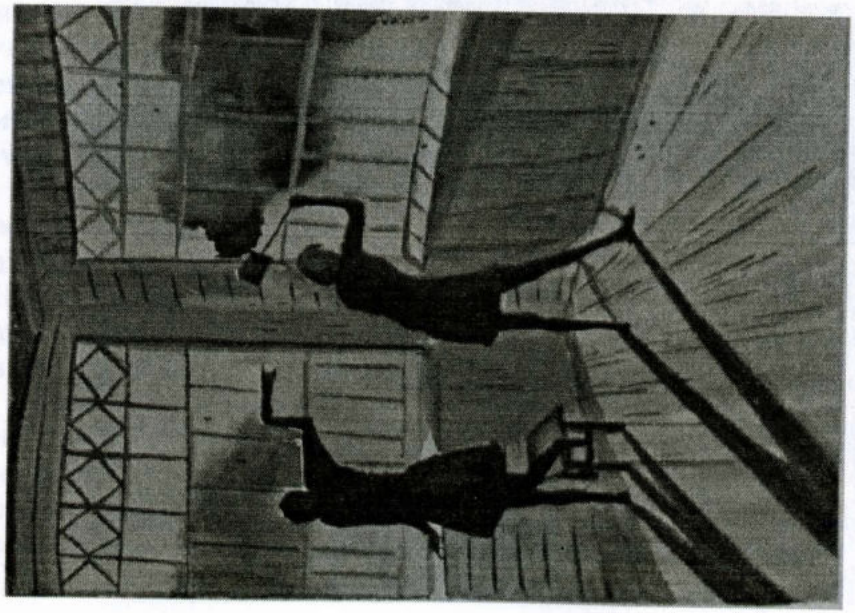
Г. Ваниенкина. Дед. 1965. Тушь. 40,5x28,7



Г. Ваниенкина. Бабушка и дедушка. 1964. Гуашь. 40,5x28,7



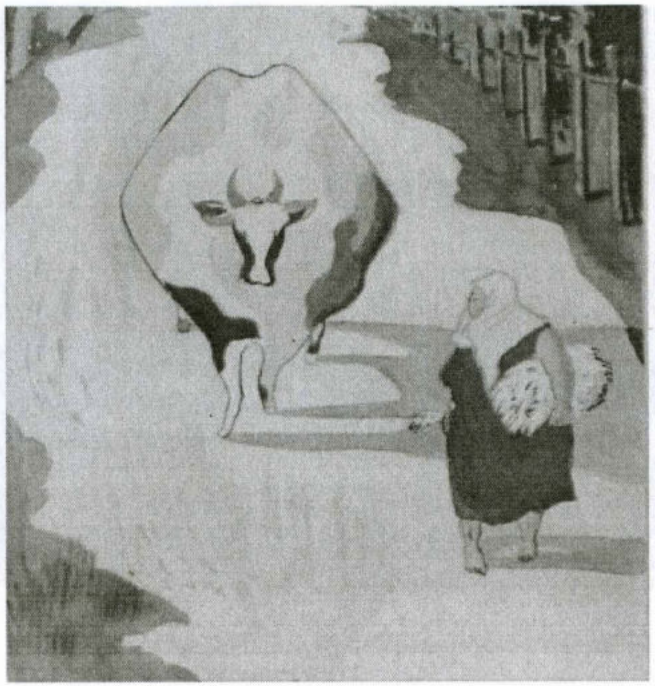
Г. Ванюшенкина. На крыльце. 1964. Тушь, кисть. 40,5x28,7



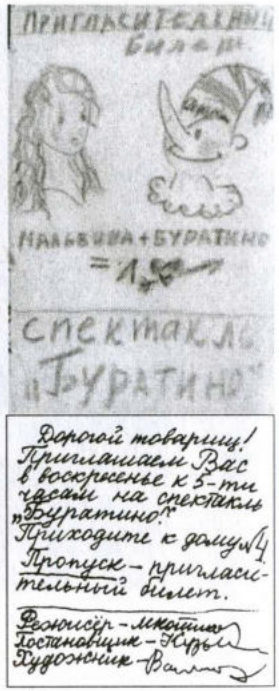
Г. Ванюшенкина. «Мухобойщицы». 1964. Акварель, белила. 40,5x28,7

Г. Ванюшенкина. Плотник Гаврилов. 1965. Карандаш. 40,5x28,7

Г. Ванюшенкина. Нина Денисова. 1963. Гуашь. 40,5x28,7



Г. Ваншенкина. Тётя Лиза и Нежка.
1963. Гуашь. 30,5x28,7



Приглашение на
спектакль «Буратино»

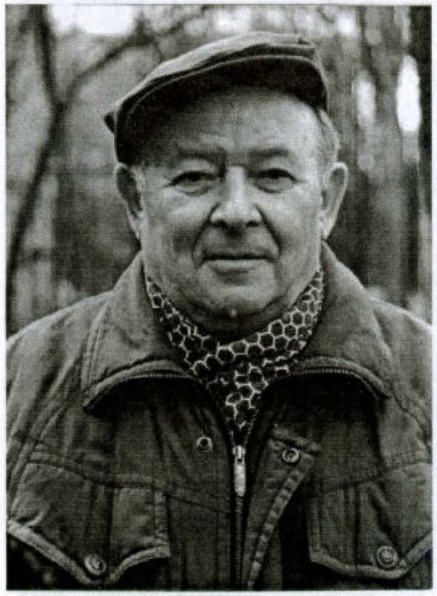
Здание Воскресенского райисполкома. 1954 г.
На первом этаже находилась и редакция газеты «Коммунист».

Платформа 88 км в 1970-е годы. Ещё открытая дождям и снегу...
Нет пока и путепровода через железнодорожные пути

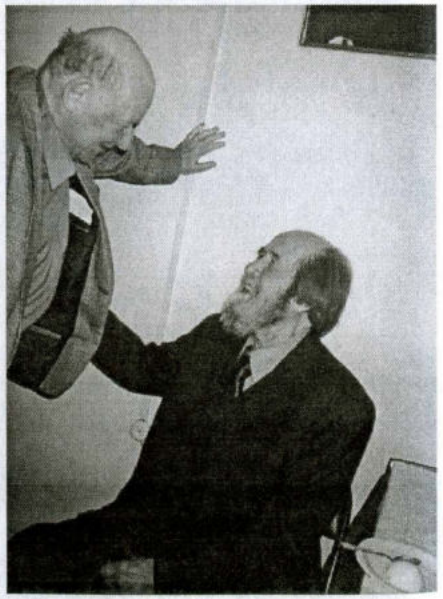
И. Гофф и К. Ваншенкин с внучкой Катей. 1980 г.

Инна Гофф. 1980 г.

Галина Ваншенкина. 1992 г.

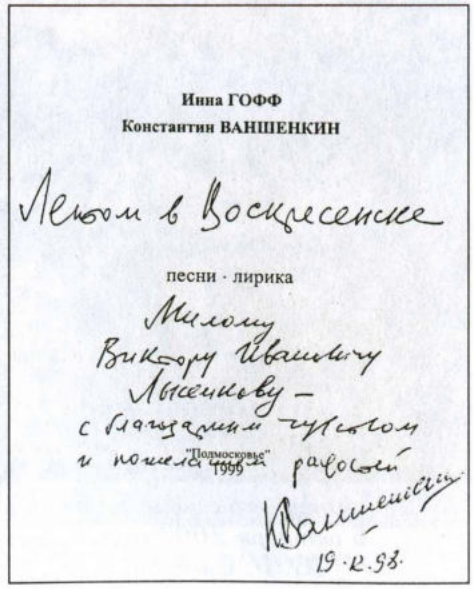


Константин Ваншенкин. 1999 г.



К. Ваншенкин, А. Солженицын. 2003 г.

Презентация книги И. Гофф и К. Ваншенкина «Летом в Воскресенске». 19.12. 1998 г. В первом ряду (слева направо): В.И. Лысенков, Н.Н. Лапина, К.Я. Ваншенкин, Е.В. Симонов; во втором ряду: С.С. Белоус, А.А. Мастеров, А.Г. Орлова, А.К. Лебедев



Инна ГОФФ
Константин ВАНШЕНКИН

Летом в Воскресенске

песни · лирика

Милому
Виктору Ивановичу
Лысенкову –
с благодарным чувством
и полной радостью
Ваншенкин
19.12.98.

СОВЕТ ДЕПУТАТОВ
Воскресенского муниципального района
Московской области

РЕШЕНИЕ

от 18.05.2007 № 633/59

О переименовании 1-ого Лесного переулка в улицу Инны Гофф

В соответствии с Положением о порядке увековечения памяти исторических событий и особо выдающихся граждан Воскресенского района», утвержденного решением Совета депутатов муниципального образования «Воскресенский район» от 25.02.2005 №226/20, учитывая ходатайство Воскресенского литературного объединения «Радуга», редакционного Совета литературного альманаха «Воскресенск - моя родина светлая...», согласие жителей 1-ого Лесного переулка города Воскресенска, а также в целях увековечения памяти писательницы Инны Гофф

Совет депутатов Воскресенского муниципального района решил:

1. Переименовать 1-ый Лесной переулок в городе Воскресенске в улицу Инны Гофф.
2. Опубликовать настоящее решение в Воскресенской районной газете «Наше слово».
3. Настоящее решение вступает в силу с момента опубликования.
4. Контроль за исполнением настоящего решения возложить на постоянную комиссию по местному самоуправлению, муниципальной собственности и поддержке предпринимательства (Корнунов П.И.) и первого заместителя главы администрации Кравцова А.П.

Председатель Совета депутатов В.В.Бормашов

ГЛАВА
Воскресенского муниципального района
Московской области

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

от 24.05.07 г. № 703

О переименовании переулка
в г. Воскресенске

В соответствии с решением Совета депутатов Воскресенского муниципального района от 11.05.2007 № 633/59 «О переименовании 1-го Лесного переулка в улицу Инны Гофф», учитывая ходатайства Воскресенского литературного объединения «Радуга», редакционного совета литературного альманаха «Воскресенск – моя родная светлая...» от 10.11.2006, ГУ МО «Информационное агентство Воскресенского района Московской области» от 10.05.2007 № 37 об увековечении памяти И. А. Гофф и согласие жителей 1-го Лесного переулка города Воскресенска, постановляю:

1. Переименовать 1-й Лесной переулок в городе Воскресенске в улицу Инны Гофф с сохранением существующей нумерации жилых домов.
2. Государственным и муниципальным организациям и учреждениям руководствоваться настоящим постановлением при оформлении соответствующих регистрационных и иных документов.
3. Гражданам, зарегистрированным по переименованной улице, по мере оформления соответствующей документации внести изменения в государственную регистрацию прав на объекты недвижимости.
4. ГУ МО «Информационное агентство Воскресенского района Московской области» (Бикиярова Л. И.), Воскресенскому литературному объединению «Радуга», редакционному совету литературного альманаха «Воскресенск – моя родина светлая...» (Лысенков В. И., Дудин Л. А.) решить вопросы замены аналогов с наименованием улицы, нумерацией строений и установки мемориальной доски Гофф И. А. на фасаде дома № 4.
5. Опубликовать настоящее постановление в районной газете «Наше слово».
6. Настоящее постановление вступает в действие с момента его опубликования.
7. Контроль за выполнением настоящего постановления возложить на первого заместителя главы администрации муниципального образования Кравцова А. П.

Глава Воскресенского
муниципального района Ю. Ф. Слепцов

Начальник общего отдела Е.Б.ГОЛОВАНОВА
16 ИЮЛ 2007

Официальные документы об увековечении памяти И.А. Гофф

Открытие мемориальной доски на улице Инны Гофф 6 октября 2007 года. Слева направо: Г.К. Ваншенкина, Ю.Ф. Слепцов, В.И. Лысенков, К.Я. Ваншенкин

К.Я. Ваншенкин, Л.А. Дудин, В.И. Лысенков, Н.Д. Козлов

К.Я. Ваншенкин: воспоминания о годах жизни в Воскресенске

Ю.Ф. Слепцов, К.Я. Ваншенкин и Г.К. Ваншенкина снимают покрывало с мемориальной доски И.А. Гофф

Мемориальная доска на доме № 4 по улице Инны Гофф

В кругу Галиных подружек детства: слева направо (указаны девичьи фамилии подруг): Лида Сорокина, Нина Денисова, Люся Корягина, Галя Ваншенкина, Зина Кузьмина, К.Я. Ваншенкин, Маша Котикова

А.М. Турков, К.Я. Ваншенкин, В.И. Лысенков, Г.К. Ваншенкина

Константин Яковлевич Ваншенкин. 6 октября 2007 года

Кстати, премьера «Русского поля» в 1966 году в кинофильме Эдмонда Кеосаяна «Неуловимые мстители» вполне могла по «идеологическим» причинам закрыть песню для массового слушателя — ведь исполнявший её актёр Владимир Ивашов играл роль белогвардейского офицера. Но искренность слов и мелодии, к счастью, оказались выше «классовых» предрассудков. Правда, по-настоящему большой успех к песне пришёл после её исполнения по радио Юрием Гуляевым. И вот уже более сорока лет её простые и вместе с тем проникновенно-магические слова всё так же вызывают в нас искренние чувства причастности к отчему краю, к родным «пепелищам».

В Воскресенске написан и нежно-грустный «Август». Когда построили новый дом, то вдоль окошек посадили три рябины, — не за оградой, а внутри неё. Именно отсюда строчка из «Августа»: «*За окошком краснеют рябины...*».

Скоро осень, за окнами август.
От дождя потемнели кусты,
И я знаю, что я тебе нравлюсь,
Как когда-то мне нравился ты.

Отчего же тоска тебя гложет,
Отчего ты так грустен со мной, —
Разве в августе сбыться не может,
Что сбывается ранней весной?

За окошком краснеют рябины,
Дождь в окошко стучит без конца...
Ах, как жаль, что иные обиды
Забывать не умеют сердца!

Не напрасно тоска тебя гложет,
Не напрасно ты грустен со мной, —
Видно, в августе сбыться не может,
Что сбывается ранней весной.

Скоро осень, за окнами август.
От дождя потемнели кусты,
И я знаю, что я тебе нравлюсь,
Как когда-то мне нравился ты.

Воскресенскую «прописку» имеют и уже упоминавшиеся чудесные песни «Когда разлюбишь ты» (*«Пусть завтра кто-то скажет, как отрубит, / И в прах развеет все твои мечты, — / Как страшно, если вдруг тебя разлюбят, / Ещё страшней, когда разлюбишь ты...»*), "И меня пожалей" (*«Для чего ты сказал / Среди ясного дня, / Что её ты жалеешь, / А любишь меня?»*), «Я улыбаюсь тебе» (*«Опять расстаюсь я с тобою, / С любовью моей и судьбою. / Боюсь, что не выдержишь ты и заплачешь, — / И я улыбаюсь тебе...»*), «Снова ветка качнулась» (*«Снова ветка под птицей качнулась, / И защёлкал в кустах соловей. / Как от тяжкого сна, ты очнулась / От любви несчастливой своей...»*), а также «Ветер северный» (*«И зачем с тобою было нам знакомиться, / Не забыть теперь вовек мне взгляда синего. / Я всю ночь не сплю, а в окна мои ломится / Ветер северный, умеренный, до сильного...»*), «Друзья мои» (*«Есть высший титул — слово друг, /Его заслужишь ты не вдруг. / Но если он тебе присвоен, / Ты должен быть его достоин...»*), «А сердце всё надеется» (*«Замело пути порошею. / Где найти тебя, хорошую? / Замела следы метелица, / А сердце всё надеется... / Синяя звезда над вербою. / Не забыть любовь мне первую. / Ты давно не красна девица, / А сердце всё надеется...»*) и другие.

Песни Инны Гофф вошли в репертуар многих популярных певцов: Марка Бернеса, Юрия Гуляева, Анны Герман, Майи Кристалинской, Людмилы Зыкиной, Марии Пахоменко, Гелены Великановой, Эдуарда Хиля, Иосифа Кобзона, Владимира Трошина, Нины Бродской, Марии Лукач, Аиды Ведищевой, Андрея Миронова, Валерия Ободзинского, Георга Отса, Дмитрия Гнатюка... С удовольствием поют их и нынешние звёзды эстрады.

В своих рассказах и воспоминаниях Инна Гофф часто возвращается к Воскресенску, очарованию нашей милой природы «среднерусской полосы».

Особенно трогательна забота Инны Анатольевны о сохранении и изучении истории нашего края, чему она в немалой степени способствовала.

Об идее основания краеведческого музея в кривякинской усадьбе Красное сельцо, связанной с именем Ивана Ивановича Лажечникова, где в то время располагался детский сад химиков, она писала ещё в 1971 году в повести «Знакомые деревья». И не только писала, а и пыталась убедить в этом директора тогдашнего градообразующего предприятия — химкомбината — Николая Ивановича Докторова.

Но тогда больше склонялись к мнению о строительстве нового музея из стекла и бетона (да так и не состоявшегося). Даст Бог, «огненная» судьба Спасского и «Дома Машеньки» минует усадьбу Кривякино! Благо, что идея создания полноценного краеведческого музея и реставрации воскресенской жемчужины, памятника всероссийского значения — всего усадебного комплекса, уже, кажется, обретает вполне реальные очертания.

Инна Анатольевна Гофф скончалась после тяжёлой болезни 26 апреля 1991 года, прожив только 62 года. Прах её покоится на московском Хованском кладбище.

Последнее время семья чаще выезжала на литфондовскую дачу во Внуково, расположенную поближе к Москве, но, по признанию самой Инны Анатольевны, милее ей был всё же родительский дом в Воскресенске.

Стул придвину к столу,
Пролистну записную
Книжку. Снег по стеклу
Тишь нарушит лесную.

Как велось испокон,
В нижнем ящике справа
Твой любимый флакон,
Роговая оправа.

Тень былого следа
Вновь и вновь обнаружу.
Приезжаю сюда
Растравлять себе душу.

(К. Ваншенкин)

Телевидение выпустило на редкость удачную передачу «Я улыбаюсь тебе. Вспоминая Инну Гофф», которая уже неоднократно повторялась. Там замечательно говорят о ней Булат Окуджава, Расул

Гамзатов, Фазиль Искандер, Римма Коваленко, Евгений Сидоров, — люди, знавшие её не понаслышке, общавшиеся с нею долго и часто.

А многим воскресенцам памятен вечер, посвящённый И.А. Гофф, во Дворце культуры химиков 18 февраля 1995 года. Земляки с теплотой вспоминали Инну Анатольевну, говорили о творчестве, звучали её стихи и песни. Особую ноту вечеру придало участие в нём Константина Яковлевича Ваншенкина и Галины Константиновны.

Кстати, переезжая в 1995 году окончательно из Воскресенска, Константин Яковлевич подарил нашему городу свою домашнюю библиотеку. Эти книги, многие из которых с автографами авторов, хранятся в фондах центральных городских библиотек. А городскому краеведческому музею было передано удостоверение члена Союза писателей СССР Инны Анатольевны Гофф.

«Сын нашего отчаянного века»

Константин Яковлевич Ваншенкин родился 17 декабря 1925 года в Москве. Отец его Яков Борисович, участник Первой мировой войны, был инженером-химиком. В те годы первых пятилеток специалистов крайне не хватало, поэтому семья подолгу жила при заводах в средней полосе России, в Сибири. Маленький городок, рабочий посёлок стали потом «местом действия» многих его стихов, да и прозы.

Поэзию в доме любили и отец, и мама Фаина Давыдовна. Иногда отец читал вслух — чаще Николая Алексеевича Некрасова, который был ему особенно близок.

В ноябре 1942 года, буквально за несколько дней до семнадцатилетия, прямо из десятого класса (шла вторая четверть), Константин Ваншенкин был призван в армию.

Служил в 4-й гвардейской воздушно-десантной бригаде, вошедшей в знаменитую (до сих пор существующую) 106-ю Тульскую дивизию ВДВ. Участвовал в боях на 2-м и 3-м Украинских фронтах. Прошёл ратный путь от Донбасса через Белоруссию, Венгрию, Австрию до Чехословакии. Войну окончил 11 мая 1945 года встречей с союзными американскими войсками на Подольском мосту через реку Влтаву. Два с половиной года войны: кровь, гибель фронтовых друзей... И это в «нежном»-то возрасте...

На фронте уже в конце войны в Венгрии неожиданно для себя стал писать стихи. Вот как вспоминает о первых литературных опытах сам Константин Яковлевич: «Могу утверждать, что потребность писать стихи возникла у меня тогда без малейшего литературного воздействия извне, — только под воздействием жизни. Я отнёсся к этому достаточно серьёзно. Сшил себе небольшую книжечку (у каждого солдата за отворотом пилотки имеется иголка с ниткой). На обложке изобразил десантную эмблему — раскрытый парашют, пересечённый авиационными «крылышками», — и поставил собственные инициалы. В книжечку стал записывать свои сочинения, — уже начисто, черновиков не было, вся работа производилась в уме».

Писатели, рождённые войной... Опыт тех лет — горький, болезненный, трагический — сыграл важную роль в становлении его писательского таланта. Более того, по словам Константина Яковлевича, если бы он не был на войне, то вообще не уверен, стал ли бы писать.

Между прочим, в разговоре с Константином Яковлевичем вдруг замечаешь, как он каким-то неуловимым движением так подбрасывает авторучку, что та, совершив полный оборот, очень ловко «приземляется» точно в ложбинку между большим и указательным пальцами правой руки. Это явно идёт от закрепившегося солдатского навыка поигрывать десантским ножом-финкой. (И какая же поразительная координация в отнюдь не молодом возрасте!)

Фронтовая, армейская темы проходят через всё творчество писателя. Память пережитого настойчиво возвращает к событиям военной поры и образам друзей-однополчан.

А утвержденья эти лживы,
Что вы исчезли в мире тьмы.
Вас с нами нет. Но в нас вы живы,
Пока на свете живы мы.

Девчонки те, что вас любили
И вас оплакали, любя,
Они с годами вас забыли.
Но мы вас помним, как себя.

Дрожа печальными огнями
В краю, где рощи и холмы,
Совсем умрёте только с нами, —
Но ведь тогда умрём и мы.

Демобилизовался он в самом конце 1946 года в звании гвардии сержанта. В 1947 году поступил в Московский геологоразведочный институт, но проучился там только один год, окончательно поняв, что его больше влечёт не инженерная, но литературная работа.

Посылал стихи в журналы, его похваливали, но не печатали. Наконец решился показать стихи настоящему поэту. «Мне повезло, — вспоминает Константин Яковлевич, — первым поэтом, с которым я познакомился в своей жизни, был Михаил Васильевич Исаковский; его добрые советы и душевная поддержка сыграли огромную роль в моей судьбе. Я отважился всерьёз заняться стихами и перешёл в Литературный институт имени Горького». Надо иметь в виду, что конкурс в Литинститут был тогда фантастический — 30 абитуриентов на место.

Окончил институт в 1953 году. Первые же стихи были напечатаны ещё в 1948 году, а первая книга «Песня о часовых» вышла через три года и была тепло встречена критикой. Одновременно с её выходом в журнале «Новый мир» появилось стихотворение «Мальчишка», которое сразу получило весьма широкое распространение и известность. Что называется, наутро проснулся знаменитым... А сюжет возник после того, как Инна Гофф рассказала ему о схожей, произошедшей с ней в детстве истории. Стихотворение имеет посвящение: «*Инне*».

Он был грозою нашего района,
Мальчишка из соседнего двора,
И на него с опаской, но влюблённо
Окрестная смотрела детвора.

Она к нему пристрастие имела,
Поскольку он командовал везде,
А плоский камень так бросал умело,
Что тот, как мячик, прыгал по воде.

В дождливую и ясную погоду
Он шёл к пруду, бесстрашный, как всегда,
И посторонним не было прохода,
Едва он появлялся у пруда.

В сопровожденье преданных матросов,
Коварный, как пиратский адмирал,
Мальчишек бил, девчат таскал за косы
И чистые тетрадки отбирал.

В густом саду устраивал засады,
Играя там с ребятами в войну.
И как-то раз увидел он из сада
Девчонку незнакомую одну.

Забор вкруг сада был довольно ветхий —
Любой мальчишка в дырки проходил, —
Но он, как кошка, прыгнул прямо с ветки
И девочке дорогу преградил.

Она пред ним в нарядном платье белом
Стояла на весеннем ветерке
С коричневым клеёнчатым портфелем
И маленькой чернильницей в руке.

Сейчас мелькнут разбросанные книжки —
Не зря ж его боятся, как огня...
И вдруг она сказала: — Там мальчишки.
Ты проводи, пожалуйста, меня...

И он, от изумления немея,
Совсем забыв, насколько страшен он,
Шагнул вперёд и замер перед нею,
Её наивной смелостью сражён.

А на заборе дряхлом повисая,
Грозя сломать немедленно его,
Ватага адмиральская босая
Глядела на героя своего.

...Легли на землю солнечные пятна.
Ушёл с девчонкой рядом командир.
И подчинённым было непонятно,
Что это он из детства уходил.

С той поры у К.Я. Ваншенкина вышло около 80 книг — как поэтических, так и прозы. Общий тираж его произведений давно превысил четыре с половиной миллиона экземпляров.

Многие стихотворения положены на музыку и стали песнями. И какими! Это «Я люблю тебя, жизнь», «Вы служите, мы вас подождём», «Солдаты», «Женька», «Я спешу, извините меня», «Вальс расставанья»,

«За окошком свету мало», «Как провожают пароходы», «Алёша» и другие. Как говорит сам Константин Яковлевич, к песне его приобщил Марк Бернес, замечательный актёр и певец, ставший близким другом.

По сценариям Константина Ваншенкина отсняты документальные фильмы «Детство Твардовского», «Встреча с Михаилом Исаковским», «Размышления о Доме Герцена» и другие. Он подготовил целый ряд больших программ для телевидения.

Членом Союза писателей СССР он стал, ещё будучи студентом третьего курса Литинститута, в 1951 году. Константин Яковлевич удостоен многих высоких государственных наград. Он лауреат Государственных премий — СССР (1985 г.) и Российской Федерации (2001 г.), ряда других литературных премий, в том числе «Венец», имени Антона Дельвига, Александра Твардовского.

С вершины сегодняшнего дня все эти достойные награды и большие тиражи книг могут показаться этаким ковром, усыпанным благоухающими цветами. Но не так благолепно всё было. Сколько было всяких «тычков», «щелчков», «цепляний» в печати. Поражают больше всего удивительные метаморфозы, происходившие с отрицательными эпитетами, которыми его в своё время «награждали». Например, одно время беспрерывно упрекали в «созерцательности», «мелкотемье», «бытовизме», «дегероизации», а впоследствии все эти же его особенности критиками стали признаваться уже как достоинства — внимание к человеческой душе, к семье. Тогда же любая критическая публикация вызывала у издателей даже набранных уже книг какие-то сомнения, желание ещё раз покопаться в, казалось бы, окончательно выверенном материале. А это изматывающий расход сил, эмоции, нервы.

Бытует некоторое обывательское представление, что писателям легко даются деньги. Увы, писательский хлеб труден. Как правило, живут писатели отнюдь не на гонорары от книг, а на заработную плату при каких-то должностях в издательствах, газетах или в других сферах хозяйствования.

Вся жизнь Константина Яковлевича — каждодневный писательский труд, единственная гарантия доходности которого — собственный талант. Кроме четырёх армейских лет, он больше нигде никогда не

служил в штате. Хотя предложения, и довольно заманчивые с практической, меркантильной стороны, были. Приглашали на должности в Союзе писателей, заведовать отделами поэзии в двух крупнейших издательствах, руководить кафедрой в Литературном институте. Но он не поддался искушению гарантированной зарплаты, понимая, что его захлестнут пресс зависимости от кого-то и обстоятельств, недостаток времени, необходимость постоянно читать чужие рукописи, и будет уже не до себя.

Под покровительством святого Валентина

В Литературном институте имени М. Горького в одно время с Константином Ваншенкиным и Инной Гофф учились Юрий Трифонов, Евгений Винокуров, Владимир Солоухин, Владимир Тендряков, Юлия Друнина, Владимир Соколов, Расул Гамзатов, Юрий Бондарев, Андрей Турков, Александр Ревич, Григорий Бакланов, Борис Балтер, Владимир Корнилов, Эдуард Асадов, Григорий Поженян, Анатолий Злобин, Виктор Розов, Николай Старшинов, Фазиль Искандер, Егор Исаев, Евгений Евтушенко, Роберт Рождественский... Список однокашников, тогда никому не известных, сегодня, надо прямо сказать, впечатляет!.. Здесь встретили они и свою любовь, ту, что навсегда.

Константин Яковлевич всегда подчёркивает, что «счастливо женился». Его память запечатлела подробности знакомства с Инной Гофф:

«Инна была моложе меня на три года, но из-за войны и одного курса Геологоразведочного я появился в Литинституте, когда она была уже на четвёртом. И на ближайшем собрании мимолётно обратили на себя внимание два слова: Инна Гофф. Кто-то упрекал её в недостаточном внимании к марксизму-ленинизму.

На всех пяти курсах училось чуть более ста человек. Все друг друга знали, никто специально ни с кем не знакомился. Она была прекрасно сложена — тогда носили короткие платья — и очень естественна, что всегда приятно, — в движениях, разговоре, живых глазах. Однако меня это словно совершенно не касалось, я не обращал на неё внимания, а она на меня, мы были просто доброжелательно знакомы — не больше. Ни о каком «с первого взгляда» не может быть и речи».

Встретившись уже после каникул в конце лета, они вдруг поняли, что нужны друг другу.

«Дальше время пошло быстрей, мы начали то и дело сталкиваться — во дворе или в коридоре. И постепенно стали понимать, что это доставляет нам определённое удовольствие, что нам уже не очень уютно друг без друга.

...И ещё. Существуют поразительные вещи — «Воспоминанья ощущений... И сохраняет их не память, а руки, губы и глаза». Она вышла из зала, где репетировался очередной капустник, с листом ватмана в руках, попросили повесить... Это была афиша вечера. Возле лестницы находилась большая доска объявлений. Я вызвался: давай я... Но она сама — встала на стул, прикнопила лист, повернулась, чтобы спрыгнуть, и на миг потеряла равновесие. Я выставил вперёд руки — поддержать её — и мне одновременно в обе ладони ударили два крепких теннисных мяча. Я инстинктивно не сделал попытки зафиксировать их, поймать хоть на миг. Мы оба это запомнили.

...Мужское общежитие располагалось во флигеле, там, где сейчас институтская «Книжная лавка», а женское в главном здании, на третьем этаже. Вход туда был с торца, прямо против наших окон. Я, лёжа вечером на спине на своей койке, видел, как зажигалось, гасло и опять освещалось верхнее окно в коридоре. Это она подавала мне сигнал. Я вставал, брал пальто — была уже зима — и выходил. Мы сидели на подоконнике второго этажа, над входной дверью, разговаривали шёпотом и целовались. За окном белел поздний пустынный двор, изредка внизу хлопала дверь, когда кто-нибудь возвращался.

Мы окончательно соединили наши судьбы 14 февраля (*1950 года.* — **В.Л.**), понятия не имея ни о каком Святом Валентине. Но он, вероятно, оценил это и долго покровительствовал нам. Увы, не до конца...

...А потом началось снимание комнат. Найти их было не так просто. Чаще всего владельцы сдавали на короткое время — на месяц, на два, до чьего-то приезда. Но Инна всегда умела создать ощущение прочности, длительности предстоящего там пребывания, а не лишь его иллюзию.

Мои друзья сразу признали Инну и её особые на меня права. У неё есть такая запись (1966): «Я заметила, что мужчины ищут мужской дружбы тогда, когда не находят себя в женщине, в любви к женщине. Все эти мужские братства, компании сродни монашеским орденам. Человек может иметь семью, жену, детей и всё равно быть одиноким, искать духовного родства, братства. Но мужчина, нашедший в женщине своё отечество, часто не имеет друзей среди мужчин». Это верно. Хотя у меня в жизни и были по-настоящему близкие друзья, и немало часов провёл я в мужских застольях, как раз «духовное родство» и «своё отечество» я нашёл в ней».

Константин Яковлевич вспоминает: «Где только мы не жили, — вот так, на ходу. На улице Горького, в Хоромном тупике, на Каляевской, на Арбате. Но была база, куда всегда можно было отступить, — её родители. Особенно когда появилась Галя.

Инна рожала на Пресне, все соседки-роженицы были молодые ткачихи с Трёхгорки. Таким образом, Галя родилась в Москве, но самые ранние годы (до пяти) провела в Подмосковье. Я привёз их из роддома в Люберцы, где работал Иннин отец-врач, — её родители и бабушка занимали две смежные комнаты в бараке при больнице. А мы продолжали снимать в Москве и, таким образом, жили на два дома. Свою «площадь» мы получили через четыре года».

Что такое настоящая любовь? Извечный вопрос...

Упаси вас бог познать заботу —
Об ушедшей юности тужить,
Делать нелюбимую работу,
С нелюбимой женщиною жить.

Они жили в ладу и любви. Константин Яковлевич рассказывает об этом:

«Какое это было счастье: слышать шум дождя сквозь сон и чувствовать, что она лежит рядом! Мы почти не расставались. Отдыхали только вместе, потому что нам не нужно было отдыхать друг от друга. Она никогда меня не раздражала. А я — её. Мы этого просто не знали.

...Ссорились ли мы? Трудно сказать. Наверное, да — из-за моей дурацкой вспыльчивости. Но не дольше чем на час, честное слово. Мы оба изначально хотели примирения.

У неё была очень нежная кожа. Когда кровь приливала к её лицу, она становилась ещё более привлекательной. Прежде всего она была по-настоящему женственна. Её отличали врождённая мягкость, внимательность, доброжелательность. Некоторых это вводило в заблуждение, иные былые приятельницы, сделавшие или просто сказавшие что-то не так, отсекались ею жёстко и безжалостно, даже не поняв причины её охлаждения.

Она нежно любила дочь и внучку. Она относилась к родителям с такой терпеливой любовью, которой я никогда более не встречал. Не могла иначе — даже порою себе и нам в ущерб. Впрочем, они ей никогда ничего не навязывали. Наверное, я так не умею или — не сумел.

Она была центром дома, его устойчивости и соразмерности».

Я без тебя — как город без реки!
С утра пылает солнце надо мною,
И дни мои бывают нелегки,
Открытые безжалостному зною.

В моих мечтах присутствует река,
И, проходя над здешними местами,
Огромные, как баржи, облака
Беззвучно проплывают под мостами.

Я без тебя — как город без реки:
Есть крыши, что взлетают к небосводу,
Сады, огни... Но женской нет руки,
Опущенной из красной лодки в воду.

Круг их общения и друзей был широк. Показывая на большой «овальный» стол в своём домашнем кабинете, Константин Яковлевич вспоминает тех, кто сиживал в своё время за ним и которых, к глубокому сожалению, давно уже нет: Анатолий Аграновский, Марк Бернес, Евгений Винокуров, Марк Галлай, Эдуард Колмановский, Виктор Некрасов, Булат Окуджава, Борис Слуцкий, Ярослав Смеляков, Андрей Старостин, Александр Твардовский, Владимир Тендряков, Юрий Трифонов, Алексей Фатьянов, Святослав Фёдоров, Ян Френкель и многие другие.

И всё-таки при всей общительности и доброжелательности они никогда не были людьми «тусовочными». Самодостаточность выражалась и в их жизни в Воскресенске. Сюда друзья приглашались крайне редко: встреч и в столице хватало, да и далековато. Пожалуй, заезжали только Евгений Винокуров (замечательный поэт-фронтовик, написавший, в числе многого другого, «о Серёжке с Малой Бронной и Витьке с Моховой»), Маргарита Агашина (автор стихов, ставших известными песнями: «Подари мне платок», «А где мне взять такую песню» «Что было, то было», «Растёт в Волгограде берёзка»), ну ещё Борис Бедный (по его сценарию снят кинофильм «Девчата»), Наталья Дурова (тоже выпускница Литинститута, известная дрессировщица и руководитель Театра зверей).

«Сентябрьский вечер в Воскресенске...»

Одно лишь упоминание Воскресенска всегда, как мне кажется, задевает у Константина Яковлевича Ваншенкина самые добрые душевные струны. Здесь они были счастливы с Инной Анатольевной, здесь познавала мир их дочь, здесь в почти лесном царстве легко думалось и писалось...

Им немало написано в нашем, по его выражению, «уютном городе», и если начать с песен, то, ставшие ныне классикой жанра «Я люблю тебя, жизнь» и «Алёша», появились в Воскресенске с интервалом в одиннадцать лет: в 1956 и в 1967 годах.

К слову, один из дождливых воскресенских дней лета 1956 года мог запросто безвозвратно смыть написанное буквально накануне стихотворение, ставшее вскоре песней «Я люблю тебя, жизнь» (тогда оно называлось «Баллада о жизни» и было раза в полтора объёмнее). Ненастье застало Константина Яковлевича в Чемодуровском лесу в походе по грибы. Промок до нитки. Ливень залил и наружный карман старенького пиджака, где чуть не размыл записи лежащего там блокнота — ведь тогда писали обычными чернилами. Кто смог бы тогда угадать судьбу знаменитой ныне песни? Звучавшей не только на земле, но и в космосе. Известно, что первый космонавт Юрий Алексеевич Гагарин именно эту свою любимую песню включил для исполнения на космодроме Байконур при заключительном этапе подготовки космонавтов к полёту.

Я люблю тебя, жизнь,
Что само по себе и не ново,
Я люблю тебя, жизнь,
Я люблю тебя снова и снова.

Вот уж окна зажглись,
Я шагаю с работы устало.
Я люблю тебя, жизнь,
И хочу, чтобы лучше ты стала.

Мне немало дано:
Ширь земли и равнина морская.
Мне известна давно
Бескорыстная дружба мужская.

В звоне каждого дня
Как я счастлив, что нет мне покоя!
Есть любовь у меня,
Жизнь, ты знаешь, что это такое.

Как поют соловьи,
Полумрак, поцелуй на рассвете.
И вершина любви —
Это чудо великое — дети.

Вновь мы с ними пройдём
Детство, юность, вокзалы, причалы.
Будут внуки потом,
Всё опять повторится сначала.

Ах, как годы летят,
Мы грустим, седину замечая.
Жизнь, ты помнишь солдат,
Что погибли, тебя защищая?

Так ликуй и вершись
В трубных звуках весеннего гимна!
Я люблю тебя, жизнь,
И надеюсь, что это взаимно.

Константин Яковлевич сетует, что критика записала его в большие оптимисты. На самом деле он считает себя скорее грустным поэтом.

Даже, может быть, печальным. Ведь чаще в стихах он говорит о потерях, об утратах, нежели о радостных перспективах. Даже в балладе о жизни он пишет: «*Я люблю тебя, жизнь, / И хочу, чтобы лучше ты стала*».

Есть поэты, которые с некоторым пренебрежением говорят о песнях: а, мол, так, баловство... И, как правило, это те, у кого своих песен просто нет.

«Поверьте мне, — говорит Константин Яковлевич, — нет такого поэта, который не хотел, не мечтал, чтобы у него были песни. Конечно, хорошие, а не те, что называются «непоющиеся», — это когда и стихи хорошие, и музыку хороший композитор написал, и хороший певец с хорошим оркестром её исполнили, а песня всё равно не поётся. Кстати, я знал только одного человека, безошибочно угадывавшего, будет песня иметь успех или нет. Это был Марк Наумович Бернес — настоящий «экстрасенс» песни».

Так же как и «Я люблю тебя, жизнь», песня «Алёша» была написана в соавторстве с композитором Эдуардом Савельевичем Колмановским.

Песню о Болгарии просило написать тогдашнее Общество советско-болгарской дружбы. Просьбу эту Константин Яковлевич поначалу воспринял без энтузиазма — ведь в Болгарии он до того не бывал. Однако настойчив был и Э.С. Колмановский.

Слова песни родились уже в Воскресенске во время просмотра одной из телепередач о памятнике советским воинам в городе Пловдиве. Монумент болгары называли «Алёшей». Ему, фронтовику, тема была близка. Отправил стихотворение Эдуарду Колмановскому, отдыхавшему в Доме творчества в подмосковной Рузе. Вскоре тот телеграммой пригласил в Москву для показа музыки к новой песне.

Песня неожиданно получила огромное звучание и в России, и в Болгарии, а в Пловдиве даже почиталась за гимн города.

Белеет ли в поле пороша
Иль гулкие ливни шумят,
Стоит над горою Алёша,
В Болгарии русский солдат.

И сердцу по-прежнему горько,
Что после свинцовой пурги
Из камня его гимнастёрка,
Из камня его сапоги.

Немало под страшною ношей
Легло безымянных парней,
Но то, что вот этот — Алёша,
Известно Болгарии всей.

К долинам, покоем объятым,
Ему не сойти с высоты.
Цветов он не дарит девчатам, —
Они ему дарят цветы.

Привычен, как солнце и ветер,
Как в небе вечернем звезда, —
Как будто над городом этим
Вот так и стоял он всегда.

Белеет ли в поле пороша
Иль гулкие ливни шумят,
Стоит над горою Алёша,
В Болгарии русский солдат.

Через четверть века чуть было не получила продолжение песня «Алёша». После распада в 1991 году Советского Союза в ряде бывших «братских стран соцлагеря» приключился зуд в отношении памятников советским воинам, жизнь положившим за освобождение Европы от фашизма. Не миновала сия драма и Болгарию — там весьма серьёзно обсуждалось предложение о сносе мемориала в Пловдиве. Газета «Культура» 28 декабря 1991 года сообщала: «Узнав о готовящемся демонтаже «Алёши», мэр Москвы Гавриил Попов (за день до объявления о своей отставке) и премьер правительства Москвы Юрий Лужков направили письмо президенту Болгарии Желю Желеву, где заявили, что, несмотря на трудное положение, найдут средства, чтобы перенести памятник в Москву». Готовность взять Алёшу домой в Россию выразили и деловые люди из Великого Новгорода.

Как знать, если бы болгарское руководство не опомнилось, стоял бы сейчас Алёша, скорее всего, на Поклонной горе. А у песни появился бы ещё один куплет, вариант которого тогда под впечатлением событий написал Константин Яковлевич:

Белеет ли в поле пороша
Иль гулкие ливни шумят,
Стоит над Москвою Алёша,
Вернувшийся русский солдат.

Среди написанного в нашем городе удивительно добрые, чарующие: «Вальс расставанья» (*«Слышишь, тревожные дуют ветра? / Нам расставаться настала пора. / Кружится, кружится пёстрый лесок, / Кружится, кружится старый вальсок, / Старый забытый вальсок...»*), «За окошком свету мало» (*«За окошком свету мало, / Белый снег валит, валит. / А мне мама, а мне мама / Целоваться не велит...»*), «Я спешу, извините меня» (*«Лунный свет над равниной рассеян, / Вдалеке ни села, ни огня. / Я сейчас уезжаю на Север, / Я спешу, извините меня...»*) и ещё множество лирических стихотворений, накрепко топографически связанных с близрасположенными лесом и Москвой-рекой.

В «воскресенских» стихах К.Я. Ваншенкина — и наша природа, и соседи Никольские, и повзрослевшая подружка дочери Зина Кузьмина, и ночные гудки речных теплоходов, и поселковые сады, и автобусная остановка в лесу ...

Приехали — а всё цветёт:
Семь вишен, яблоня и слива.
Понятно, это каждый год,
Но так приехали счастливо.

Мгновенный радостный испуг —
Ведь я забыл о вешнем дыме.
Как если бы вошёл — и вдруг
Родных увидел молодыми.
(«Приехали — а всё цветёт...»)

Или вот это:

Летом в Воскресенске,
Где наш зимний дом,
Мы по-деревенски
В общем-то живём.

То есть на народе,
На глазах у всех,
То есть на природе,
Средь её утех.

Будто бы лесничим
Службу я несу —
В перезвоне птичьем
Целый день в лесу.

Для стихов и прозы
Замечаю я
Белый ствол берёзы,
Чёрный ствол ружья.

...Дождь шуршит несмело,
Ниже небосвод,
Потому что дело
К осени идёт.

И не слышно вёсел
Больше на реке...
Гром грядущих вёсен
Слышу вдалеке.

(«Летом в Воскресенске...»)

Признаюсь, чтение стихов, где прямо упоминается наш город, необыкновенно приятно, доставляет особое удовольствие и вызывает чувство сопричастности:

Сентябрьский вечер в Воскресенске.
Туманец лёгкий возле ног.
А у Никольских по-соседски
Помаргивает огонёк.

Лес океанскими валами
Накатывает на дома,
И где недавно меж стволами
Гуляли мы, там нынче тьма.

Но смотрит сдержанно и немо
Нам выпавшее на веку
Ещё светящееся небо,
Помноженное на реку.

(«Сентябрьский вечер в Воскресенске...»)

А вот ещё одно:

Люблю с давнишних пор
Средь мирных гор и пашен
Густой крестьянский хор,
Не близкий внукам нашим.

Огромная луна.
Притихшие колосья.
И мощная волна
Того многоголосья.

Вблизи высоких гор
Иль в дымке воскресенской
Мужской грузинский хор,
А также русский женский.

(«Сельское пение»)

Старожилы помнят, как на футбольном поле, что возле посёлка, ребята из авиамодельного кружка городского клуба юных техников часто проводили свои соревнования:

Там, где в небо вытянулась ель,
Где тропинки узкие по лугу,
Авиамоторная модель
Носится отчаянно по кругу.
<.....>
Редкого тумана полоса.
И почти в течение недели
Над поляной нашей голоса
И жужжанье авиамодели.

(«Соревнования авиамоделистов»)

Не остался Константин Яковлевич, подобно А.С. Пушкину, Н.В. Гоголю и М.Ю. Лермонтову, в стороне от очарования черноокой Россети — фрейлины императорского двора А.О. Смирновой-Россет, владевшей в XIX веке усадьбой Спасское, расположенной совсем недалеко от его дома:

Александра Осиповна
Смирнова-Россет!
Дождик. Дело к осени.
И я Вам сосед.

Мне до Вас, наверное,
Меньше двух вёрст.
Струй шуршанье мерное.
Путь весьма прост.

От дождя муторно,
Льёт и льёт с верхов.
Около полутора
Мне до Вас веков.

Так. И тем не менее,
Ёжась наверху,
Смотрит вдаль имение,
За Москву-реку.

Ветер вдоль цоколя
Кинул листьев горсть.
Где тут след Гоголя,
Что был Ваш гость?

(«Послание»)

Писал К.Я. Ваншенкин в Воскресенске и прозу (повести «Его опасные пасы», «Воспоминание о спорте», рассказы). Тема спорта в его творчестве занимает значительное место. Он был очевидцем зарождения хоккея в нашем городе и первым, кто в художественной литературе рассказал о воскресенском «Химике», о его особенном спортивном почерке и удивительной способности «возрождаться» после очередного ухода лидеров в более богатые клубы. Он был свидетелем

хоккейных баталий и на открытом катке, нередко в сильные морозы, и в только что отстроенном ледовом Дворце. Вот что пишет Константин Яковлевич в «Воспоминании о спорте» (1976):

«...Моя слабость — удивительный, неунывающий, возрождающийся «Химик». Воскресенский «Химик» — уникальное явление, по сути дела, районная команда. Она с самого начала привыкла рассчитывать только на себя. У меня к ней особое чувство: я наблюдал её первые шаги».

Воспоминает он об одном из первых для воскресенцев матчей на Кубок страны с именитыми московскими «Крыльями Советов» зимой 1956 года:

«Я оделся потеплей, обул валенки, опустил наушники у шапки. Мороз был градусов двадцать. Пошёл хорошим ходом, поспешил по морозцу, будто в тепло (*Он тогда ещё жил в больничном городке.* — **В.Л.**). Заваленный снегом стадион не подавал признаков жизни. Здесь кончался город, до самого леса и к реке тянулись поля. Я уже решил, что матч отменён, когда заметил впереди несколько тёмных фигур, скользящих по узкой тропинке. Я направился следом и различил в вышине слабое сияние. Хоккейная площадка находилась в дальнем углу стадиона. Я купил билет и с трудом протиснулся на трибуну — публика пришла давно. Над исчёрканным коньками льдом висели яркие лампы, слышались удары шайбы о борт (команды разминались) и слитное морозное потрескивание дощатых трибун, на которых притоптывали и переминались зрители.

А внизу бурлил красочный, особый мир хоккея. Вратари стояли тогда без масок, их бесстрашие смогло быть оценено лишь потом, некоторые игроки носили танкистские шлемы. Защитная амуниция, помимо прочего, ещё и грела. Звенела стужа, скрипели промёрзшие доски трибун, морозные клубы дыхания висели над толпой, визжали коньки, трещали клюшки.

Безвестный «Химик» оказал стойкое сопротивление, и хотя проиграл, но минимально, с достоинством».

Это были первые, и как видим, уже не робкие шаги воскресенской хоккейной дружины, ставшей впоследствии грозой самых именитых отечественных и зарубежных клубов, обладательницей серебряных и бронзовых медалей чемпионатов страны.

Константин Яковлевич вообще был знаком со многими великими спортсменами, по-настоящему дружил с легендарным футболистом Андреем Петровичем Старостиным. И до сих пор остался страстным футбольным и хоккейным болельщиком ЦСКА (хотя в хоккейных дуэлях армейцев с «Химиком» он, по его признанию, всегда искренне симпатизировал последнему).

Книга «воскресенских стихов»

Несомненным событием в литературной (да и не только) жизни Воскресенска стал выход в свет книги стихов Инны Гофф и Константина Ваншенкина «Летом в Воскресенске».

Появление этой книги имеет свою историю.

В 1998 году нашла поддержку администрации и тогдашнего главы района Евгения Васильевича Симонова инициатива автора этих строк о начале издания литературного альманаха, получившего впоследствии название «Воскресенск — моя родина светлая...». Готовясь к его первому выпуску, вместе с членами редакционного совета пришли к естественному решению об обязательном включении в альманах стихов лучших воскресенских авторов прошлых лет. Конечно, первоочередное внимание было обращено к творчеству наших именитых земляков-писателей Инны Гофф и Константина Ваншенкина. Мы не были столь самонадеянны получить согласие на то, чтобы произведения известнейших мастеров вошли наравне со стихами любителей в ещё только нарождающееся издание.

Не без некоторых внутренних колебаний решили обратиться к самому Константину Яковлевичу Ваншенкину.

Удивительно, но Константин Яковлевич с пониманием и даже с интересом отнесся к нашей просьбе и предложил неожиданно-счастливое для нас решение: выпустить книгу стихов, написанных им и Инной Анатольевной в период их жизни в Воскресенске.

Художественно оформить книгу согласилась дочь писателей — Галина Константиновна, а администрация района (в то время я работал там заведующим информационно-аналитическим отделом) приняла на себя организационные и финансовые вопросы издания книги. Посредником между Воскресенском и Москвой в решении технических вопросов вызвался быть известный в нашем городе своими литературными пристрастиями Андрей Константинович Лебедев.

По словам Ваншенкина, он и сам не ожидал, что написано в нашем городе было так много. В декабре 1998 года книга увидела свет в Воскресенской типографии, а в субботу, 19 декабря, через день после своего семидесятитрёхлетия, Константин Яковлевич приехал на презентацию.

Представление книги состоялось во Дворце культуры химиков. Здесь автора ждали удивительные встречи с его давними знакомыми, бывшими соседями, почитателями. Это был настоящий литературный праздник. В память о тех событиях у меня остался автограф в книге «Летом в Воскресенске»: «*Милому Виктору Ивановичу Лысенкову — с благодарным чувством и пожеланием радостей. К. Ваншенкин. 19.12.98.*».

То пребывание в Воскресенске оставило приятные впечатления и у Константина Яковлевича, что подтверждают строки из его письма, полученного вскоре после презентации книги: «Я с удовольствием вспоминаю встречу с Вами и другими воскресенцами». Да и в интервью, опубликованном в журнале «Вопросы литературы» (№ 3/2005), он упоминает: «...в 1999 году в подмосковном Воскресенске, с которым мы с ней (*И.А. Гофф.* — **В.И.**) были тесно связаны — жили там в своё время, — по инициативе местного руководства вышла наша книжечка стихов и песен «Летом в Воскресенске», названная так по одному из моих стихотворений».

Пусть не смущает читателя некоторое расхождение в датах: книга вышла уже на самом исходе 1998 года, поэтому в выходных данных намеренно указан 1999 год.

Вообще приезд Константина Яковлевича в Воскресенск, состоявшийся разговор о литературном творчестве, о необходимости поддержки молодых талантов, об истории города лишний раз укрепили в мысли о необходимости приступить, наконец, к изданию воскресенского литературного альманаха. И буквально через полгода сборник увидел свет. Отослал Константину Яковлевичу первый, а затем и второй выпуски. Было интересно его мнение. И он откликнулся: «Внимательно прочёл и альманах. В нём есть ряд удачных стихотворений,

ещё больше тонких и точных строк и строф. Но, к сожалению, и немало слабого. Иначе и быть не могло. Это ведь дело, как Вы понимаете, сугубо штучное. Всё-таки требуется более жёсткий отбор — и самими авторами, и теми, кто сборник составляет. Я понимаю, что это в основном не профессионалы, ценю их преданность поэзии, желание, порыв, но весь смысл-то всё-таки в определённом уровне (с учётом неминуемых и естественных скидок), в преодолении».

Должен сказать, что нам, членам редакционного совета и авторам альманаха, такое внимательное отношение именитого писателя к первому опыту работы над сборником явно пошло на пользу. Отклик мастера на второй выпуск был уже более благосклонен:

«Благодарю за второй выпуск воскресенского альманаха. Действительно, впечатление от него светлое, доброе, раздумчивое.

Конечно, не всё равноценно, и это нормально: авторы-то разные — по характеру, темпераменту, опыту и, разумеется, способностям. Их объединил Воскресенск — и в жизни, и в книге. Но ведь как замечательно, что в наши, как принято говорить, непростые времена существует эта неугасающая потребность — писать стихи и рассказы, поведать о себе, об увиденном и пережитом в жизни. И не менее приятно, что такая духовная потребность находит понимание и поддержку у тех, от кого зависит издание».

Но особенно порадовали участие Константина Яковлевича в третьем выпуске альманаха своими новыми стихами и согласие на публикацию рассказа Инны Анатольевны Гофф «Поющие за столом».

Во время работы над первым выпуском альманаха в нас утвердилась мысль о воссоздании при редакции районной газеты литературного объединения. 20 октября 1999 года, на презентации альманаха, такое решение окончательно оформилось. Руководителем литобъединения избрали старейшего журналиста Ивана Павловича Родионова, который начал хлопотливое дело составления и выпуска в газете «Наше слово» ежемесячных литературных страниц со стихами и прозой воскресенских авторов. И первая страница, вышедшая 1 февраля 2000 года была посвящена творчеству Инны Гофф.

С 2003 года литобъединение возглавляет член Союза писателей России Леонид Анфиногенович Дудин. Во многом благодаря его

поразительному альтруизму и вниманию к собратьям по перу сегодня воскресенское литературное объединение «Радуга», у истоков которого когда-то стояла Инна Анатольевна Гофф, — одно из ведущих в Подмосковье.

Печаль юбиляра

17 декабря 2005 года Константину Яковлевичу Ваншенкину исполнилось 80 лет.

Были многочисленные поздравления: от Президента России, Председателя Совета Федерации, других государственных и общественных деятелей, а также от руководства нашего района и земляков.

По телевидению и радио прошли замечательные программы, посвященные юбиляру. Поздравлениями откликнулись газеты и журналы.

Однако в телефонном разговоре в этот день улавливалась некоторая печаль юбиляра. На вопрос, будет ли он отмечать день рождения широко, Константин Яковлевич ответил, что, хотя на него многие и обиделись, большого собрания не будет: «Тех, кого я бы хотел увидеть на юбилее, уже, к сожалению, нет...». Сразу вспомнились его строки:

Наступает новая пора.
Происходит в жизни перемена.
Не вчера и не позавчера —
Это настигает постепенно.

Постепенно и листва, шурша,
С почерневших веток облетела.
Постепенно вечная душа
Оценила временное тело.

Постепенно солнцу всё трудней
Пробивать туманов оболочку.
Постепенно яркий круг друзей
Сузился и превратился в точку.

А в Воскресенске юбилей земляка был отмечен литературно-музыкальными вечерами в библиотеке химиков, в краеведческом музее

Кривякинской усадьбы, во многих учреждениях культуры. Звучали стихи, песни К.Я. Ваншенкина и И.А. Гофф, воспоминания тех, кому посчастливилось лично знать наших замечательных земляков.

Улица Инны Гофф

«Инна Гофф, как это ни печально, ушла из жизни в 1991 году, но Воскресенск навсегда остался в её душе, как навсегда останется он и в моей», — завершает Константин Яковлевич Ваншенкин обращение к читателям книги «Летом в Воскресенске».

Инна Анатольевна Гофф и Константин Яковлевич Ваншенкин тоже очень дороги воскресенцам. Их имена, творчество, без сомнения, являются частью истории и культурной жизни Воскресенска. А песни «Я люблю тебя, жизнь» и «Русское поле», бесспорно, являются принадлежностью Воскресенска в такой же степени, как хоккейный клуб «Химик» или кривякинская усадьба Красное сельцо, создавая славу и свою особенную привлекательность облику города.

18 мая 2007 года Совет депутатов Воскресенского муниципального района, по ходатайству Воскресенского литературного объединения «Радуга» и редакционного совета альманаха «Воскресенск — моя родина светлая...», поддержанному администрацией района и Воскресенским информационным агентством, принял решение об увековечении памяти писательницы И.А. Гофф и о переименовании 1-го Лесного переулка в городе Воскресенске в улицу Инны Гофф.

6 октября 2007 года произошло новое событие: на доме № 4 по улице Инны Гофф установлена мемориальная доска тёмно-зелёного мрамора с высеченной надписью: *«В этом доме с 1960 по 1990 гг. жила и работала писательница Инна Анатольевна Гофф. Здесь ею были написаны песни «Русское поле», «Август».*

На торжество открытия мемориальной доски пришли многие горожане, соседи, поклонники творчества писательницы, литературная общественность Воскресенского района, Москвы и Подмосковья. Было сказано много добрых слов о культурно-исторической значимости происходящего. Сердечную благодарность за память об Инне Анатольевне

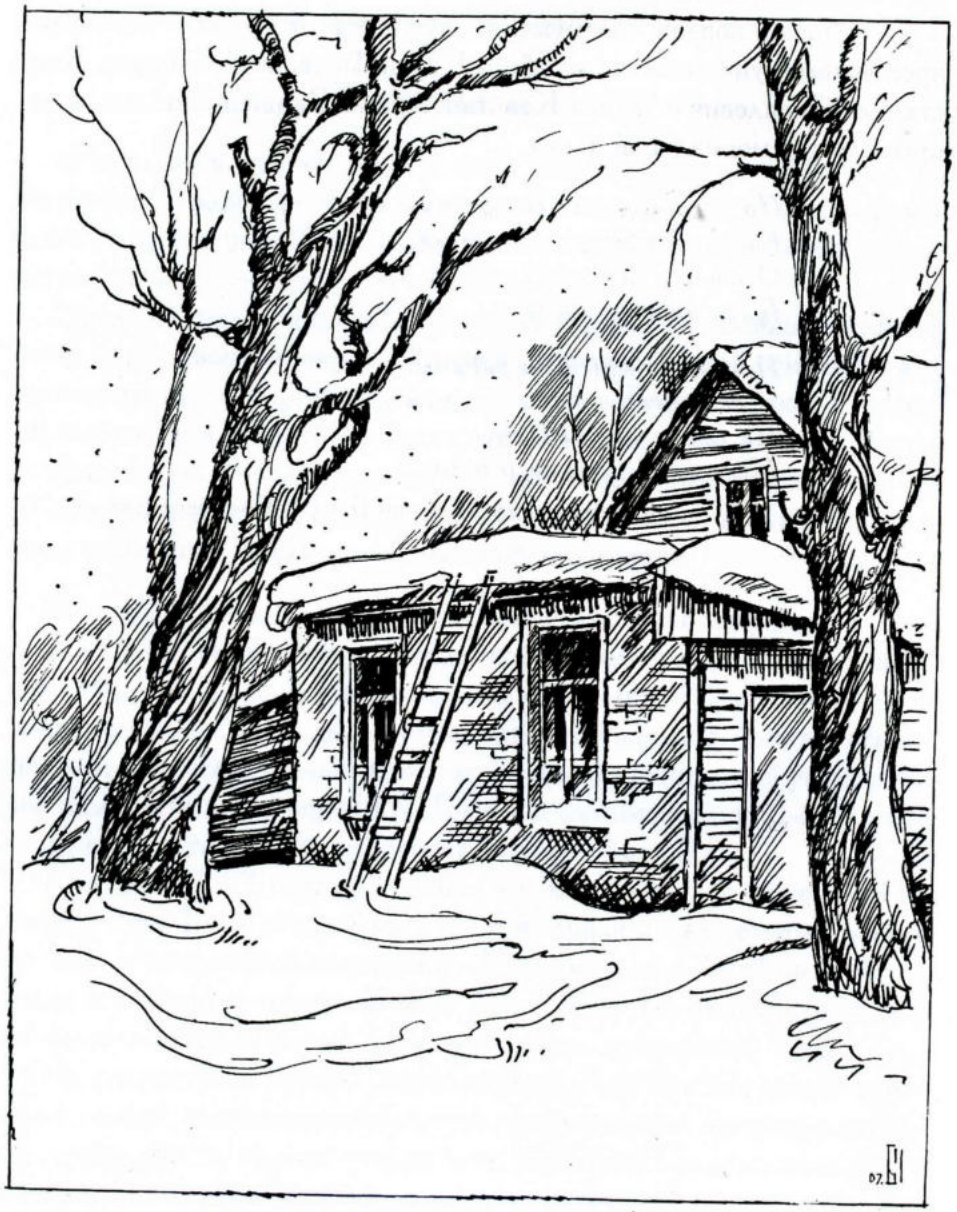
выразили воскресенцам приехавшие на торжество Константин Яковлевич и Галина Константиновна Ваншенкины.

Под проникновенно-волнующие звуки «Русского поля» глава Воскресенского муниципального района Юрий Фёдорович Слепцов, Константин Яковлевич и Галина Константиновна Ваншенкины сняли покрывало с мемориальной доски.

Порой мы сквозь сон различали,
Как, собственно, невдалеке,
Особенно слышный ночами
Гудел пароход на реке.

Под осень краснели рябины,
И столько случится потом...
На улице имени Инны
Мы жили, не зная о том.

(К. Ваншенкин. «Улица Инны Гофф в Воскресенске»).



Воскресенск. Больничный городок

Библиография

Андроникашвили-Пильняк Б.Б. Метеор? Прометей? К. Чуковский и Б. Пильняк. // «Литературное обозрение». 1999, № 3. С 66-74.

Андроникашвили-Пильняк Б.Б. О моём отце. // Пильняк Б. Повесть непогашенной луны: Сборник. — М.: Книжная палата, 1989. С 3-25.

Андроникашвили-Пильняк К.Б. Борис Пильняк. Житие «на Посадьях». // «Наше наследие» № 69/2004. С. 78-84.

Ахматова А.А. Собрание сочинений в 2 т. Т. 1. — М.: Правда, 1990. С. 249, 250.

Борис Пильняк: опыт сегодняшнего прочтения. (По материалам научной конференции, посвящённой 100-летию со дня рождения писателя). ИМЛИ им. М. Горького РАН. — М.: Наследие, 1995.

Бронницкий уезд. Экономический сборник.— Издание Бронницкого уездн. исполнительного комитета Сов. раб. и крест. депутатов, г. Раменское— М., 1928.

Ваншенкин К.Я. Волнистое стекло. Лирика. — М.: Советский писатель, 2000.

Ваншенкин К.Я. Его опасные пасы. Проза. — М.: Советский писатель, 2006.

Ваншенкин К.Я. Женщина за стеклом. Лирика. — М.: Прогресс-Плеяда, 2003.

Ваншенкин К.Я. Из хорошей семьи. // «Знамя». 2008, № 3.

Ваншенкин К.Я. Наброски к роману. — М.: Современник, 1973.

Ваншенкин К.Я. «Но всё задумчивей с годами жизнь вспоминается опять...». // «Вопросы литературы». 2005, № 3. С. 125-152.

Ваншенкин К.Я. Поэзия — чтение не для миллионов. // «Труд - 7». 2005, 15-21 декабря.

Ваншенкин К.Я. Простительные преступления. Воспоминания, рассказы, эссе. — М.: ИД «Литературная газета», 2006.

Ваншенкин К.Я. Собрание сочинений: В 3-х т. Т. 1. Стихотворения: 1945-1967. — М.: Художественная литература, 1983.

Ваншенкин К.Я. Ты шла со мной при свете дня. // «Общая газета». 1998, 29 октября — 4 ноября.

Ванюков А.И. Русские повести трудной судьбы: 1920-е годы. // Трудные повести. — М.: Молодая гвардия, 1990. С. 11-13.

Воскресенск. 1938-1998. — Коломна: Тираж,1998.

«Впечатление светлое, доброе, раздумчивое...». // «Наше слово» (Воскресенск). 2003, 9 декабря.

В юбилей писателя. // «Наше слово» (Воскресенск). 2005, 22 декабря.

Гофф И.А. Биение сердца. Повесть. — М.: Советский писатель, 1956.

Гофф И.А., Ваншенкин К.Я. Летом в Воскресенске. — М.: Подмосковье, 1999.

Гофф И.А. Запах смородины. Рассказы и повесть. — М.: Советская Россия, 1982.

Гофф И.А. Личная жизнь. Повесть, рассказы, из записных книжек. — М.: Советский писатель, 2006.

Гофф И.А. На белом фоне. Рассказы, воспоминания. — М.: Современный писатель, 1993.

Гофф И.А. Не верь зеркалам. Рассказы и повесть. — М.: Советский писатель, 1966.

Гофф И.А. Советы ближних. Роман. Повести. Рассказы. — М.: Советский писатель, 1988.

Гофф И.А. Точка кипения. Повесть. — М.: Советский писатель, 1958.

Гофф И.А. Юноша с перчаткой. Рассказы. — М.: Советский писатель, 1974.

Гофф И.А. Юные читатели. // «Коммунист» (Воскресенск). 1952, 22 октября.

Дудин Л.А. «Я люблю тебя, жизнь...». // «Наше слово» (Воскресенск). 2000, 16 декабря.

Дудин Л.А. Памяти поэтессы. // «Литературная газета». 2007, 31 октября — 3 ноября.

Есенин С.А. Собрание сочинений в 3 т. Т. 3. — М.: Правда, 1983. С. 173, 174, 232, 312, 314.

«Желаю от души удач...». // «Наше слово» (Воскресенск). 2000, 27 мая.

Жизнь Есенина. Рассказывают современники. — М.: Правда, 1988. С. 487, 495, 501, 531-534, 562.

Занятие литгруппы. // «Коммунист» (Воскресенск). 1952, 31 октября.

Зеленов В.В. «Воскресенск — моя родина светлая». // «Наше слово» (Воскресенск). 1999, 26 октября.

Киселёв С.А. «Так рождался альманах». // «Наше слово» (Воскресенск). 1999, 14 октября.

Клировая ведомость Иоанно-Златоустовской церкви села Новлянского Бронницкого уезда, 5-го Благочиннического Округа Московской епархии за 1913-й год.

Коломенский район. Схема. — Коломна: Тираж, 1998.

Костова Н.А. «Здравствуй, русское поле...». // «Искра-ТВ» (Воскресенск). 2007, 17 октября.

Котов Л. «Я твой тонкий колосок...». // «Литературная газета». 2003, 8-14 октября.

Лажечников И.И. Собрание сочинений в 6 томах. Том 2. — М.: Можайск — Терра, 1994. С. 125, 126.

Ливен А.А. Лирика. — М.: Радикс, 1997.

Литературная страница. // «Наше слово» (Воскресенск). 2000, 1 февраля.

Лысенков В.И. «Адрес мой: ст. Воскресенск...». Борис Пильняк в Кривякине. — Воскресенск: ВИА, 2005.

Лысенков В.И. Борис Пильняк: «Адрес мой с 1-го апреля таков: ст. Воскресенск...». // «Воскресенск — моя родина светлая...». Литературный альманах. Вып. 2. — М.: Интеллект-Центр, 2003. С. 126-137.

Лысенков В.И. Воскресенск и Воскресенский район. // Воскресенск и Воскресенский район. — Тверь: Фактор, 2000. С. 4-7.

Лысенков В.И. «Воскресенск навсегда остался в душе...». // «Воскресенск — моя родина светлая...». Литературный альманах. Вып. 3. — Воскресенск: ВИА, 2007. С. 293-309.

Лысенков В.И. Воскресенск навсегда остался в душе. // «Наше слово» (Воскресенск). 2006, 25 ноября, 2, 9, 16 декабря.

Лысенков В.И. Стихи, написанные в Воскресенске. // «Наше слово» (Воскресенск). 1998, 17 ноября.

Лысенков В.И. Российский премьер. Георгиевский кавалер. Священномученик. // «Наше слово» (Воскресенск). 2006, 8 июня.

Лысенков В.И. «Я твой тонкий колосок...». // «Наше слово» (Воскресенск). 2007, 29 мая.

Михайлов А.Л. Константин Ваншенкин. Очерк поэзии. — М.: Художественная литература, 1979.

«Нас с тобой чёрт ниточкой связал». Письма Б. Пильняка Е. Замятину / Вступительная статья, публикация и комментарии К. Андроникашвили-Пильняк. // «Наше наследие». № 69/2004. С. 89-102.

Никулина В.Н. Душа наша тянется к светлому. // «Грань» (Раменское). 1999, 5-10 января.

Новиков В.В. Творческий путь Бориса Пильняка. // Пильняк Б.А. Целая жизнь: Избранная проза. — Минск: Мастацкая літаратура, 1988. С 3-26.

Павлович Н.А. Невод памяти. // «Человек». № 1/1997. С. 157-162.

Пастернак Б.Л. Собрание сочинений в 5 т. Т. 1. Стихотворения и поэмы 1912-1931. — М.: Художественная литература, 1989. С. 226, 682, 683.

Петросов К.Г. Литературные Старки (Поэты «черкизовского круга» и Анна Ахматова) // «Новое в жизни, науке и технике». Серия «Литература», № 5/1991. — М.: Знание, 1991.

Пильняк Б.А. Мне выпала горькая слава... Письма 1915-1937. — М.: Аграф, 2002.

Пильняк Б.А. Сочинения в 3-х т. — М.: Лада М, 1994.

Пильняковский вечер в Кривякине. // «Наше слово» (Воскресенск). 2004, 7 октября.

Публикации в сети Интернет.

Советский энциклопедический словарь. 3-е изд. — М.: Советская энциклопедия, 1984. С. 999.

Суслов А.А. Городские хроники. // «Искра-ТВ» (Воскресенск). 2007, 11 июля.

Суслов А.А. Он древнего был греческого рода... // «Воскресенск — моя родина светлая...». Литературный альманах. Вып. 3. — Воскресенск: ВИА, 2007. С. 317-323.

Тема воскресенская неиссякаема. // «Наше слово» (Воскресенск). 1998, 26 декабря.

Федин К.А. Горький среди нас. Картины литературной жизни. — М.: Советский писатель, 1977. С. 226, 228.

Черепанов И.М. Историческая память. // Исторические сюжеты на юбилейную тему. — М.: Современные тетради, 1999. С. 9-14.

Шайтанов И.О. Метафоры Бориса Пильняка, или История в лунном свете. // Пильняк Б.А. Повести и рассказы. 1915-1929. — М.: Современник, 1991. С.5-36.

Шервинский С.В. Стихотворения. Воспоминания. — Томск: Водолей, 1997.

Яненков В.К. Город мой. // «Воскресенск — моя родина светлая...». Поэтический альманах. № 1. — М.: Подмосковье, 1999. С. 4.

Алфавитный указатель имён

Абрамов С. 50
Авилова Л.А. 145
Агафонова Е.А. 28
Агашина М.К. 134, 135, 175
Аграновский А. 174
Аксаков И.С. 75
Аксаков К.С. 75
Аксёнов В. 133
Александр Невский 9
Алексеев Г. 46, 109
Алчевская Х.Д. 145
Альвинг (Смирнов) А.А. 56, 63, 64, 69
Андерсен-Нексе М. 97
Андрес В.В. 19, 28
Андрианова Е.П. 107
Андроникашвили К.Г. 84, 85, 106, 107
Андроникашвили-Пильняк Б.Б. 63, 82, 86, 89, 106, 109, 191
Андроникашвили-Пильняк К.Б. 63, 191, 193
Анненков Ю. 51
Антонов-Овсеенко В. 98
Антропов А.И. 28
Аросев А.Я. 97
Асадов Э. 171
Асеев Н.Н. 97, 98
Астафьев В. 134
Ахматова А.А. 47, 87, 97, 102-104, 107, 108, 191
Ашукин Н. 94, 96, 108
Бабель И. 45, 97, 98
Бакланов Г. 171
Балтер Б. 171
Баранов И.В. 28
Батый 144
Башмаков Н.И. 62
Бедный Б. 175
Бедный Д. 71, 98
Безыменский А. 98
Бекетов А.В. 22, 39
Белоус С.С. 157
Белоусов И. 92
Белоусова Л. 22, 39
Белый А. 44, 56, 67, 71, 97
Бениславская Г.А. 89, 91
Берберова Н.Н. 70
Бервина 90
Бернес М.Н. 130, 148, 164, 170, 174, 177
Блок А. 66, 67, 70
Бондарев Ю. 171
Бродская Н. 164
Брюсов В.Я. 47, 50, 67, 97
Будённый С.М. 95
Булгаков М.А. 83, 97, 102
Булганин Н.А. 98
Бурмистров-Поволжский И. 89
Бухарин Н.И. 106
Валова-Корягина Л.И. 121, 123, 124, 126, 161
Ваншенкин К.Я. 25, 114-189, 191, 192
Ваншенкин Я.Б. 166
Ваншенкина Г.К. 114, 118, 119, 121-124, 126, 132, 151-154, 156, 158, 160, 161, 166, 173, 174, 189
Ваншенкина Е. 124, 155, 174
Ваншенкина Ф.Д. 166
Ванюков А.И. 191
Василий III 144
Васильев В.Ф. 21, 39
Ведищева А. 164
Великанова Г. 164
Вельяшев П.И. 96
Вересаев В. 97
Вержбицкий Н.К. 90
Весёлый А. 83, 97, 98, 109
Виноградов С.И. 12
Винокуров Е.М. 134, 171, 174, 175
Владимиров С.Н. 28
Вогау А.А. 80
Вогау А.Б. 48, 57, 80, 82
Вогау А.И. 47, 48, 52, 57, 61, 62, 67, 68, 70, 72, 90, 92, 107
Вогау В.И. 61
Вогау Е. 67
Вогау Н.А. 48, 52, 53, 61, 92, 108
Вогау Н.Б. 48, 57, 80, 82, 86
Вогау-Савинова О.И. 47, 48, 52, 53, 61, 67, 68, 80, 82, 92, 107
Воронская Г.А. 98
Воронский А.К. 45, 79, 90, 98, 101, 109
Высоцкий В.С. 148
Вяземский П. 75
Гаврилов 123, 153
Гагарин Ю.А. 130, 175
Галинач И.Н. 28
Галкин С. 67
Галлай М. 174
Гамзатов Р.Г. 149, 165, 166, 171
Ганнушкин 91
Гарагуля А. 133
Герасимов М. 67, 91, 98
Герман А. 148, 164
Герштейн Э. 103
Гёте И. 148
Гинзбург Е. 148
Гнатюк Д. 164
Гоголь Н.В. 17, 25, 45, 75, 108, 146, 150, 182
Голиков А. 39
Голиков В. 39
Горнунг Л.В. 48, 103
Горький А.М. 44, 69, 71, 80, 94, 97, 99, 101, 142
Гостев В. 142
Готхарт Н. 103
Гофман В. 44
Гофф А.И. 114-117, 121, 151, 173, 174
Гофф З.П. 114-116, 121, 145, 151, 173, 174
Гофф И.А. 25, 113-189, 192
Гофф С.Я. 114, 117, 173
Гречкина Л.В. 28
Грибоедов А.С. 147
Григ Н. 97
Грунт Я.Я. 92
Гудков С.П. 140
Гуляев Ю. 163, 164
Гумилёв Л. 102
Гурченко Л.М. 106
Гурченко-Королёва М.Б. 106
Гюго В. 115
Даниил Московский 9
Дементьев А. 147
Дёмин Н.С. 26
Денисова Е.Н. 124
Дивочкин А.А. 26
Дмитрий Донской 10
Докторов Н.И. 19, 28, 138, 146, 165
Дрожжин С.Д. 89
Друнина Ю. 171
Дудин Л.А. 5, 159, 186, 192
Дункан А. 90
Дурова Н. 175

Евдокимов И. 91
Евтушенко Е. 171
Екатерина II 11
Елшанкина Г. 142
Есенин С.А. 45, 67, 78, 79, 89-91, 98, 107, 108, 192
Есенина А.А. 79, 89
Есенина Е.А. 79, 90
Желев Ж. 178
Жизневский А.К. 73, 74
Жуковский В.А. 75
Зайцев П.Н. 93
Замятин Е.И. 76, 83, 97, 102, 193
Замятина Л.Н. 76, 97
Зарудин Н. 46, 109
Звонов В.П. 28
Зеленов В.В. 192
Зелепукин В. 39
Зиновьев Г.Е. 106
Злобин А. 171
Зозуля Е. 46
Зощенко М. 45, 97, 102
Зыкина Л. 164
Иван I Калита 9, 24
Иван III 10
Иван IV Грозный 10
Иванов Вс. 45, 67, 79, 89, 97-99, 110
Ивашов В. 163
Илютович С.И. 26
Инбер В. 97
Ионенко И.Р. 28
Ионов И.И. 90, 97
Исаев Е. 171
Исаковский М.В. 168, 170
Искандер Ф. 166, 171
Исполинов С.А. 28
Каверин В. 97
Каган Б.Л. 19, 26
Каганович Л.М. 98
Калашник М. 147
Каменев Л.Б. 98
Каменский В. 39
Карклиня-Гофт И. 70
Карпов В.Е. 26
Касаткин И.М. 89
Кассиль Л.А. 136
Катаев В.П. 97, 136, 137, 139, 148
Катаев И.И. 109
Качалов В.И. 18, 26, 90
Каченовский М.Т. 73
Кацепов 62
Квартальнов Д. 39
Кеосаян Э.Г. 163
Кириллов В. 89, 91
Киров С.М. 98
Киршон В. 98
Киселёв И.А. 26
Киселёв С.А. 192
Клычков С.А. 89
Кобзон И.Д. 164
Коваленко Р. 166
Кожедуб И. 142
Козлов В. 22, 39
Козлов Н.Д. 159
Колмановский Э.С. 132, 148, 174, 177
Колоколов Н.И. 89
Кольцов М. 103, 108
Комардинкин К.П. 26
Конюс Ю.Э. 18, 26
Корнев Н. 142
Корнилов В. 171
Коробов И. 89
Коровин К.А. 26
Костова Н.А. 193
Котикова М. 122-124, 161
Котов Л. 193
Кочетков А.С. 48
Кошевая Е.Н. 142
Красин Л.Б. 98
Кристалинская М. 148, 164
Кристи Л.М. 142
Кристи М.П. 142
Кристи С.М. 142, 143
Крупская Н.К. 66, 67
Куденков Н.И. 28
Кузьмина З. 122-124, 161, 179
Кусиков А. 97
Лажечников И.И. 25, 72-75, 77, 114, 138, 146, 164, 193
Лажечников Н.И. 25, 73, 75
Лапина-Денисова Н.Н. 117, 124, 153, 157, 161
Ларионов И.Н. 22, 28, 39
Лебедев А.И. 20, 26
Лебедев А.К. 157, 185
Лебедев-Полянский П. 101
Лермонтов М.Ю.25, 75, 182
Ливен А.А. 115
Ливен А.А. (о. Андрей) 72, 73, 77, 193
Ливен А.П. 63, 72, 114, 115, 138
Ливкин Н.Н. 89
Лидин В. 110
Лозинский М.Л. 48
Ломакин А. 39
Лужков Ю.М. 178
Лукач М. 164
Луначарский А.В. 45, 97
Люкшин В.Ф. 28
Ляпкин Ю. 39
Ляшко Н. 89
Макаренко А.С. 114
Макаров Н.И. 28
Максимов 94
Максимова Е.М. 142
Малышкин А. 98
Мамай 144
Мамонтов К.К. 95
Мастеров А.А. 157
Матвиенко Т.П. 28
Маяковский В.В. 98
Мелиссино И.И. 17, 24
Меркина М.М. 114
Меркурьева В.А. 48
Минин К.М. 16, 24
Миролюбов В.С. 49, 50, 56, 89, 93, 95, 96
Миронов А.А. 164
Митин В.С. 28
Михайлов А.Л. 134, 193
Михалков С.В. 136
Моисеев А.П. 26
Мопассан Г. 115
Морозов Ю.И. 21, 39
Муравьёв В.А. 28
Мусатов Н.А. 26
Найман А. 103
Наполеон Бонапарт 25
Наседкин В.Ф. 79, 89, 90
Неверова Р. 142
Некрасов В. 148, 174
Некрасов Н.А. 166
Никитин В. 39
Никитин Н. 45, 46
Никифоров Н.З. 28
Никольская Л. 124
Никольские 123, 124, 154, 179, 180
Никулина В.Н. 193
Новиков В.В. 194
Новиков-Прибой А. 89
Новикова М.Я. 28
Ободзинский В. 164
Окуджава Б.Ш. 124, 132, 133, 148, 165, 174
Олеша Ю. 148
Орешин П.В. 89
Орлова А.Г. 157
Отс Г. 164
Охрименко А. 143
Павленко П. 46
Павлович А. 68
Павлович Н.А. 53, 63-70, 89, 106, 194
Панова В.Ф. 143

Парфёнов А. 22, 39
Пастернак Б.Л. 43, 47, 67, 87, 90, 97, 98, 102, 107, 109, 110, 194
Паустовский К.Г. 135, 136, 143
Пахоменко М. 164
Перельман М. 67
Перепёлкин А.Н. 28
Петров А.Е. 28
Петровский Г.С. 26
Петровский И. 67
Петросов К. 103, 194
Пётр I 10
Пильняк (Вогау) Б.А. 25, 43-110, 191, 194
Платонов А. 46, 97
Плетнёв М.В. 20, 26
Погодин Н. 97, 110
Пожарский Д.М. 16, 24, 138
Поженян Г. 171
Покровский Я.Н. 146
Полевой Б.Н. 147
Полонский В. 44, 45, 97
Попов Б.Б. 62
Попов Г. 178
Поскрёбышев А. 102
Постников М.П. 140, 141
Приблудный И. 98
Протопопов О. 22, 39
Пунин Н.Н. 102, 103
Пунина И.Н. 103
Пушкин А.С. 25, 75, 142, 147, 182
Пятаков Г.Л. 106
Рагулин А. 39
Радек К.Б. 105, 109
Радимов П. 91
Радищев А. 103
Райзман Ю. 106
Раскольников Ф.Ф. 108
Растрелли 116
Ревич А. 171
Ремизов А. 44, 56, 69, 97
Родионов И.П. 186
Рождественский Р. 171
Розанов М. (Огнев Н.) 46
Розов В. 171
Ройзман М.Д. 90
Рыков А.И. 98
Ряжский Г. 67
Сабурова С. 144
Савинов А.И. 69, 71, 80
Савинова Е.И. 66, 68, 69
Сальников А.В. 23
Сахаров А.М. 79
Светлов М. 98, 135, 148
Северянин И. 67, 89
Сейфуллина Л. 102
Семёновский Д. 89
Серафимович А. 97
Серебряков Л.П. 109
Сериков Б. 62
Сидоров Е.Ю. 144, 166
Симонов Е.В. 157, 184
Синигин 140
Сказкина М. 142
Слепцов Ю.Ф. 158, 160, 189
Слуцкий Б. 174
Смеляков Я. 174
Смирнов А. 39
Смирнов Н.М. 75
Смирнова-Россет А.О. 17, 25, 75, 146, 150, 182
Сокол Е. 89
Соколов В. 171
Соколов-Микитов И. 56, 97, 98
Соколова-Вогау М.А. 47, 48, 55, 57, 70, 71, 93, 96, 108
Солженицын А.И. 156
Солоухин В. 171
Сорокина Л. 124, 161
Сорокина Н.И. 108
Сталин И.В. 98, 101, 102, 108
Старостин А.П. 174, 184
Старшинов Н. 171
Стрельцов П.В. 26
Стрёмина В.В. 28
Стручков В.И. 19, 26, 28
Суслина А.А. 28
Суслов А.А. 194
Сухотина-Толстая С.А. 79, 89-91
Твардовский А.Т. 148, 170, 174
Тендряков В. 171, 174
Терский П. 89
Тимонин А.И. 28
Титов Г. 39
Титов Г.С. 23, 25
Титов Л.А. 28
Тихонова М.А. 141
Толстой А.Н. 56, 97, 98
Толстой И. 89
Толстой Л.Н. 90, 143
Толубко В.Ф. 147
Трифонов Ю. 148, 171, 174
Троцкий Л.Д. 98, 99, 105
Трошин В. 164
Турков А.М. 135, 161, 171
Тютчев Ф. 75
Успенский Г. 94
Устинов Д.Ф. 147
Фадеев А. 98
Фатьянов А. 148, 174
Федин К. 44, 97, 110, 194
Фетисов В. 22
Фёдоров С. 174
Филатов 140
Флоренский П. 67
Флоровский Г.В. 90
Фомин Т.А. 28
Форш О. 97
Френкель Я. 131, 148, 149, 174
Фрунзе М.В. 100, 101
Фузеев В.С. 28
Фурманов Д. 97, 98
Хиль Э. 164
Холодов Ф.А. 140
Хохлов И.С. 25
Хрипунов Н.Ф. 28
Цветаева М. 47, 48, 97
Чагин П.И. 78, 90
Чапаев В.И. 142
Черепанов И.М. 194
Черкасский 48
Черных А. 39
Чернышёв А.М. 64, 71, 89, 92
Чета 144
Чехов А.П. 143, 145
Чехов М. 67
Чичурин Ю. 39
Чуковский К. 71, 83, 96, 97, 103, 108
Шаламов В.Т. 44
Шайтанов И.О. 194
Шебуев Н. 49
Шевченко Т.Г. 92
Шекспир В. 143
Шенгелая Н. 106
Шервинский С.В. 47, 48, 103, 104, 194
Шереметьев 92
Ширяевец А. 89
Шишков В. 45, 97
Шкапская М.М. 89, 91
Шкловский В. 148
Шкулёв Ф.С. 89
Шрейберг В. 143
Штукатуров О. 141
Штыркова М.В. 28
Щедрин Р. 149
Щербиновская О.С. 48, 80, 108
Эйзенштейн С. 106
Эпштейн Н.С. 21, 28, 39
Эренбург И.Г. 110
Эфрос Н.Е. 26
Юричев Г.Е. 146
Юганов В.П. 93, 94
Юхтин Г.Г. 20, 26
Ягода Г.Г. 102
Ямашев П.Я. 146
Яненков В.К. 9, 194
Ященко А.С. 56

Многовековой кривякинский дуб — свидетель нашей истории

СОДЕРЖАНИЕ

Леонид Дудин. О книге и её авторе 4
На берегах Москвы-реки, Семиславки и Нерской 7
«Приезжайте к нам в Кривякино...» 41
«Изумительно талантливый писатель» 43
Уездная Коломна 46
Рождение Писателя 49
Под песни деревенских девчат 61
«В Кривякине — слишком много писал...» 63
«Кажется люблю...» 65
«Теперь я Бор. Пильняк...» 71
На родине Лажечникова 72
«В Кривякино, в усадьбу...» 76
Сергей Есенин 89
«Мы живём на вулкане...» 92
«Был очень мил...» 96
«Воля не видеть» 99
Анна Ахматова 102
Горькая слава... 105
«Здравствуй, русское поле...» 111
Домик под старыми липами 113
Рыжие гроздья рябины... 117
Галины подружки 121
«Лишь одна дорога — литература...» 135
Повести о городе химиков 136
Воскресенский литературный кружок 139
«Здесь отчизна моя...» 143
«Я твой тонкий колосок...» 148
«Сын нашего отчаянного века» 166
Под покровительством святого Валентина 171
«Сентябрьский вечер в Воскресенске...» 175
Книга «воскресенских стихов» 184
Печаль юбиляра 187
Улица Инны Гофф 188
Библиография 191
Алфавитный указатель имён 195

Виктор Иванович ЛЫСЕНКОВ
ВОСКРЕСЕНСКИЕ ПЕНАТЫ

Редакция авторская,
при участии Л.А. Дудина, Л.Н. Булычёвой, А.В. Сальникова
Компьютерный набор Е.В. Лысенковой
Компьютерная вёрстка А.А. Белёновой

В приводимых цитатах сохранены авторские пунктуация и орфография.

Издательство «Интеллект-Центр», г. Москва

Подписано в печать 26.03.2008 г. Печать офсетная. Бумага офсетная.
Гарнитура AcademyC. Объём 12,5 п.л. Формат 60x84/16.
Тираж 1200 экз. Заказ 3757

Отпечатано в филиале ГУП МО «КТ» «Воскресенская типография»
140200, г. Воскресенск Московской области, ул. Вокзальная, д. 30
E-mail: vosprint@mail.ru тел.: 8 (496) 442-45-42